

Николь Рейш

*Объятые пламенем мы сгорели дотла.
То, что казалось наградой, в реальности
было обманом.*

*Ты умерла, и мое сердце превратилось
в пепел.*

Моё

ПЕПЕЛЬНОЕ

Счастье

Серия "Помни". Книга 2

2015

Н и к о л ь Р е й ш

Серия «Молнии»

Книга 2:

Моё пепельное счастье

Аннотация

Многие мечтают получить второй шанс. Иметь возможность вернуться в прошлое и изменить в нем что-то. Или же наоборот, прожить лучшие моменты своей жизни заново.

Наслаждаясь каждой минутой отведенной в нем, заранее зная, что подобного в твоей жизни больше не будет. Каждый мечтает об этом, но не получает. Или получает?

Попав в автомобильную аварию Кайл теряет сознание, а когда приходит в себя, с трудом верит в происходящее. Он в прошлом. А точнее в своем слегка изменённом прошлом, в котором его не заставили отказаться от возлюбленной, а наоборот дали свободу.

И теперь между ним и Эмили не стоит никаких преград. Они наконец-то могут быть вместе и прожить жизнь так, как всегда мечтали.

Но у каждой мечты есть своя цена. И цена, которую предстоит заплатить Кайлу — гибель друзей, которые в трудную минуту приходили на выручку. На кону теперь стоит не только жизни Эстер, Зака и Даниэля, а жизни всех падших ангелов, которые есть на земле.

Увезти Эмили из города и начать жизнь заново? Или рискнуть своим счастьем, чтобы спасти друзей? Сложный выбор, не правда ли? Особенно если учесть, что ни одна история не повторяется дважды.

Мое пепельное счастье

Не верю в то, что звезды угасают.

Что все мелеет. Даже души рек.

Есть женщины, которых не бросают.

Ни нынче. Ни вчера. Ни через век.

За что их любят? Звонко. Без оглядки.

За свет в душе? За ум? За красоту?

Их любят так, что не играют в прятки,

А все им отдают начистоту.
До лучика. До вздоха. До кровинки.
До той, последней грани. До глотка.
И две души, две разных половинки
Уже едины как бы на века.
И все сильней, все явственней, все резче
Твоя любовь к той женщине. К одной.
И дай ей Бог житья-бытья полегче
И самой светлой радости земной.

Сергей Островой

ПРОЛОГ

Три тысячи двести восемьдесят три. Три тысячи двести восемьдесят четыре. Три тысячи двести восемьдесят пять...

Все вокруг замерло. Остановилось. Повисло в воздухе будто бы паутина. Подцепив на себя все мои мысли.

Она спит.

Лунный свет заливается к нам через окошко, освещая ее умиротворенное личико. Ее грудь равномерно опускается и поднимается, концентрируя на себе мое внимание. Вот она: молодая, красивая, теплая, моя. Ее светлые, мягкие, словно шелк волосы, блестящей россыпью лучиков рассыпаны по подушке. Меня всегда умиляла манера Эмили спать подобно ребенку: сложив обе ручки под правую щеку.

Прошло ровно две недели с момента моего возвращения в прошлое. Не смотря на то, что я безумно счастлив, иметь возможность быть рядом с Эмили. Засыпать и просыпаться, держа ее в своих объятиях, мне очень тяжело. Я скучаю по сыну, Эдисон и по всему, что осталось там в будущем.

Так странно, скучать по тому, чего еще нет, но когда-то было. Меня без конца мучают мысли о них. *Что с ними стало? Живут ли они дальше, оплакивая мою потерю, или старейшины стерли их историю со страниц вечности? Должен ли я вмешаться? Спасти Даниэля, Мила, Эстер?*

Меня дразнят, словно собаку, бросая и отнимая мячик. А я бегаю за ним сломя голову. Гоняюсь за тем, что никогда не получу.

Все эти невыносимые мысли не дают мне спать. Я пытаюсь придумать план действий, отталкиваясь от того, что мне известно, но на самом же деле, мне известно ровно столько, сколько *ОНИ* позволили мне знать.

Эмили медленно потянулась. Через мгновение ее голубые глаза распахнулись, фокусируясь на моем лице.

— Привет, — тихо прошептала она улыбаясь. — Чай не помог?

— Привет, — я ласково пробежался кончиками пальцев вдоль ее шеи. Вдохнув поглубже, Эмс прикрыла глазки, а затем потянулась, лениво и сладко. — Наверное, народные средства не действуют на тех, кто в прошлом носил крылья.

Я хотел отшутиться, сделать вид, что моя двухнедельная бессонница не такая уж и серьезная проблема, но тревога в ее глазах, ни на грамм не уменьшилась.

— Позволь мне записать тебя к доктору. Это не нормально, спать по два часа в день.

— В нашем с тобой случае слово «нормально» совершенно не работает.

— Кайл, — строго сказала она, поднимаясь на локтях и заглядывая мне в глаза. Я заулыбался еще сильнее, заметив на ее лице след от подушки. Разве можно воспринимать ее серьезно? — Я волнуюсь, должна же быть причина, почему ты не можешь спать.

Перевернувшись на спину, я уставился в потолок: — Если бы я ее знал...

Но я знал. Причина не одна, их было несколько. Каждый раз, когда я закрываю глаза и начинаю погружаться в сон, то оказываюсь в будущем. Мне снится тот день, когда я последний раз видел Эмили живой. Ее огромные, обрамленные морщинами глаза, были полны боли, сожаления, тоски. От вида ее дрожащих рук у меня разрывалось сердце, но я не мог показать ей, как сильно меня это ранило. Все что я мог делать — это улыбаться, из последних сил сдерживая слезы. Затем эта картинка сменяется другой, еще более ужасающей: похороны.

Я всегда вижу свои посиневшие руки, вцепившиеся мертвой хваткой в букет цветов. Ощущаю пустоту внутри себя. Боль в сердце, такую сильную, обжигающую, нескончаемую. И Эмили. Съжившуюся до размеров фарфоровой куклы, с поблекшими волосами и постаревшим, безжизненным лицом. В холодной, бесцветной тишине раздается голос Алекса, читающего стих:

Оттого, что я жить без тебя не могу, —

Я пишу твоё имя лучом на снегу.

На граните горы. На холсте высоты.

В каждом промельке света мне видишься ты.

Я цветами пишу. Ты ведь любишь цветы.

Это все для тебя. Это ты. Это ты.

Вот мелькнул в непогоду просвет голубой,

Это небо сейчас улыбнулось тобой.

Вот сады захмелели, рассветом знобя.

Это все для тебя. Для тебя. Для тебя.

Ты во всем. Ты всегда. Ты везде на земле.

На траве. На снегу. На свету и во мгле.

Я бегу к тебе, сердцем крича на бегу:

— Не могу без тебя. Не могу... Не могу...¹

Иногда мне снится день аварии. А если конкретнее, то день, когда я погиб. Визг шин по асфальту. Деревья вращаются вокруг меня. Макрк кричит нечеловеческим голосом. Раздается удар, а затем я просыпаюсь...

И просыпаясь, я боюсь оказаться в том времени и понять, что то, что я имею сейчас просто сон. Насмешка старейшин, в очередной раз бросивших мне мячик.

Может где-то там, в будущем, я лежу в больнице, подключенный к аппаратам искусственного поддержания жизни. И от смерти меня спасает лишь трубка, вставленная в горло.

Я боюсь этого так же сильно, как и желаю.

Где-то там (в будущем) у меня ничего нет. Мне нечего терять, кроме собственной жизни. Я лишился всего, потерял самого себя и просто существовал дальше. Сейчас же, у меня есть все, чего я когда-либо желал: я обычный парень, без крыльев за спиной и «ангельской метки» на запястье, рядом со мной девушка, которую я люблю больше жизни (девушка, которая любит меня ничуть не меньше).

Эмили стремится к своей мечте (стать той, кем бы гордились ее родители), а я просто иду рядом с ней. Держу за руку, поддерживаю, не даю упасть или оступиться. Мне не нужно стремиться к мечте, ведь моя мечта — это быть рядом с ней.

— Кайл, — нежная, прохладная рука легла на мое плечо. — О чем ты задумался?

Я перевел на нее взгляд и слегка улыбнулся:

— О тебе. О нас. О жизни в целом.

— Ты жалеешь? — Робко спросила Эмили, опустив глаза. Ее пальцы вцепились в бледно-голубую простыню.

— Жалею? — Я вскинул брови. — О чем?

Эм несколько секунд молчала, нервно покусывая нижнюю губу, словно не решаясь заговорить, но все же заговорила. Так тихо, чуть громче шепота: — О том, что выбрал меня...

— Что? Нет, Эмили, — твердо ответил я, обхватив ее крохотное личико ладонями, заставляя смотреть мне прямо в глаза. От того, как резко я сел, пуховое одеяло соскользнуло с кровати и приземлилось на деревянный пол. — Я не хочу, чтобы ты даже думала об этом. Ты меня поняла?

Разумеется, она думала, что я жалею, что лишился крыльев. На самом же деле я не лишался их, а добровольно «сложил» и это одно из лучших решений, которое я когда— либо принимал.

— Я ни капли не жалею об этом. Я там, где всегда хотел быть. Рядом с той, ради которой бьется мое сердце.

Эмили молчала, ее губы задрожали от подступивших к глазам и горлу слез. В данный момент она мне напомнила Мию, за несколько секунд до истерики малышка выглядела точно так же. Голубые, распахнутые глаза поглощали мои без остатка.

А чего я еще ожидал? Конечно же, Эмили восприняла мою замкнутость, задумчивость и отстраненность на свой счет. Для нее между девятнадцатым и двадцатым августа прошел всего день (день за который ее возлюбленный резко изменился), для меня же прошла целая жизнь. Пятьдесят восемь лет без нее разрушили меня вплоть до основания. Если бы я был бы камнем, то уже давно превратился бы в песок.

— Наша любовь — это волшебство, — я удерживал ее взгляд, стараясь донести до нее всю суть того, что буду говорить. Я жалею, что раньше не делал этого. Раньше Эмили знала о

том, что именно я к ней испытывал. Но теперь я хочу, чтобы она не только знала об этом, но и постоянно слышала, видела, чувствовала.

Мне выпал шанс все исправить. Превратить нашу печальную историю любви, во что-то безумно красивое и до краев наполненное счастьем. Меня больше не устраивает наше «бумажное счастье», я хочу чего-то большего. Чего-то, что нельзя сломать, помять или разрушить.

— Ты только представь, насколько сильная искра вспыхнула между нами, раз такой бездушный, лишенный человеческих чувств ангел смог влюбиться. Это тоже самое, если бы умерший человек смог воскреснуть спустя неделю.

— Ну, ты сравнил, — улыбаясь, ответила Эмили, положив свою ладонь поверх моей.

— Я серьезно, Эмили. Ты подарила мне жизнь, о которой я даже и не мог мечтать. И даже сейчас, зная обо всем, что мне пришлось пережить, я не сделал бы другой выбор. Я слишком долго боролся за то, чтобы иметь честь держать тебя за руку и видеть твое милое, сонное личико по утрам. Это бесценно для меня и я ни за что не упущу своего счастья. Я люблю тебя Эмили Бейли, больше, чем ты можешь себе представить.

— Я знаю, Кайл, — нежно ответила девушка. — Я тоже тебя люблю. И поэтому прошу, не скрывай от меня ничего. Я вижу, как ты отдалился от меня в последние дни. Тебя что-то тревожит, я чувствую это, но не спрашиваю, потому что жду, что ты сам все расскажешь. Но ты молчишь...

Из уголков ее глаз выскальзывают слезы, я прижимаю ее лицо к себе и осушаю их поцелуями. Проходит секунда, за секундой забирая ее тревогу вместе с собой.

Мы сидели, прижавшись, друг к другу чуть больше получаса, пока дыхание Эмили не стало равномерным и не глубоким. Она заснула на моей груди, а через несколько минут уснул и я.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

КАЙЛ

Я сижу у окна. Наблюдаю за тем, как тихо и размеренно опадают на землю крупные снежинки, похожие на охапки облаков. Они застилают всю землю тонким слоем воздушного покрывала. В этой части штата снег бывает довольно редко. *Ангелы «падают» с неба чаще, чем в нашем городе выпадает снег* — любит шутить Эмили. И хотя я не вижу в этом ничего смешного, все равно улыбаюсь.

Аудитория наполнена полусонными студентами, которые, так же как и я «считают ворон» за окном. Некоторые (такие как Мик Хамфри и Тед Дэвис) слушают Мистера Кернера с разинутым ртом и горящими от восхищения глазами. Я же не узнал от этого преподавателя ничего нового, лишь без конца подлавливаю его на искажении фактов и изменении дат.

Сложно сидеть здесь и слушать бредни, когда буквально пару месяцев назад я и сам преподавал историю. Стоял за такой же кафедрой и завораживал студентов, поглощая их внимание полностью. Я не хвастаюсь и не восхваляю свое эго. Просто я любил свою работу, любил историю и помогал другим любить ее, интересоваться и жить ею. А этот болван вызывает невероятную скуку и чувство отвращения. Я нервно постукиваю ручкой по парке, мечтая отказаться где угодно, только не здесь, не в этой идиотской аудитории.

— Мистер Купер! — Раздался громкий, гнусавый голос. Я повернул голову в сторону кафедры и встретился взглядом с преподавателем. Его серые глазки-бусинки, скрытые за толстым стеклом очков в ужасной оправе, переливались возмущением. — Я безусловно понимаю Ваш восторг по поводу выпавшего снега, но будьте добры на моих занятиях думать об истории. Проявите хоть каплю уважения.

Мне впору пристыдиться или по крайней мере извиниться, но я молчу, намерено не отводя от него взгляда. Кернер тоже молчит, ожидая моей реакции или извинений. Не дождешься.

— Ну ладно, продолжим. — Недовольно буркнул преподаватель и вернулся к своим конспектам, набросанным на старой потрепанной бумаге.

Я тут же перестал его слушать. Какой же у него противный голос. Отложив ручку, я взял в руки карандаш, и тонкими линиями начал набрасывать очертания знакомого до боли рисунка: *круг, буква «А», размашистые крылья и витиеватая корона.*

— Красиво рисуешь. — Раздался женский голос. Обернувшись на него, я встретился с пытливым взглядом очаровательной брюнетки. Облокотившись на парту, через мое плечо она, прищурившись, рассматривала мой рисунок. Я пытался уловить в ее внешности хоть что-то знакомое: светлая кожа, темно-кофейные глаза, с густо накрашенными ресницами, губы бантиком, лицо сердечком, выгоревшие волосы когда-то были каштановыми. Ничего из этого мне не было знакомо. Мы определенно не встречались раньше.

— Спасибо. — Ответил я и вернулся к своему рисунку.

— Я всегда хотела рисовать, — как бы, между прочим, добавила девушка, понижая голос. — Даже посещала пару кружков, но после трех месяцев тщетного обучения бросила это бесполезное занятие. Я даже солнышко убого рисую.

Я молча вырисовывал контур круга, намерено не обращая внимания на назойливую незнакомку.

— Кстати, я Элайза. — Занудливый Мистер Кернер повернулся к доске и начала карябать на ней какие-то даты. За спиной послышались звуки движений. Боковым зрением я уловил, как Элайза забралась на парту и ловко перескочила через нее, приземляясь рядом со мной. Девушка, сидящая впереди, резко обернулась, смерив нас недовольным взглядом:

— Вы мне мешаете. — До чего же она на змею похожа. — Ведите себя тише.

— Окей. — Пробормотал я, но девушка уже вернулась к своим конспектам.

— Но друзья зовут меня Айзой. — Как ни в чем не бывало, продолжила Элайза, раскладывая свои тетрадки на моей парте. Какого черта она делает?

— Кайл, — ошарашенно произнес я. Значит, она Айза... Я впервые встречаю девушку с подобным именем, что слегка застало меня врасплох.

— Я знаю, — смущенно произнесла Айза. Стащив с запястья резинку, она собрала свои длинные волосы в неопрятный хвост. — Все девушки в нашем университете знают твое имя.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — я рассмеялся и снова принялся рисовать.

— Я не шучу! — Наклонившись ближе, она заговорчески понизила голос: — Если бы ты чаще смотрел по сторонам, то заметил, как все девушки на тебя пялятся. Прямо пожирают своими хищными глазками.

И хотя мне это кажется абсурдом, я все же помню то, что мне сказала Эмили, в день после пожара. Да, я стал человеком, но внешние данные так и остались «ангельскими». Интересно, если бы я был человеком с самого начала, Эмили влюбилась бы в меня? Смог бы я завоевать ее?

— Я знаю, что у тебя есть девушка, — продолжала болтать Элайза, не обращая внимания на мое молчание. — Эмили. Знаю, что вы живете вместе и все такое. Но ведь можно просто общаться? — Я кивнул головой, давая понять, что согласен с ее словами, но по-прежнему не настроен вести беседу. — Я давно хотела с тобой заговорить, да только вот боялась, что девушка твоя заревнует и мне скальпель за это снимут. — Элайза пролистала тетрадь в самый конец и принялась выводить что-то на клетчатом листочке. — А мне, знаешь ли, дороги мои волосы.

— Эмили бы никогда не сделала, ничего подобного. — Слова девушки меня порядком заинтересовали, я оторвался от своего почти законченного рисунка и посмотрел на Элайзу. В ее по-детски распахнутых кофейных глазах царила неподдельная невинность. Похоже, она как ребенок, всегда говорит то, что думает и совершенно не парится по поводу этого. Мне уже нравится эта девушка.

— Так я и не говорила, что Эмили снимет мне скальп. — Хмыкнула девушка, улыбаясь мне заговорчески. — Ее стервозная подружка сделала бы это.

— Эстер? — Удивился я. — Быть такого не может...

— Еще как может. — Серьезно заявила девушка. — Эстер сказала, что сдерет три шкуры с любой, кто только подумает о тебе, так что меня, скорее всего к концу дня не будет в живых. Поэтому я хочу выжать из нашего общения по максимуму. Умирать так с музыкой.

Эстер — стерва? Не думаю. Да она бывает несносной, выводящей из себя и доводящей до белого каления, но... это же Эстер, она такая: взрывная, веселая, отрытая, язвительная и раскованная. Но именно за это мы ее и любим.

— Я думаю, ты преувеличиваешь.

Ведь я всегда знал ее такой. Даже когда она стала Ариадной, в ней оставалась Эстер. Да, будучи Ари, она была более открытой, веселой, мягкой и беззаботной.

Она всегда была сильнее Эмили, это восхищало меня в ней. Эстер выносила много боли, переживаний и потерь с высокоподнятой головой. Даже когда ее сын Кайл уехал, а Макса не стало, она была сильной и настойчиво шла вперед. Ни ради кого-то, а ради себя.

— Может быть, — согласилась Айза. — Но если завтра я не приду на учебу, ты знаешь, кого винить в моей смерти.

— Не переживай насчет этого, — Айза подняла на меня свои глаза, рука выводящая узоры на тетрадном листке замерла в ожидании моих слов. — От кого от кого, а от Эстер я смогу тебя защитить.

Мой ответ ее порадовал. После пары секунд молчания, каждый из нас вернулся к своим рисункам.

— Скучно, не правда ли? — Элайза кивнула в сторону Мистера Кернера, вещающего о Древнем Египте.

— Не то слово, — я отложил карандаш в сторону, рисунок был готов. Красивый, идеальный, словно настоящий. Ему не хватало только красок: золотого и голубого цвета. — Этот парень по ходу не особо вникал в историю. Старается «выехать» за счет одного единственного учебника истории, который он читал еще в колледже.

Айза хихикнула. Если хорошенько подумать, то она единственная девушка (помимо Эмили и Эстер) с кем я общался в последние *пять месяцев*.

Пять месяцев.

Прошло уже *пять месяцев* с того момента, как я с сыном попал в аварию и очнулся рядом с Эмили. *Пять месяцев* назад я вернулся в прошлое и нахожусь в нем до сих пор.

Я принял решение жить дальше. Сделать все, чтобы история моей несчастливой любви больше никогда не повторилась. Я с Эмили и пока это единственное, что для меня действительно важно.

Но Уорнеры...

Они находятся на окраине города, (скорее всего) сидят сейчас в своем кабинете и вычисляют местоположение медальонов. Один из них сейчас лежит на дне комода в моей квартире, другой же в сейфе Алекса Вудбери.

— Я не особо люблю историю, — проговорила девушка, отвлекая меня от раздумий. — Но мои родители археологи. Мне пришлось выбирать между двух зол: стать пятым археологом в семье или же пойти изучать историю. Второе было наиболее безобидное. Скитаться по миру и жить в палатках, забавно только в теории. На самом же деле...

— Молодые люди! — Прервал ее голос профессора. — Если у вас есть дела поважнее моих лекций, то настоятельно прошу вас покинуть помещение.

— Мы... — Промямлила Айза, переводя свои шустрые глазки с меня на профессора. В отличие от меня, девушка явно не привыкла быть под прицелом гнева преподавателей. Она растерялась. Казалось, что с минуты на минуту из ее больших, детских глаз польются слезы. Я сжал ее ладонь, безвольно лежащую поверх коленей, и ободряюще улыбнулся. Волнения в Айзе не поубавилось, но плечи все же расслабились.

— Очень забавное предложение. — В полный голос сказал я. Внутри меня все ликовало от возможности смыться из этой психушки.

Глядя прямо в мышинные глазки Мистера Кернера я закрываю тетрадь с конспектами и захопываю учебник. Все в аудитории не отрывая глаз, наблюдали за мной. Кто-то с восхищением и одобрением (как например Айза), а кто-то с осуждением и раздражением (как Мик и Тед).

— До встречи, Элайза. — Проговорил я, и быстрым шагом покинул кабинет, лишком громко закрыв за собою дверь. Боже, и почему я послушался Эмили и пошел учиться? Каким местом я думал в тот момент?

Глава 2

ЭМИЛИ

— Я пересолила грибы! — Деревянная лопатка с грохотом упала на мраморную столешницу, брызги красного соуса разлетелись в разные стороны. — Через двадцать минут должны приехать Эстер и Томас, а я испортила ужин.

— Я уверен, что все не так плохо... — Кайл появился откуда-то из-за моей спины и взяв брошенную мной лопатку, подхватил пару грибов. Его брови сошлись на переносице. Боже, как я еще его не отравила?

— Вот видишь? Это совершенно не съедобно.

— Не говори глупостей. — Его лицо озарилось улыбкой, когда он посмотрел на меня, но даже это не вернуло мне боевой дух готовки. Я совершенно никчемная домохозяйка.

Приготовить грибы — это все, что мне нужно было сделать сегодня. Обычные грибы с томатным соусом и болгарским перцем. Что тут может быть сложного? Ровным счётом НИЧЕГО! Но для меня даже эта простая задача является невыполнимой.

За то время, пока я возилась с грибами, Кайл украсил все воздушными шарами, вытащил стол в середину комнаты и расставил на нем посуду. *А так же расправился с мировым злом и изобрел лекарство от рака. Шутка.*

— Вот что мы сделаем, — произнес Кайл, отвлекая меня от самобичевания. — У нас вроде бы еще остались томаты?

— Да. — Проямлила я, чувствуя, что вот-вот расплачусь от досады и злости на саму себя. Давайте будем реалистами. Какие к черту томаты? Эту отраву не спасет даже ящик самых наивкуснейших томатов.

— Добавь в соус еще парочку, — он подошел ко мне и взял мое лицо в свои ладони. Его медовые глаза из-за яркого освещения казались янтарными. — Только больше никаких специй. — Его губы расплзлись в теплой улыбке, от чего на щеках образовались миленькие ямочки.

— Это не поможет, — проскулила я.

— Доверься мне.

Мне бы его оптимизм и надежду на лучшее. Там, где я хочу сдать назад, он напролом движется вперед и всегда побеждает. Я прислонилась лбом к его широкой груди, обтянутой черной футболкой и тяжело вздохнула. Мне так хочется быть идеальной для него. Раз за разом видеть в его глазах восхищение и гордость, а не жалость и разочарование. Мне никогда не удастся быть ему равной.

Никогда...

Знаете, обычно, когда по телевизору показывают, как влюбленные парочки вместе готовят ужин, это выглядит довольно мило. Когда готовим мы с Кайлом, слово «мило» напрочь отсутствует в этом событии. Это полнейший ужас. Точнее я полнейший ужас, сравни Армагеддону.

— Эй, — Кайл взял меня за плечи и слегка отодвинул от себя. Я подняла на него взгляд. — Мне надо принять душ, а тебе закончить соус. Ты умная и ты справишься, а еще я очень тебя люблю. И... ты такая сексуальная в этом красном фартуке.

Его последние слова, наконец, заставили меня улыбнуться. Я легонько толкнула его в живот, прогоняя с кухни.

— Иди уже...

Кайл рассмеялся и, поцеловав меня в лоб, направился вверх, оставляя меня наедине с кипящей в сковороде жижей.

— Ух. Неужели я настолько бесполезная, что даже не могу сделать этот долбаный соус? Нет уж. Я сделаю это!

* * * *

— Мы расстались!

Эстер пронеслась мимо меня, подобно торнадо. Я настолько была удивлена, что застыла столбом, сжимая правой рукой дверную ручку.

— Окончательно и бесповоротно! — Продолжала возмущаться подруга, пока я по-прежнему пялилась на пустой порог.

— И тебе привет! — Пожав плечами, я захлопнула дверь.

— Как же меня это все достало. — Голос Эстер становился все громче и громче, она уже почти кричала. Выглядела Ми-Ми так, словно побывала в потасовке: маленькие ручки сжаты в кулачки, на темно-коричневом пальто отсутствует несколько пуговиц. Всегда аккуратно уложенные волосы сейчас торчат в разные стороны, а карандаш для глаз размазан по лицу. Что с ней случилось?

— Эти его гулянки, выступления, друзья реперы и шлюшки... — Последние слова она просто выплюнула.

На лестнице послышались тяжелые шаги, а затем показался сам Кайл, сменивший свою футболку и спортивные штаны на классические брюки и рубашку в тон моему (темно-сливовому) платью.

— С днем рождения! — Радостно произнес он. Но как только его взгляд упал на наши обескураженные лица, все его веселье сошло, на нет. — О, нет! Что не так?

— Мы с Томасом расстались. — Безразлично заявила Эстер, вскинув свой подбородок. Кайл издал протяжный стон и молча поплелся к дивану.

— Как обычно. — Пробормотал он включая телевизор.

— Нет! — Твердо заявила подруга, на всей скорости подлитая к Кайлу. Мне даже показалось, что сейчас она накинется на него и будет вымещать на моем возлюбленном всю накопившуюся злобу, но она лишь выхватила пульт из его рук и выключила телевизор.

— На этот раз окончательно!

— Эстер, я слышал это тысячу раз.

— Все равно...

— Ребята, хватит спорить. — Я решила вмешаться, иначе все закончится тем, что Эстер еще и с Кайлом поругается. — Этим вы ничего друг другу не докажете.

— Но он мне не верит. — Возмутилась Эстер.

— И правда, с чего бы это? — Невинным голосом спросил Кайл.

Мои мозги медленно, но верно начали закипать. Этим двум катастрофически нельзя находится в одной комнате. Они превращаются в бомбу с часовым механизмом, которая рано или поздно взорвется и разрушит полквартиры.

— Да как ты смеешь? — Вскипела подруга. Я схватила ее за руку и повернула лицом к себе.

— Эстер перестань. Что с тобой не так? — Сдерживаясь из последних сил, проговорила я. — Не выплескивай свою злобу на него.

Эстер возмущенно раскрыла рот, собираясь мне что-то возразить, но понимание ситуации отразилось в ее глазах, и она тут же его захлопнула.

— Вы помиритесь. — Уже более спокойно произнесла я. И я на самом деле так думала. Они всегда мирятся, какой бы крупной не была ссора. Томас любит Эстер, а Эстер любит любовь Томаса (простите за тавтологию, но по-другому не скажешь). Это всех устраивало. До сегодняшнего дня.

— Нет. — На ее глаза навернулась слезы. Она отчаянно замотала головой, и они тут же исчезли. Эстер никогда не плачет. Слезы — это непозволительная слабость. Один раз себе их позволишь и больше никогда не сможешь сдержаться. Плакать можно либо в ванной, где тебя никто не видит, либо на похоронах, где плачут все. — Я больше не хочу так жить. Я устала, Эмили. Я так устала.

— О, милая... — Я подошла и обняла ее за плечи. Эстер расслабилась и уткнулась носом в мою шею. Несмотря на то, что она старается выглядеть сильной и независимой, внутри она такая же хрупкая и ранимая, как и любая другая девушка.

— Я знаю, что тебе поможет. — Произнес Кайл.

— И что же?

— Текила! — Проскандировал парень, отцепил от меня Эстер и закинув на плече, понес ее в сторону барной стойки. — Самое лучшее средство, чтобы склеить разбитое сердце.

— Знаешь, я сопьюсь, пока склею его. — Уже более повеселевшим тоном произнесла Эстер. Я с благодарностью взглянула на Кайла, прошептав ему одними губами: «Спасибо»,

направилась вслед за ними.

— Да, не о таком двадцати трёхлетию я мечтала... — Пробубнила Эстер. Ее и без того всегда алые щечки пылали от выпитого спиртного. Растрепанные волосы, она собрала в хвост, которые уже съехал на бок. Но это все делало ее такой милой.

— Еще скажи, что это самый худший день рождения в твоей жизни. — Пошутил Кайл, допивая остатки текилы в своем стакане.

Эстер задумалась. Ее алые ногти застучали по стакану. Я улыбаясь, наблюдала за ней, заранее зная, что сейчас будет.

— На самом деле нет. — Наконец-то ответила она и пригвоздила меня своим ехидным взглядом к стулу. — Да, Эмили? — Я молчала. — Сколько мне тогда было?

— Восемь... — Виновато ответила я, стараясь не смотреть Кайлу в глаза.

— И что же тогда произошло? — Спросил Кайл. Мне было стыдно рассказывать ему об этом, поэтому я позволила Эстер объяснить ему, какая его девушка на самом деле хреновая подруга.

— Она хотела меня убить! — Серьезным тоном заявила Эстер. От неожиданности я подскочила на месте, едва не выронив стакан из рук. — Покушалась на мою жизнь.

— Эстер! — Выкрикнула я. — Зачем ты говоришь такое?

— А разве это не правда? — Ехидно проговорила подруга, заставляя меня покраснеть, как те самые горе томаты, которые кое-как спасли мой соус.

— Нет! — Четко произнесла я.

— Да, Боже, скажите уже мне, что тогда произошло?

— Я сбросила ее с пони... — Ели слышно произнесла я. И сама не знаю почему, но слезы подступили к горлу. Я чувствовала, что вот-вот разрыдаюсь. Кажется я выпила достаточно для сегодняшнего вечера.

— Что ты сделала? — Расхохотался Кайл.

— Сбросила с пони. — Протрясла я, по-прежнему не поднимая глаз.

— Боже, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. — «Давясь» смехом проговорил Кайл, я услышала легкий удар, скорее всего это Эстер, дала ему подзатыльник.

— Мне было семь, и я ни разу в жизни не видела пони и уж тем более не каталась на нем. — Оправдывалась я. — Но Эстер добежала до него первой. Даже тогда в семь лет я ужасно бегала. И что мне еще оставалось делать? Конечно же, я решила взять его силой.

— Лучше бы ты меня взяла силой. — Прыснул Кайл и Эстер разразилась диким хохотом.

— Боже, что вы как маленькие?

Эти двое смеялись с меня еще минут десять. В итоге им надоело, и они замяли эту тему.

— На самом деле мне всегда не везло в дни рождения. — Беззаботно продолжила Эстер, ведя себя так, словно три часа назад, не она влетела в мою квартиру с бешеными глазами. — В десять лет я села на торт. В одиннадцать — упала лицом в муравейник. Мы тогда играли в догонялки, примерно месяц эта история гуляла по школе. — Перечисляла Эстер, все свои провальные дни рождения, в которых я всегда принимала участие. — На шестнадцатилетие родители подарили мне машину, и мы с Эмили поехали за тортом. А когда вышли из кондитерской, машины не было. Ее угнали какие-то придурки. Разумеется, машина нашлась спустя пару дней, но день рождения я провела в своей комнате наедине с тортом и сериалом «Клон».

— А у тебя? — Обратился ко мне Кайл, едва сдерживая смех. — У тебя были

провальные дни рождения?

Меня словно холодной водой окатило. Да еще и в придачу, льда за шиворот насыпали. В комнате повисла тишина. С алых щек Эстер пропали все краски. Кайл не знает, иначе бы он не спросил.

— Только одно. — Мертвенно-холодным голосом проговорила я. — Свое пятнадцатилетие я провела в приемном покое больницы. У мамы случился выкидыш на шестом месяце беременности.

Я залпом допила содержимое своего стакана и медленно встала.

— Эмс, прости меня. Я не знал...

— Я знаю. — Ели улыбнувшись, ответила я. — Уже поздно, я пойду спать.

— Тогда мне пора. — Эстер начала убирать со стола, сгребая остатки еды с тарелок. — Кайл, вызови мне, пожалуйста, такси.

— Не говори ерунды, оставайся у нас. — Кайл забрал из ее рук посуду. — Я постелю себе на диване.

— Ты уверен? — С сомнением переспросила подруга, переводя взгляд с меня на Кайла. — Я не хочу мешать...

— Ты всегда желанный гость в этом доме. — И я знала, что он говорит от чистого сердца. Как бы сильно эти двое не спорили и не доводили друг друга до белого каления, они уважают и заботятся друг о друге.

Кайл и Эстер — моя семья. Ну, или, по крайней мере, все, что от нее осталось. В каждой семье бывают ссоры, подшучивания и недопонимания, но они всегда горой друг за друга. Поцеловав Кайла в щеку и пожелав ему спокойной ночи, я направилась в свою комнату, валясь с ног от усталости.

Глава 3

КАЙЛ

За мной кто-то наблюдает. Я не вижу, кто это, но ощущаю его тихое, безмолвное присутствие и чувствую на себе его пристальный взгляд.

Резко распахнув глаза, я увидел два огромных, зеленых глаза смотрящих прямо на меня на расстоянии двадцати сантиметров.

— Эстер, черт бы тебя побрал. — Бормотал я, принимая сидячее положение. — На кой черт так делать? Я чуть было не обделался от твоего пристального взгляда.

— Жаль я не прихватила камеру. — Она встала с пола и плюхнулась на диван, спихивая с него мои ноги.

— А ничего, что я в одних трусах? — Возмутился я.

Эстер недовольно прыснула:

— Сомневаюсь, что увижу там что-то, чего не видела раньше. Хотя тут и правда есть на что посмотреть.

Закатив глаза и невольно рассмеявшись, я нагнулся и поднял с пола плед, чтобы хоть чем-то прикрыться.

— Я польщен. Ты не могла уснуть и пришла сюда, чтобы поговорить о моем супер сексуальном теле? — Подшучивал я. — Тогда могла бы прийти пораньше, а не в три часа ночи. У нас осталось слишком мало времени, для разговора об этом. Ты так считаешь?

— Какой же ты болван. — Она схватила подушку и попыталась зарядить ей в мою голову, но хорошенько промахнулась. Подушка пролетела над моей головой и едва не попала в

телевизор. — Ой, прости.

— Ты просишь прощение у телевизора? Серьезно? Тебе жаль все что угодно, но только не мою голову? А то, что я мог схлопотать сотрясение мозга, тебя не волнует?

— Волновало бы, — на мгновение задумавшись проговорила Эстер. — Если бы у тебя был мозг.

— Так ты об этом пришла поговорить? — Мне нравились наши перепалки. Когда Эстер злиться, ее глаза становятся темными и глубокими, ноздри раздуваются, а лицо багровеет. Это так забавно, что я готов смотреть на злую Ми-ми вечно. Но, хорошего по не многу.

Я заерзал на месте, пытаюсь устроиться поудобнее, но это маленькое создание заняло большую часть дивана, так что я бросил это бесполезное занятие и уселся уже уж как-нибудь.

Эстер хотела поговорить о чем-то, но не могла решиться. Я не давил на нее. Уж на кого, на кого, а на Эстер давить нельзя, иначе она окончательно замкнется в себе и будет только хуже. Мы сидели в тишине около десяти минут, когда она, наконец-то заговорила:

— Я уважаю тебя, Кайл. Ты всегда говоришь мне правду. Она порой ранит, но после от нее мне всегда становится легче.

Эстер не смотрела на меня. Взгляд ее сине-зеленых глаз был прикован к чему-то за моей спиной. К чему-то, что помогало ей собраться с духом. Бледные, худые ручонки обвинили ее острые, угловатые коленки. Эмс одолжила Эстер пижаму: клетчатые, красные шорты и белую футболку с надписью «*I love Sleep*» на груди.

— Эмили старается меня утешить, сказать то, что я хочу услышать и за это я ее люблю... Но сейчас мне это не нужно.

Эстер продрогла. Даже в лунном свете было видно, что ее тело покрылось мурашками. Она замолчала, хотя я чувствовал, что ей по-прежнему есть что сказать. Просто она еще не готова.

Я принес для нее второй плед и приготовил нам липовый чай с медом. К тому времени, когда я наполнил наши чашки по второму кругу, глаза Эстер уже были полны решимости высказаться.

— В детстве у меня были ролики. Крутые такие: темно-красного цвета с черными шнурками. — Я наблюдал за тем, как Эстер водила указательным пальцем по краешку чашки. Казалось, она ограничила весь свой мир до одной полупустой чашки с чаем. — Я так любила их, хранила, подобно трофеем и редко доставала из коробки. Но прошло два года — и я из них выросла. Они по-прежнему были красивыми, как и в тот день, когда я их впервые увидела. Я по-прежнему их любила. Но я поняла, что эти ролики мне больше не нужны. Так произошло и с Томом. Я из него выросла.

Странное сравнение человека с роликами, но это не главное. Главное я понял, что именно она пытается мне сказать. Эстер любит Томаса, но больше не влюблена в него. Представляю, как она сбита столку.

— Я любила его. — Твердо произнесла она. — Я любила его настолько сильно, настолько пламенно, что мое сердце выжгло само себя и теперь мне больше нечем любить. Вчера вечером я сидела в кругу его друзей, наблюдала за Томом и... я вдруг поняла, что больше ничего не чувствую. Рядом со мной был все тот же Том — парень, с которым я выросла. Я по-прежнему ценила его и заботилась о нем, но я больше не влюблена в него. Он все тот же, да только вот я стала другой. Я не хочу для себя такой судьбы и мужа, который будет, как макака прыгать по сцене с микрофоном. Томасу двадцать три, но он ведет себя

как подросток, а я хочу видеть рядом с собой мужчину.

На мгновение она умолкла, чтобы подобрать слова, но затем, резко вскинув на меня свой взгляд, продолжила:

— Но, Кайл, что если Томас — это единственное, что я заслуживаю. — В ее темных, сине-зеленых глазах читался не просто страх, а ужас. Вот что беспокоит ее. Она боится, что больше никто не сможет ее полюбить. — Что если там, впереди меня больше никто не ждет?

— В будущем каждый сможет найти свое счастье, — слегка осипшим от долгого молчания голосом проговорил я. — Люди одиноки не потому, что судьба не дает им шанса быть счастливыми. А потому, что они не пользуются этим шансом из-за боязни обжечься.

— Но как не прогадать? — Заинтересованность все больше и больше возрастала внутри Эстер, казалось еще чуть-чуть и девушка засияет подобно лампочке. — Я наблюдаю за вами с Эмили, как вы влияете друг на друга, меняетесь, становитесь лучше. Как мне найти того, кто сделает меня лучше?

— Никак, — честно ответил я. — Тут можно только рискнуть и поверить в свою удачу. Кто знает, может, через полгода ты встретишь парня, который в корне поменяет тебя и твои взгляды на окружающий мир. А может, пройдет три дня, ты простишь Томаса, и вы дальше будете тянуть за собой эти отношения.

— Я не знаю, что делать, — устало произнесла она, уставившись на остывший чай.

Я знаю, что ждет ее в будущем. Они с Томасом помирятся, а в марте она узнает о своей беременности. Это сломает ее. И пусть не будет пожара в клубе, она может отправиться куда-нибудь еще и вляпаться в еще более ужасную историю. У нее никогда не будет Макса, Грейс и маленького Кайла. Промолчи я сейчас и все то прекрасное будущее, которое я видел исчезнет. Не убережешь друга от ошибки — разве это не одно из разновидностей предательства?

— Эстер? — Взволновано позвал ее я. — Ты мне доверяешь?

— Разумеется, нет. — Она прыснула от смеха. — Я просто так сейчас сижу и выворачиваю перед тобой душу.

Я недоволен на нее посмотрел, давая понять, что я совершенно не это имел в виду.

— Да. — Серьезно и твердо ответила она. — Я тебе доверяю.

— Тогда иди спать. Нас ждет долгая дорога.

Я встал с дивана и взял ноутбук Эмили, который тихо, мирно лежал на кофейном столике.

— Долгая дорога? — Девушка выглядела так, словно я сказал ей, что *люблю есть младенцев на завтрак*. — Куда?

— Это сюрприз.

— Ненавижу сюрпризы. — Раздраженно пробубнила Эстер, проходя мимо меня в сторону лестницы.

— Я знаю, поэтому получаю от этой ситуации двойное удовольствие. — Отшутился я.

— Кайл Купер, ты больной придурок. — Ее босые ступни смешно шлепали по деревянным ступенькам. Такая маленькая, а создает столько шума, способного разбудить всех мертвых в районе квартала. — Но я все равно тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю.

Эстер ушла. А я остался наедине с сайтом объявлений. Если мне выпал шанс исправить все и при этом не потерять Эмс, я должен хотя бы попытаться это сделать.

Если учесть, что события уже развиваются не так, как тогда. То все должно получиться.

Сегодня 25 января 2015 года, Эстер и Томас расстались. В прошлом, подобного не было. На самом же деле, через две недели Ми должна была забеременеть и это привело бы к тому, от чего мы пытались уйти — к ее «смерти».

В будущем ее ждала прекрасная жизнь: любящий муж, сын и любимое занятие. Но чтобы оказаться в той жизни, ей предстоит пройти через ад. А я не могу этого допустить.

Я открываю новую вкладку и вбиваю в строку поиска: «Продажа домов в Ревайвл Сити».

Ну что, Макс Холланд, тебе не придется ждать восемь месяцев, чтобы встретить любовь всей твоей жизни.

Глава 4

ЭМИЛИ

— И что это значит? — Мои и без того большие глаза стали размером с блюдце. Я и Эстер сидели на кровати друг напротив друга, подобрав под себя ноги. Не знаю, как давно подруга проснулась, но она уже успела принять душ и даже накрасилась. Я же только-только открыла глаза и уже ошарашена происходящим.

Эстер пробежалась пальцами по волосам, подсушивая их.

— Ты, я, совершенно незнакомый город — ПРИКЛЮЧЕНИЯ! — Радостно произнесла подруга.

— Тише ты, Кайл наверняка еще спит. — Я одернула ее за руку, заставляя умолкнуть.

— Ты что не рада? — Эстер снова погрузилась. — О, прости, я не подумала.

— Не говори глупостей, я рада просто...

— Ты не хочешь оставлять Кайла здесь?

— Ага. — Смущенно ответила я, обводя указательным пальцем выпуклый узор на стеганом одеяле. — Мы не расставались дольше, чем на день почти пять лет. Я не знаю, как справлюсь с этим.

— Влюбленным иногда полезно отдыхать друг от друга.

— Ты думаешь? — Не уверенно переспросила я.

— Разумеется. — Слегка улыбаясь, ответила Эстер, упав на спину, она растянулась вдоль кровати. — Может быть, если бы мы с Томасом отдыхали друг от друга, наша история не закончилась бы вот так.

— Как ты? — Тихо спросила я, ложась рядом с подругой.

Вот я дура, все утро говорю о себе, хотя вчера вечером, в день своего рождения, моя лучшая подруга рассталась с парнем.

— Никак, — легко ответила она. — На самом деле никак. Чувствую лишь пустоту. Ни любви, ни злости или волнения. Совершенно ничего.

— О, милая...

— Все в порядке. Мне кажется, я сделала то, что должна была.

— Ты будешь в порядке? — Легким движением я убрала мокрые пряди волос с ее лица, она такая красивая. Даже если учесть, что спала Эстер от силы часа три и спиртного выпила больше, чем когда-либо, она все равно выглядела так, словно собиралась фотографироваться на обложку известного, модного журнала.

— Я буду в порядке. — Твердо заявила девушка. — Знаешь, я чувствую, что скоро все изменится. Словно, я стою на пороге чего-то хорошего. Чего-то сказочного. — Эстер повернулась ко мне лицом, ее сине-зеленые глаза блестели от возбуждения. — Как у вас с

Кайлом.

Через три часа я сидела на переднем сидении машины Кайла, пока тот загружал чемоданы в багажник. Мой взгляд пробежал по улице, как бы прощаясь с каждой ее частичкой. Я не хотела уезжать, оставляя Кайла в одиночестве, но он сказал, что Эстер это необходимо. В глазах бывшего ангела, было столько решимости, что я не посмела начать спор. Все равно я его проиграю. Я всегда ему проигрываю.

Белоснежный снег растаял, превратившись в серую кашицу, раскисающую под ногами. У снеговиков, слепленных детьми из соседнего дома, поникли головы и погрустнели лица. Температура на улице повышается, такими темпами дня через три от снежных чудиков не останется и следа. Немного обидно за них.

В нескольких шагах от машины Эстер разговаривает по телефону с Миссис Брит. Заметив, что я наблюдаю за ней, девушка улыбнулась и радостно помахала мне рукой. Расхохотавшись, я показала ей язык.

Все мое веселье исчезло в тот момент, когда позади Эстер остановилась старая, ржавая машина. Томас.

Все тело подруги напряглось. Даже с такого, расстояния, я видела, как в ее глазах вспыхнул ужас. Такого поворота событий Эстер явно не ожидала. Пробормотав несколько быстрых слов, она положила трубку.

Со скоростью сверхчеловека я выскочила из машины и бросилась в сторону подруги, попутно зовя Кайла.

Тот быстро заметил появление нового гостя. На самом деле никто из нас не опасался появления Томаса. Этот парень, наверное, самый безобидный для Эстер человек на всем белом свете. Умышленно, он никогда в жизни не причинит ей вреда. Наоборот, на протяжении многих лет, он был для Эстер ангелом-хранителем. В данный момент я опасалась за него. Зная, насколько Эстер вспыльчивая и неуправляемая, волосы на моем теле вставали дыбом, только от мысли, что именно она с ним сделает. Она очень сильно зла на Томаса. И этим двоим опасно находиться в одной временной плоскости, не говоря уже об одной улице.

— Том, что ты тут делаешь? — Резко спросила Эстер.

Вечно ровное, розовощекое лицо Томаса выглядело помятым и измученным, явно ночью ему не удалось поспать. Парень замешкался, переводя растерянный взгляд с меня на Кайла и обратно. Остановившись в нескольких шагах от Эстер, он не решался подойти ближе.

— Я хотел увидеть тебя. — Его голос был робок и тих. Том всегда выглядел жизнерадостно, а сейчас из него будто бы высосали всю жизненную энергию. — Поговорить.

— Все, что я хотела тебе сказать, я сказала еще вчера. — Строго проговорила подруга. — У тебя тоже был шанс высказаться, ты его не использовал. Так, что прости. Теперь я не хочу тебя слушать.

— Эстер... — Произнес парень, делая шаг вперед. Подруга резко отпрянула.

— Томас. — Предостерегающе произнес Кайл. От его голоса по моему телу пробежали мурашки ужаса. Я и забыла, каким он может быть устрашающим. — Я думаю тебе пора ехать.

— Но, Кайл... — Защищаясь, произнес Томас.

Я подошла к подруге и аккуратно взяла за руку, та с благодарностью сжала ее в ответ.

«Ты в порядке?» спросила я у нее одними губами, она улыбнулась в ответ, но улыбка эта была натянутой и слишком наигранной. Лицо Эстер не выражало ни одной эмоции, все они были спрятаны глубоко внутри и я никак не могла до них достучаться. Последние несколько месяцев именно так она и выглядит: сдержанно, строго, отрешенно. Мне дико видеть ее такой, если учесть, что все двадцать лет, что я ее знаю — она никогда так себя не вела. Раньше каждая мысль была написана на ее лице, все эмоции отражались в ее ярких глазах. Она не святилась ими — она горела, согревая всех людей, находящихся около нее.

Сейчас же от прежней Эстер осталась лишь пульсирующая тусклым светом оболочка и мне не нравилось видеть ее такой. Даже больше — я ненавидела видеть ее в таком состоянии.

— Нет, вам обоим необходимо время. Прояви терпение.

— Все настроение испортил... — Пробубнила Эстер.

Мы с Томасом никогда не были лучшими друзьями и общались в основном только ради Эстер, но этот парнишка мне всегда нравился. Он добрый и открытый, *Одуванчик*, как называет его Эстер. Он всегда был для нее поддержкой и опорой. Я уважаю Тома за это. Видя его таким разбитым и подавленным... Я не знаю, что заставило его оступить, отвернуться от Ми, но он не заслуживает страданий, которые сейчас испытывает.

Том вжал голову в плечи, стараясь казаться как можно меньше, и направился в сторону своей старенькой машины.

— Том, — окликнула его я. — Прощу, подожди.

— Эмс, какого черта ты делаешь? — Глаза подруги превратились в два огромных блюдца. — Пусть убирается.

Обернувшись, Томас перевел взгляд с меня на Эстер и я отчетливо видела, как внутри него что-то надломилось. Мое сердце предательски сжалось.

— Это не займет больше пяти минут. — Не знаю, кому я это говорила. Томасу, который так и норовил поскорее сесть в машину и убраться от любимой девушки, которая его ненавидит. Или Эстер, которая того и гляди вцепится ему в лицо.

— Но, Эмили... — Пыталась возразить Эстер, но Кайл взял ее под руку и усадил на заднее сидение своей машины.

— Пойдем, поможешь мне настроить навигатор. — Громко и твердо произнес мой парень, а затем чуть тише добавил: — Ты же знаешь, мы ангелы совершенно не разбираемся в современных штучках.

Мы все знаем, что это не правда но, похоже, Эстер ухватила за этот повод, чтобы подальше убраться от Томаса.

Интересно, какого это увидеться с человеком, с которым провел всю свою сознательную жизнь, делил горе и радость, слезы и смех, любовь и ненависть, и понять, что вас больше не связывает ничего кроме воспоминаний?

Есть ты. Есть он. Но «вас» больше нет, и возможно никогда уже не будет. Ты смотришь в бывшие родные глаза и не видишь ничего кроме пустых обещаний и не выполненных клятв. Твои надежды рухнули, как и ваш общий мир. И вот вы стоите, друг напротив друга, как осколки одного большого зеркала и отражаете совершенно разные жизни.

Что чувствуешь, когда случайно встречаешь его на улице? В магазине? В кругу общих друзей? Я боюсь однажды узнать ответы на эти вопросы.

Снег хлюпал под моими ногами, когда я шла в сторону Тома, он отвернулся и чересчур

заинтересовано рассматривал колесо своей машины.

— Том, я знаю, мы никогда не были закадычными друзьями, — робко заговорила я, остановившись позади парня. — Но я всегда уважала тебя, ты мне нравишься. И ты очень хороший парень, Эстер знает это. Просто она обижена...

Плечи Томаса расслабились, и он медленно повернулся ко мне лицом, в его глазах стояли слезы.

— Я забылся, Эмили. — Быстро проговорил парень, его голос дрожал. — Забыл о том что могу ее потерять. За все эти годы я привык, что несмотря ни на что Эстер всегда рядом. Я даже не думал о том, что может быть иначе. Просто принимал ее как должное.

С неба начали падать белые, пушистые снежинки, а мы так и стояли, молча уставившись друг на друга. Мне так много хотелось сказать ему, как-то поддержать его, подбодрить. Но я не знала, как сформулировать весь караван мыслей, который был сейчас у меня в голове.

Я сделала два не больших шага и обняла Томаса за плечи, от неожиданности он напрягся, но уже через пару секунд его тело расслабилось.

— Я так перед ней виноват, Эмили. — Шепотом произнес парень. — И я понятия не имею, как это исправить.

— Дай ей время, — таким же шепотом, ответила я. — Она любит тебя, ты часть ее жизни и просто так она от тебя не откажется. Эстер никогда не опускает руки. Она борется до последнего...

— Только если есть за что бороться. — Перебил меня Том, закончив за меня предложение. Я кивнула, соглашаясь с его словами.

Эстер на самом деле любит его, но только одной ей известно, какого рода эта любовь.

— У тебя есть мой номер, — я выпустила его из своих объятий. Печали в его глазах не уменьшилось, но хмурое лицо немножко расслабилось. На моем сердце стало легче, значит и на его тоже. — Звони мне, если захочешь с кем-нибудь поговорить. Кайл будет в городе и я знаю, что он с удовольствием составит тебе компанию.

— Спасибо тебе, Эми.

Я ответила ему легкой улыбкой и направилась в сторону машины Кайла, оставляя позади себя парня с разбитым сердцем и разрушенной жизнью.

Вчера вечером я видела глаза Эстер, в них не было тех же чувств, что я видела в глазах Тома. Через несколько недель эта пара или снова сойдется и будет бороться за свои отношения или каждый пойдет своей дорогой. Надеюсь, Ми примет правильное решение. Они оба заслуживают счастье, пусть и обретут они его с совершенно другими людьми.

— Поехали. — Произнесла я, усаживаясь на пассажирское сидение. — Мне уже не терпится пройтись по магазинам.

Конечно же, я не горела желанием так попусту тратить время, но от моих слов лицо Эстер просветлело. А мне этого вполне достаточно.

— Точно! — Радостно заявила она. — Магазины. Я и забыла, что Кайл любезно одолжил нам свою кредитную карточку.

— Кстати, Эстер... — Произнес Кайл, ища лицо подруги в зеркале заднего вида. — Этот город то, что тебе нужно. Ты хотела «возродиться» заново? Получите, распишитесь.

— О чем это он? — Растрепанная голова Эстер появилась между нашими сидениями.

— Ревайвл Сити, — в путеводителе есть краткая история города, не думала, что информация откажется полезной, но что-то пригодились. — Называют городом возрождения.

— Серьезно? — Удивилась подруга. — Как забавно. Так, где ты нашел этот дом?

Мы в дороге уже два часа, и судя по карте нам предстояло ехать еще столько же. Я в нетерпении постукивала ногой об приборную панель. Каждый раз глядя на мои ботинки, уютно устроившиеся на приборной панели машины, в глазах Кайла отражалась боль. Но он не жаловался, лишь изредка вздыхал и бубнил что-то себе под нос. Меня забавила такая реакция, поэтому я хотела помучить его подольше.

— Я хорошо знаю дома на той улице, — ответил Кайл, старательно не смотря в мою сторону. — Хотя пришлось хорошенько постараться, чтобы найти подходящий.

— И все же тебе удалось сделать это за одну ночь. — Я была весьма удивлена, обычно на поиски дома уходит как минимум неделя.

— У меня был слишком большой опыт в этом деле. — Тихо произнес Кайл. Настолько тихо, что я ели расслышала его слова, растворившиеся в припеве *Athlete — Chances*.

— Что ты имеешь в виду? — Мои слова эхом разлетелись по машине и Кайл удивленно вскинул брови. Затуманенный взгляд медово-карих глаз остановился на мне, на секунду мне показалось, что в них отразилось удивление, словно я призрак, которого не должно было быть в машине, но вот она я: сижу рядом, смотрю на него, говорю с ним...

Он слегка потряс головой, словно отгоняя наваждение, с глас «спала» серая пелена какого-то воспоминания.

— Забудь...

— Ты слишком часто, говоришь это.

— Я знаю.

Несколько секунд мы упорно смотрели друг другу в глаза, затем несколько раз моргнув Кайл вернул свое внимание дороге. Оставляя меня наедине с ворохом вопросов, которые я никак не осмелюсь задать. *Что происходит? Что ты скрываешь от меня? Почему твой отец так легко сдался? Почему ты любишь меня?* Мне страшно, какие ответы стоят за ними.

— Я, конечно, все понимаю, ребят. — Раздраженно проговорила Эстер, протискиваясь между нашими сидениями, стараясь дотянуться до радио. — Но еще минута подобных слащавых песенок о любви и меня точно стошнит.

Она принялась переключать с одной радиостанции на другую, пока не наткнулась на *Adele — Rollin' in the Deep* в очередной, новомодной обработке, которая жутко меня бесила. Но ради ее душевного спокойствия я готова слушать даже душераздирающие вопли мартовских котиков.

— Адель, — кажется, ее плохое настроение моментально выветрилось. — Да это же просто гимн нашего путешествия, Эмили. Ты только послушай...

И тут она принялась, что есть силы подпевать Адель. А если учесть, что у Эстер нет голоса (если быть точной, то он напрочь отсутствует), то она не пела — она пыталась нас самым изощренным способом. У меня так и рисовалась картина перед глазами: Эстер в черном, расшитом бисером платье, с подобранными кверху волосами, сидит на стуле и во всю глотку орет:

Шрамы, оставленные твоей любовью, напоминают мне о нас,

Они заставляют меня думать, что всё у нас почти было.

Шрамы, оставленные твоей любовью, мешают мне дышать,

Но меня не покидает чувство...²

Я разрывалась от желания зажать уши руками, но не могла это сделать, тогда Эстер из принципа будет горланить весь оставшийся путь, а так, скорее всего она выдохнется уже на второй песне.

Все мои мысли крутились вокруг событий, произошедших за последние несколько часов. Кто бы мог подумать, что Эстер была настолько несчастлива рядом с Томасом.

И если это на самом деле так, то подруга поступила правильно.

Страшно провести жизнь в одиночестве. Приходить в пустой дом, в котором не слышно детского смеха и тихого ворчания мужа по ночам из-за того, что у тебя холодные ноги.

Печально вставать по утрам и заваривать лишь одну кружку кофе. На полочке в ванной стоит лишь одна зубная щетка, напоминая каждый раз о том, что у тебя по-прежнему нет повода спешить домой.

Но еще страшнее приходит домой и смотреть в глаза нелюбимому мужчине. Улыбаться ему изо дня в день, выслушивая истории о том, как прошел его день. А затем рыдать по ночам, кусая подушку, чтобы он не дай Бог не услышал твоих всхлипываний. Уж лучше не спеша возвращаться туда, где тебя никто не ждет. Чем ужасаться от одной мысли, что пора возвращаться домой к нелюбимому мужу, который ждет, когда ты приготовишь ему ужин.

Глава 5

КАЙЛ

Мы проехали заснеженную, похожую на Новогоднюю открытку, Галлику Драйв. Дома и газоны передними украшены гирляндами, на деревьях развешены пластмассовые снежинки усыпанные блестками, которые в свете заходящего солнца переливаются серебром. По снегу то тут, то там «бегают» солнечные зайчики.

Деревья за домами начали редеть, открывая нам вид на Август. Я сомневаюсь, что Эмили оценит дом, который я выбрал для них. Он слишком большой, гораздо больше, чем нам обоим хотелось бы (четыре спальни, три ванны, библиотека, большая кухня и столовая, просторная, светлая гостиная с камином, винный погреб и домашний кинотеатр) но вид из его окон просто волшебный.

Дорога привела нас в тупик, в конце которого расположен тот самый дом. Не успел я остановиться на подъездной дорожке, как Эстер выскочила из машины, Эмили последовала ее примеру.

Я заглушил мотор и вытащил ключи из зажигания, но покидать приделы машины пока не спешил.

Должно быть Эмили в ярости, но судя по всему Эстер вне себя от восторга.

Набрав полные легкие воздуха, словно собираясь нырнуть в холодную воду, я помолился и вышел из машины.

— Кайл! — Эмс старалась улыбаться, но эта улыбка казалась очень нервной, в глазах читалось недоумение. — Неужели не было дома поскромнее?

— Был, — честно ответил я. — Но ты только посмотри на этот вид.

Я указал в сторону заднего двора, приглашая девушек последовать за мной. Эстер ринулась вперед, опережая нас, Эмс нехотя поплелась следом. Обойдя гараж по каменной дорожке, припорошенной приличным слоем снега, мы оказались на заднем дворе дома. Девушки замерли. Их широко распахнутые глаза впитывали открывшуюся картину. Все дело в том, что этот двухэтажный дом отделанный камнем и бежевой штукатуркой был построен на небольшом полуострове, который с трех сторон окружен рекой Август, такой широкой,

что можно принять ее за тихое озеро. По ту сторону реки липовый лес (жаль сейчас он словно во сне) и чарующий вид на Ревайвл Сити. Ночью город представляет собой чарующее зрелище из многочисленных огней.

— Вау! — Только и смогла вымолвить Эстер, прижимая ладонь к своему разинутому рту. — Хотела бы я посмотреть на того болвана, который отказался жить здесь, предпочитая сдать в аренду. Аренда, наверное, обошлась тебе очень дорого.

— Не больше, чем я мог себе позволить. — Ответил я и Эстер перевела на меня свой взгляд.

— О, да. Сказал владелец безлимитной карточки. — Съехидничала девушка, скривив мордашку. — Ты бы мог купить себе участок на Луне, размером с десяток футбольных полей, и это бы никак не сказалось на твоём банковском счете.

— Эстер! — Осекла подругу Эмс. Девушка невинно пожала плечами и направилась в сторону дома.

— Все не так плохо, Эмс. — Я обнял ее за плечи и поцеловал в белокурую макушку. Она по-прежнему недовольна, но вид на Август ее впечатлил. — В нем очень уютно. Вот увидишь, тебе понравится.

— Мне бы и палатка на этом месте понравилась.

— Кто бы сомневался. За это я тебя и люблю.

Девушки не спеша осмотрели дом. Эстер заняла комнату, оформленную в розовых тонах и между прочим, я совсем не удивился. Эмили не любила яркие цвета, и ее выбор был еще более очевиднее, чем выбор Эстер. Небольшая комнатка в классическом стиле, стены и потолок выкрашены бледно бежевый цвет, с белыми лепнинами по всему периметру комнаты. Пол, как и вся мебель в комнате, деревянный, искусственно состаренный. Большая кровать, с горой подушек и пышным, бордовым одеялом. Один комод стоит напротив кровати, еще два, по обе стороны от нее. На больших окнах, тяжелые, бежевые шторы.

— Тут не так, как дома, — тихо произнесла Эмили, подходя к окну. Я следил за каждым ее движением, так, словно она — самое захватывающее зрелище в мире. — Но мне нравится.

Увидев улыбку на ее губах, я улыбнулся в ответ.

— Я надеялся, что тебе здесь понравится.

— Почему?

Я заглянул в ее большие глаза, цвета летнего неба и увидел в них страх. Она боится. Боится, что я опять не отвечу ей даже на такой банальный вопрос, боится, что чередой моего молчания станет пропасть между нами... Если честно, то я и сам этого боюсь. Она не дышит, не двигается, не моргает. По-прежнему ждет моего ответа.

— Этот город, эта улица, станет для Эстер домом.

— Эстер будет жить здесь? — Ее большие глаза, от удивления стали еще больше.

Я кивнул в ответ: — Не в этом доме, но на этой улице.

— Поэтому мы здесь?

— Да. — Честно ответил я, но это единственная правда, что я готов ей дать. На сегодня хватит воспоминаний о будущем. — Я в магазин. Нужно купить продукты, я приготовлю ужин. Устроим маленькое новоселье.

Оттолкнувшись от кровати, я встал и направился к двери, взявшись за дверную ручку, я услышал тихий, взволнованный голос Эмили:

— Спасибо.

Я слегка повернулся к ней, но ручку из рук не выпустил.

— За что?

— За то, что рассказал мне.

Я был прав. Внутри нее по-прежнему живет страх. Даже сейчас, когда старейшины не угрожают нашим отношениям — им угрожаю я и мои тайны. Мое молчание потопит нас, и причем очень скоро, если я не решу, что делать дальше.

Надо принимать решение.

Коротко кивнув ей на прощание, я покинул комнату, уже зная, какое решение я приму.

Эмили не умеет готовить, и если верить словам Эдисон даже с годами ей не удалось постичь это великое ремесло. Но хотя бы обычные вещи, как например яичница и сэндвичи она сделать могла. Поэтому с насупленным видом снежной королевы она гордо поднялась наверх и принялась разбирать чемоданы, в то время как мы с Эстер готовили наш маленький, праздничный ужин.

Мне просто посчастливилось найти этот дом, странно, что его еще никто, не купил, даже готовить на этой обычной с виду кухни было чертовски увлекательно.

Эстер резала овощи, в то время как я мариновал рыбу, времени на это мало, но надеюсь, что она хоть чуть-чуть пропитается маринадом.

— Я думала, Эмили заверещит, как банши при виде этого огромного дома. — Смеясь, говорила Эстер, изредка поглядывая на меня.

У нас с ней всегда были своеобразные отношения, но все же я смело мог назвать эту девушку своим близким другом. Но все же, когда выпал выбор между ее жизнью и жизнью моей любимой, я не думал дважды. И сейчас, даже спустя столько лет, мне по-прежнему стыдно за свой поступок.

Мне стыдно, что я бросил ее в том клубе, но если быть честным я не жалею. И я бы снова поступил так, лишь бы Эмили была жива. Эта мысль ударяется об мою голову с тяжестью бетонного кирпича, и я чувствую, как горит то место, где раньше у меня были крылья. Напоминая мне о том, что я заслужил то, что их потерял.

— Так что ты еще легко отделался. — Она смотрит на меня, в то время как мой взгляд прикован к ее пальцам, сжимающим помидор, пока лезвие ножа двигается вдоль разделочной доски.

Это не было похоже на специально замедленную съемку, сделанную с целью показать зрителю каждую шокирующую деталь.

Все произошло мгновенно.

В доли секунды. Но это не помешало моим глазам впиться в себя каждую деталь.

Порезав помидор на ровные, тонкие полукольца, нож проскользнул дальше, впивая свое острее в тонкие пальцы Эстер.

— Черт... — Выругалась девушка, бросая нож. Из пореза выступила алая кровь.

Нож гулко ударился о мраморную столешницу, отпружинил от нее, подобно мячику и устремился острием вниз, намереваясь, вонзится в босую ступню девушки.

Я не думал долго. Можно сказать, что я вообще не думал, а просто подчинился рефлексам. Моя рука ринулась вперед, обхватывая мертвой хваткой острее ножа, перехватывая его за миг до того, как он впился бы в бледную кожу.

— Кайл. — Испуганно произнесла Эстер, хватая меня за побелевшую руку, крепко сжимающую нож. — Боже, Кайл, отпусти его.

Я ничего не осознавал, молча разжимая кулак, я позволил Эстер отобрать у меня нож.

— Какого хрена? — Вырвалось у нее, когда она непонимающе уставилась на мою ладонь. Именно это и крутилось у меня в голове. — Лезвие ножа впилося в твою ладонь, я же видела.

Я не просто видел, я чувствовал, как острие ножа впилося в мою кожу, разрезая ее до кости. Но боли не было. Не было даже отдаленного чувства напоминающего боль. Как и крови.

Ни одной алой бисеринки ангельской крови не выступило на коже, а порез и вовсе исчез.

— Боже, парень я не верю, что спрашиваю об этом. — Сине-зеленые глаза, напоминающие хвойный лес, выглядели устрашающе на фоне ее побелевшей кожи. — Это нормально? У вас ангелов такое в порядке вещей?

Эстер знала о том, кем я был. Она с самого начала знала мою историю, но старательно избегала любых разговоров об ангелах, Эдеме и обо всем остальном.

— Нет. — Твердо ответил я, все еще сжимая и разжимая ладонь. — Это не нормально и я понятия не имею, как хрена, это все значит.

В нескольких шагах от меня на плите закипала кастрюля с почти готовой пастой. Языки огня «облизывали» блестящие, отполированное дно.

Даже не потрудившись одеть перчатку, я снял кастрюлю с огня и провел своей ладонью поверх него. Тепло распространилось по внутренней стороне ладони, окутывая ее мягкой пеленой. Огонь ласкал мою кожу, но не обжигал, боли я тоже не чувствовал.

Эстер, словно замороженная, смотрела на мою нетронутую огнем ладонь. На ее лице читались все испытанные мной эмоции.

Что-то не так. И я должен выяснить что именно.

— Там снег! — Кричала Эмили, сбегая вниз по лестнице. Бледные щеки пылали, а в глазах читалось волнение. Как у ребенка в Рождественскую ночь. — Снег пошел, вы только посмотрите.

Мы синхронно повернули головы в сторону окна, и я ахнул. Восхитительное зрелище. Снег крупными хлопьями-бабочками размеренно опадал на землю. Обычно в конце февраля его и вовсе не дождешься, а сейчас...

За те пять минут, что он идет, земля успела покрыться толстым, пуховым ковром.

То, что типично для России, в этих краях в новинку. Особенно если учесть, что средняя температура зимой десять градусов выше нуля. Нам повезло, что последние несколько недель, градусник показывает минус пять градусов.

— Скорее на улицу! — Она пронеслась мимо нас и распахнула заднюю дверь. Так и выбежала: в джинсах, розовом свитере и летних кедах. Белокурые волосы сразу покрылись россыпью снежинок.

— Эмили, ты рехнулась? — Возмутилась Эстер, выходя во двор. — Ты не одета, заболеешь же.

— Не будь занудой, — Эмс раскинула руки в стороны и подставив лицо снежинкам начала кружиться. — Это и называется весельем.

— Это называется — получить воспаление легких...

Эстер не успела договорить, я вытолкнул ее на середину двора и плюхнул ей на голову большую пригоршню снега.

Матерясь, как лесоруб, двигаясь со скоростью ночной фурии, Эстер запрыгнула мне на спину, изо всех сил силясь повалить меня в снег.

Я рассмеялся. Мы оба знаем, что у нее ничего не выйдет, но никто из нас не хочет прекращать борьбу.

Что-то холодное и колкое обожгло мой лоб. Я замер, не понимая, что произошло. Эмили рассмеялась, закрывая лицо покрасневшими от холода ладонями. Эстер рухнула с моей спины, ее смех разносился по все Галлике.

— Любимая, ты же знаешь, что я должен отомстить за это?! — Она зарядила мне в лоб снежком. Боже, с ее то меткостью... Был один шанс из ста, что она попадет с первого раза и она попала. Черт, да я даже горжусь ей.

— Мсти быстрее, — пропищала она, потирая ладони. — Я жутко замерзла.

Изрядно продрогнув и хорошенько повеселившись, мы вернулись в дом. К этому времени ужин уже был готов, осталось только накрыть на стол. Типичное ворчливое настроение Эстер улетучилось, и впервые за долгое время, я увидел ее настоящую: открытую, веселую, задиристую. А это значит, что мы движемся в правильном направлении.

Пока девушки убирали со стола и мыли посуду, я приготовил печенье с корицей и горячий шоколад. Какой же зимний вечер, в хорошей компании и без горячего шоколада?

Эстер и Эмили делились своими воспоминаниями из детства. Рассказывая забавные истории со своим участием. Ладно, я соврал. Эстер старалась рассказать о Эмили самую неловкую и в тоже время смешную историю. Эмс отвечала ей тем же, и через пятнадцать минут все это уже не походило на мирные посиделки, а напоминало словесную войну.

Честно говоря, мое внимание было поглощено огнем в камине, я лишь изредка улавливал отрывки разговора. Но никто из девушек этого не заметил. Они прекрасно уничтожали друг друга и без моего участия.

— Кайл? — Встревожено позвала меня Эмили. — Ты в порядке?

Я непонимающе на нее уставился.

— Я звала тебя несколько раз.

— Прости, я задумался. — Виновато улыбнувшись, я сжал ее руку. Тревога в ее глазах никуда не пропала, еще несколько секунд Эмс изучала мое лицо, а затем, кивнув, повернулась к Эстер.

— Он явно не слышал твой вопрос.

— А что ты спрашивала? — Переспросил я у Эстер. Ее печенье осталось нетронутым но горячий шоколад она почти допила. Хотя я сомневался, что она вообще к нему притронется. *«Ты представляешь, сколько в этом, — указывая на кружку, произнесла Эстер голосом полным отвращения. — Калорий? Мне придется неделю сидеть на капусте, чтобы исправить нанесенный урон».* - Это она говорит каждый раз, когда я предлагаю ей горячий шоколад.

— Я спросила, не хочешь ли ты рассказать нам что-то из своего детства. — Ее синезеленые глаза искрились любопытством. — Ты же был ребенком, ведь так?

— О нет, я все свое существование был двухсот пятидесятилетним летним созданием. — Съязвил я, Эстер недовольно прыснула. — Конечно же, я был ребенком. Недолго, правда, но все же.

— Как понять недолго? — Поинтересовалась Эмс, играя с пальцами моей правой руки.

— От младенца до ребенка десяти лет, мы вырастаем за четыре года, по вашим меркам. Дальше же наше развитие длится куда дольше.

— Не чего себе, — Эстер выглядела впечатленной. — Да вы везунчики.

— Я бы так не сказал.

Эстер открыла рот, чтобы возразить мне, но Эмили ее опередила.

— Я не хочу говорить об этом. — Нагнувшись вперед, она схватила свою полупустую кружку с шоколадом и поднесла к губам, делая глоток. — Я начинаю думать об отце Кайла и о том, через что он заставил нас пройти.

Послушать ее так мой отец монстр. Но является ли он таким на самом деле? Все мое существование он был в моих глазах кем-то посторонним, величественным и благородным. Я никогда его не любил, но всегда уважал. Несмотря на все безразличие к своей семье, отец делал все для Эдема. Он был хладнокровен и справедлив, смотрел на любую проблему беспристрастно.

Он был...

Я привык думать об отце в прошедшем времени, но ведь сейчас он жив. Сидит себе в своем бледном кресле и решает проблемы мирового масштаба, пока два его старших сына в изгнании разгуливают по земле.

Адам, больше двух столетий я не слышал о нем. С того самого дня, как отец с позором вышиб его из нашей семьи и Эдема. Кто бы мог подумать, что в нашей семье все яблоки получились червивыми?

Типичный старший брат, на которого призывают ровняться. Второй Даниэль. Хотя нет, мой брат был гораздо хуже. Он был не похож ни на кого из нашей семьи: почти черные, вьющиеся волосы, глаза, похожие на изумруды и девяносто килограммов самовлюбленности. И хотя повадки у него были, как у будущего старейшины, выглядел Адам, как падший ангел.

Поняв, что отец и не думает уступать ему свое место, гонимый жаждой власти, он спровоцировал бунт. Когда восстание подавили, брат слинял еще до того, как ему вынесли приговор, и прихватил с собой кое-что из хранилища старейшин. ОНИ были в ярости. С тех пор Адама разыскивают, но он словно сквозь землю провалился.

Допив остатки уже совершенно не горячего шоколада, я поставил кружку на пол и медленно поднялся на ноги.

— Ты куда? — Рука Эмили упала с моих колен, обрывая их разговор с Эстер.

— Пожалуй, я пойду спать. Слишком много мыслей, для одного дня.

— Я скоро присоединюсь, — в свете камина лицо Эмс святилось оранжевым. Из высокого хвоста выпало несколько прядей, которые теперь белоснежными лентами окружали розовые щеки. Я не могу отвести от нее взгляд. Как же я проживу без нее эти две недели? — Только приберусь здесь.

— Хорошо. Доброй ночи, Эстер.

— Доброй ночи, моя любимая заноза в заднице. — Пролепетала Эстер, запихивая в рот печенье.

— Да, я тоже от тебя без ума.

— Кайл! — Я услышал женский голос. — Кайл! Кайл, проснись же.

Я открыл глаза, бледное испуганное лицо Эмили нависало надомной.

— Я слышала какой-то шум с улицы. Кто-то пытается проникнуть в дом.

Монстр, здоровенного размера, сидит по ту сторону стеклянной двери и смотрит на меня. Его глаза всматриваются в мои, проникая в самую душу. Тонкая струйка слюны вытекает из его черной пасти, приземляясь на каменный пол у его лап. Вот урод. Пускает на меня слюни. Наверное, уже представляет, как его клыки впиваются в мою задницу, отрывая от нее здоровенный кусок.

— Необходимо вызвать полицию! — Серьезным тоном заявила я, не отводя взгляда от сидящего на крыльце зверя. Я знаю, что дверь заперта, но все равно боюсь, что он каким-то образом проберется в дом.

Кайл рассмеялся, своим бархатным грудным смехом и зашагал к стеклянной двери.

— Эмс, не говори ерунды. — Он покачал головой, не веря в то, что я так сильно боюсь обычного пса. — Это всего лишь собака.

— Это самая огромная собака из всех, что я видела.

— Значит, ты видела очень мало собак.

— Что ты делаешь?

Я вскочила с пола и перехватила руку Кайла, поворачивающую дверную ручку. Он что всерьез собирался это сделать?

— Я хочу впустить ее в дом. — Кайл взял меня за плечи. — Хватит бояться, посмотри, какая она милая.

— Да у нее глаза голодные. Она, — я указала на собаку. — Съест нас обоих и даже не подавится.

— Любимая, не выдумывай.

— Нет, Кайл. Скажи, что ты шутишь и на самом деле не собираешься впускать эту псину в дом?! — Я была в недоумении. Он прекрасно видит, что меня трясет от одного вида этого огромного создания. — Кайл! — Но все равно делает то, что делает. Отпирает дверь, запуская немецкую овчарку внутрь.

Радостно завиляв хвостом, псина медленно вошла в дом и села, на пол уставившись на Кайла. Я вжалась в холодильник. *Не показывай свой страх Эмили*, — мысленно повторяла я. — *Собаки чувствуют страх. Держи себя в руках.*

На самом деле в собаке и вправду не было ничего угрожающего: темно-карие добрые глаза, плотная черная шерсть (покрывает ее тело, словно большое пятно нефти) красиво переливается в свете фонаря. Собака огромная, я уверена, что встань она на задние лапы, то с легкостью сможет откусить Кайлу нос.

— Ну, привет дружище, — я наблюдаю за тем, как Кайл без опаски приближается к животному. Сев на корточки, он ласково почесывает собаку за ухом. На ошейнике друг об друга ударились два медальона.

Парень нахмурился и взял медальоны в ладонь.

Я понемногу отлипала от холодильника, но колени все еще подрагивали. В случае чего — я готова бежать сломя голову.

— *Пальма*. — Я взглянула на Кайла, его четко очерченные брови сошлись на переносице.

— *Пальма*? — Я подошла ближе, рассматривая витую надпись на одном из медальонов. На втором же был рисунок пальмового дерева. — Кто называет собаку в честь дерева? Ее хозяин был психом, а как говорится: «*какие сани, такие и сами*». Она бешеная наверно. Выпроводи ее за дверь, Кайл.

Пальма заскулила и прижала уши к голове. Я удивленно на нее уставилась.

— Ты это видел? Не нравится ей...

— Любимая, прекрати, когда ты так говоришь, мне хочется вытолкнуть тебя на улицу и посадить задницей в снег. Он уж точно охладит твой пыл. — Я скривила рожицу, передразнивая его. Терпению Кайла точно подходит конец.

— Там остались спагетти, переложи их в какую-нибудь тарелку, надо покормить нашу гостью.

Закатив глаза и сыпя под нос проклятия, я направилась к холодильнику.

Я не люблю собак. Когда мне было пять, соседская собака Мирко³ (она явно не оправдала свое имя) укусила меня за ногу. Мало того, что я до смерти перепугалась, так еще и в течение месяца мне делали разнообразные уколы. Через год, когда число покусанных достигло семи — Мирко усыпили. Я знаю, что это не правильно, радоваться чужому горю, но я была в восторге от этой новости.

Обычно я отношусь к собакам куда более терпимее, но не в три часа утра после слишком утомительного дня. Да еще и к дому этому я пока не привыкла.

Мы здесь меньше суток, а я уже хочу вернуться в нашу уютную квартиру.

— Не слушай ее, эта женщина не знает что говорит, — ворковал бывший ангел, запуская пальцы в черную шерсть Пальмы. — Бешеная. Если хорошенько подумать, кто из вас двоих бешеный, то тебе, детка не о чем волноваться.

Я повернулась, чтобы понять, кому именно предназначался этот комментарий, надеясь, что Кайл обращался ко мне, но нет, он по-прежнему болтал с собакой.

— Ты псих. Тай же, как и хозяин этой Пальмы. — Я захлопнула холодильник, поставила тарелку с макаронами на пол и поспешила покинуть кухню. — Поздравляю, сегодня ты вместе с Пальмой спишь на коврике.

— А завтра? — Смеясь, спросил он.

— А завтра вы уезжаете в Линден Гров.

Я не могу уснуть. Кайл лежит рядом. Его дыхание размеренное, а глаза закрыты, но я знаю, что и ему не спится. И если для меня бессонница в новину, его она мучает слишком часто. Я испробовала кучу всего: от ромашкового чая и теплого молока до сильнодействующих снотворных. Но ничто из этого не помогло Кайлу погрузиться в глубокий сон. Он спит чутко и урывками, а порой и во все проводит без сна несколько дней.

— Мне не спится, — шепчу я, поворачиваясь лицом к Кайлу. — Думаю о том, что творит твоя подружка на нашей кухне.

— Готовит нам завтрак. — В лунном свете, просачивающимся на нашу постель через окно, я вижу его улыбку и неглубокие ямочки на щеках.

— Ха-ха, — до коснувшись до его лица, я нежно провела пальцами по острым скулам. — Как смешно.

Он взял мою руку и прижав к своим теплым губам, поцеловал кончики пальцев.

— Что на самом деле тебя тревожит? — На этот раз голос его был серьезен. Кайл всегда видел меня насквозь. Для него я, словно открытая книга.

— Не знаю. — Соврала я. — Но, что-то меня тревожит.

Мы замолчали уставившись на крохотное расстояние между нами. Свет полной луны, тепло от его тела, дыхание пропитанное мятой, тихое биение сердца — все это окутывало нас своеобразной магией. Магией, побуждающей на откровенность. Не зря говорят, что ночью все разговоры становятся искреннее.

— О чем ты думаешь? — Осторожно спрашиваю я, подступая к серьезному разговору издалека.

— О тебе, обо мне, — отвечает он, переплетая свои пальцы с моими. — О нас.

— Ты счастлив? — Я прячу взгляд под ресницами. — Ты выглядишь счастливым, но так ли это?

Мне страшно.

Страшно от того, что он смолчит. Попросту не ответит, но еще страшнее от того, что я получу ответ, который разобьет мне сердце. *«Если боишься услышать ответ — не задавай вопрос»* мудрые слова, жаль только я к ним не прислушиваюсь.

Мы сидим в тишине, его дыхание бьет по моим ушам подобно грому. Мне кажется, что я слышу, как по нашим венам передвигается кровь. Кайл сжимает мои пальцы, и я осмеливаюсь поднять на него взгляд.

— Даже больше, чем ты можешь себе представить. — На выдохе произносит он. — Я надеюсь, что однажды ты сможешь понять всю силу моего счастья. Держать тебя за руку — великий дар, Эмили. Никогда, слышишь меня? Никогда не сомневайся в этом!

— Не буду, — слезы подступают к глазам и мне приходится закусить губу, чтобы не расплакаться. Я освобождаю руки от хватки Кайла и обвиваю их вокруг его шеи. Мне хочется прижаться к нему настолько сильно, чтобы стать с ним одним целым. — Больше никогда не буду.

— Я люблю тебя, Эмс. — Я слышу его шепот в своих волосах. — Больше жизни люблю.

Я не отвечаю, он и так знает ответ. Вместо слов я крепче стискиваю объятия и утыкаюсь носом в его шею.

Не знаю, чем я заслужила его. Но я в долгу перед судьбой, за то, что она привела Кайла на порог моей жизни. Без него меня нет. Без него я не существую. Он — мое сердце.

— Давай попробуем уснуть? — Кайл притянул меня к себе, нежно убирая волосы с моего лица. — Этот день был слишком долгим.

— Кайл, — проговорила я сквозь мягкую пелену сна, которая медленно меня окутывает. — Можешь оставить себе собаку.

Он усмехнулся, крепче сжимая кольцо образованное его руками, вокруг моей талии.

— Спи, и пускай тебе приснятся ангелы.

— Мне хватает одного ангела в моей жизни. Сладких слов, малыш.

Глава 7

ЭМИЛИ

— Ну и какие у нас планы на сегодня? — Спросила Эстер, с разбега приземляясь на мою кровать. Даже от ее небольшого веса, меня подбросило вверх.

Я лениво натянула теплое одеяло себе на голову, отчаянно надеясь, что подруга поймет намек и оставит меня в покое еще на пару часиков. Но та никогда не понимала намеки.

— Для начала нам надо арендовать машину. — Слишком громко для семи утра, лепетала Эстер. — Я не намерена трястись в автобусе по полчаса, а именно столько времени потребуется, чтобы добраться в центр города.

— Эстер, потише, только семь часов. — Простонала я, засовывая голову под подушку. — Тебя слишком много.

— Ой, ну тебя. — Я почувствовала, как с меня соскользнуло мое теплое укрытие. Эстер стащила на пол одеяло.

— Верни, одеяло. Холодно. — Не высовывая головы из-под подушки, я на ощупь стала искать что-то, чем можно укрыться.

— Быстрее проснешься. — Хихикнула Ми-Ми. — Давай же, вставай. Нам предстоит долгий день.

— Я бы предпочла, чтобы этот день начался во второй половине дня. — Я выползла из постели, ворча себе под нос о том, что больше никогда и никудауда с ней не поеду. А еще было бы хорошо запирать на ночь дверь в свою комнату. Так, по крайней мере, Эстер не сможет стаскивать с меня одеяло. А в дверь она может стучаться, сколько ей влезет.

— Я жду тебя внизу! — Прокричала Эстер, ее шаги отдалялись от моей двери.

Простонав, я плюхнулась на подушки и закрыла ладонями лицо.

Я уже ненавижу сегодняшний день.

Еще и Кайл вернулся домой. Не помню, в котором часу, было темно, когда он поцеловал меня в лоб и прошептал, что позвонит, как только доберется до дома. Мне не хотелось его отпускать, но я знала, что это правильно. Возможно, Эстер права и нам не повредит отдохнуть друг от друга.

Я надеялась, что вчерашний инцидент с собакой был дурным сном, но зайдя утром на кухню, я нашла на полу грязные следы от лап. Собака была в доме всего пару часов, а такой бардак после себя оставила, полдня придется убирать.

Хорошо, что Кайл забрал ее с собой. Надеюсь к моему возвращению домой, он найдет для собаки новых хозяев.

Эстер даже позавтракать мне толком не дала ни то, что вытереть следы лап. Лишь сунула мне куртку в руки и вытолкала за дверь.

На улице был небольшой мороз, из рта вырывались небольшие клубы пара. Пасмурное небо нагоняло на меня тоску, стараясь не обращать на него внимания, я двигалась вслед за Эстер вниз по Галлике в сторону автобусной остановки.

Кайл взбесится, если узнает, что мы арендовали машину.

— Эй, о чем ты задумалась? — Заинтересованно спросила Эстер, смотря на меня сквозь свои густо накрашенные ресницы. Уже второй час мы колесим по городу на арендованной машине. Небольшой внедорожник обошелся нам очень дешево. Кайл считает, что подобные машины не для девушек, я же не могу заставить себя смотреть в сторону других. Пару месяцев назад моя машина сломалась и я до сих пор не могу забрать ее из автосервиса. Они никак ее не подчинят, аргументируя это тем, что как только они отремонтируют одно — ломается другое. И я им верю, ведь машина и в самом деле в ужасном состоянии. Но она принадлежала моему деду, который умер за год до гибели родителей, и теперь дорога как память.

Я просила Кайла заняться ей, его волшебные руки наверняка сумели бы все исправить, но он отказался. Вместо дедушкиной старушки Кайл предложил купить мне любую другую. Разумеется, я отказалась. Вот теперь и передвигаюсь по городу на своих двоих.

— Так, ни о чем. — Беззаботно ответила я, крепче сжав руль. Эстер впиалась в меня своим острым *«я знаю тебя лучше, чем ты думаешь»* взглядом. — Правда, ни о чем важном.

— Раз это не важно, — надавливала на меня подруга. — Тогда тем более нет смысла скрывать.

Ох, эта Ми-ми. Проще сдаться и рассказать ей все, чем еще в течение трех дней

подвергаться ее пыткам.

— Просто я никак не могу понять, — я не сводила глаз с дороги, пытаюсь высмотреть какое-нибудь кафе. Мне срочно необходима большая доза кофеина. — Зачем Кайлу понадобилось отправлять меня в этот город?

— Пф-ф, — прыснула Эстер. — Это ясно, как день. Ты здесь ради меня.

Впереди, через три здания от нас, появилась неоновая вывеска кафе «Луна». Несколько человек как раз вышли из него и начали медленно переходить через дорогу, на другую сторону улицы. Влюбленные парочки. Они повсюду. Это умиляет и в тоже время жутко бесит.

— Нет, Эстер. — Возразила я, по-прежнему не смотря на нее. — Ты здесь, потому что это тебе нужно. И мы обе знаем, что я не нужна тебе. Ты бы прекрасно провела время и без моего присутствия. — Припарковав машину на единственном свободном парковочном месте, я выключила зажигание и вытащила ключи. В машине воцарилась полная тишина. Эстер ждет, что я скажу дальше.

— Я здесь, в этом городе, только лишь потому, что это необходимо Кайлу. — Наконец-то я произнесла свои подозрения вслух. — И это на самом деле не дает мне покоя.

— Только не говори мне, что подозреваешь Кайла в измене. — Скептически произнесла подруга. — Ты ведь и сама понимаешь, как нелепо это звучит.

— Ох, Эстер... — Сердце в груди напоминало мне большую каменную глыбу, опутанную колючей проволокой. — Измена не самое страшное, что может произойти с нами. — Под нами я подразумевала себя и Кайла, но Эстер не нуждалась в пояснении. Она и так знала, что именно я имею в виду.

Ее лицо сделалось мягким и сочувственным. Наконец-то она осознала всю глубину не только своих, но и моих переживаний. Эстер мягко накрыла мою ладонь своей.

— Я уверена, что этому есть какое-то безобидное объяснение. — Она попыталась подбодрить меня улыбкой, но я на это не купилась.

— Думаю, ты права. — Я пыталась внушить себе эту мысль, и можно сказать, что на мгновение я в нее поверила. Но что-то в глубине души ныло, скулило и напевало мне о том, что в этой ситуации все же есть подводные камни. И рано или поздно я все равно напорюсь на один из них.

— Как ты думаешь, Кайлу было больно лишиться крыльев? — Это еще один вопрос, разьедающий меня на протяжении долгого времени. Я не могу спросить об это у Кайла, язык не повернется, и мне интересно, что думает об этом Эстер.

— Лишиться крыльев, — девушка задумалась лишь на одно мгновение и в этот момент я пожалела, что задала этот вопрос вслух. Если Эстер ответит «да» я, скорее всего не вынесу. Я могу справиться со своей болью, но только не с его. — Не больше, чем потерять тебя.

На пару секунд у меня перехватило дыхание. В голове крутились сотни слов, фраз и предлогов, но ничего не складывалось в одно целое предложение. Я сидела, вцепившись мертвой хваткой в руль, и не могла пошевелиться. Мне казалось, я слышу, как сердце качает кровь и прогоняет ее по венам. Я даже чувствовала каждую вену, наполненную кровью.

— Кофе?

Слова Эстер вторглись в мой мозг и просто вывели из гипнотического транса мыслей и звуков.

— Кофе... — Ответила я и выскочила из машины. Кофе и свежий воздух, единственное, что мне сейчас нужно.

Сидя в кафе, мы не разговаривали. Каждая из нас задумалась о чем-то своем и нас обоих это вполне устраивало. На улице снова пошел снег, и стало на пару градусов холоднее. Я не люблю зиму. Любила когда-то, но только не теперь, когда она мне так сильно напоминает о смерти. У меня в голове возникали все новые и новые вопросы о Эстер и Томасе: *Что именно привело их к подобной ситуации? Что могло оттолкнуть любящих друг от друга? Неужели все так и закончится?* Но я не осмеливаюсь задать их вслух. Эстер не ответит. И в какой-то степени я не хочу, чтобы она отвечала. Мне страшно лишь от одной мысли, что подобное может произойти со мной и Кайлом.

Мы вернулись домой около восьми часов вечера. Сил на ужин не было, да и на разговоры тоже. Мы просто рухнули перед телеком, бездумно переключая каналы.

Это не особо похоже на отдых, скорее на время для самокопания.

Эстер сидит с отсутствующим выражением на лице и меня это уже начинает раздражать.

— Так вот зачем мы приехали сюда? — Не выдержав произнесла я, поворачиваясь на девяносто градусов, так чтобы я могла видеть лицо подруги.

— О чем это ты? — Даже не шелохнувшись, поинтересовалась та. Окончательно выводя меня из себя.

— О том, что мы приехали сюда отвлечься, дать тебе время посмотреть на мир без Тома. Но он все равно рядом с нами.

— Эмс, я не хочу сейчас говорить об этом. — Устало произнесла подруга, выключая телевизор.

— Но тебе надо говорить об этом. — Выпалила я. — Нам надо поговорить об этом. Потому что я не знаю, как тебе помочь справиться с этой ситуацией и прийти к правильному решению.

— Я сама должна принять это решение. — Эстер вскочила на ноги. — Ни ты, ни Кайл, а я! Я должна решить для себя, что будет лучше для меня, без вашей помощи.

Мое сердце покрылось коркой льда из-за холодности ее слов. Мне больно, что она думает о нас так, словно мы пытаемся самостоятельно решить, что для нее лучше. Ведь это не так...

— Эстер, ты не справедлива. — Защитилась я, но мои слова не успокоили ее и я решила попытаться снова. — Я не хочу, чтобы ты замыкалась в себе. Ты никогда так не поступала и я не хочу чтобы сейчас было по-другому. Я никогда не навязывала тебе свое мнение и ты это знаешь.

— Знаю... — Виновато произнесла она, усаживаясь на свое прежнее место. — Я... Просто я не знаю, как жить без него.

Последнее слово, повисло в воздухе, сопровождаясь звенящей тишиной.

— Я привыкла, что вы оба есть в моей жизни. Вы словно два крыла за моей спиной, несете меня по жизни, подхватывая всякий раз, когда я падаю. — Теперь, когда каменная стена, возведенная вокруг ее мыслей и чувств, лопнула, Эстер не может остановиться. — Сейчас я лишилась одного из вас и не знаю, как снова подняться в небо.

Я сжала ее руку.

— Ты обретешь новое.

— Я боюсь, что больше не смогу полюбить.

Взяв ее личико в свои ладони, я улыбнулась ей.

— Ми-Ми, твое сердце безгранично огромное и любящее. Такие сердца просто так не сдаются. Они бьются ради того, чтобы любить.

К хвойно-зеленым глазам девушки подступили слезы, она даже не потрудилась их спрятать. Теперь я наконец-то узнаю ту девушку, с которой знакома всю свою сознательную жизнь.

— Я до костей пропитана им, и от этого мне мучительно больно. — Ели слышно проговорила она, смотря на наши переплетенные руки. — Я смотрю на свое отражение в зеркале и вижу его. Эти губы, глаза, волосы, кожа... Все отдано Томасу без остатка. И я не знаю, как это исправить.

— За то я знаю... — Я сжала ее ладонь и Эстер с надеждой посмотрела мне в глаза. — Этим мы и займемся завтра днем.

Утром Эстер заявила, что составила список того, что ей необходимо сделать за четырнадцать (а точнее уже тринадцать) дней, которые мы проведем в этом городе. Я не запомнила даже и половины всего, но некоторые пункты «врезались» в память.

Устроить фотосессию.

Сделать татуировку.

Научится готовить.

Покормить голубей в парке (вчера вечером мы смотрели «Один дома 2», вполне понятно, откуда взялся этот пункт.)

Покататься на коньках.

Прочитать пять книг НЕ О ЛЮБВИ.

Завести новых знакомых.

И так далее и тому подобное.

Чем дальше я читала ее список тем сильнее хотелось смеяться. Похоже, моя подруга насмотрелась сериалов и теперь живет в одном из них. Мне необходимо вытащить ее из «мыльной» жизни в нашу серую и унылую реальность.

— Мы идем в салон! — Торжественно заявила она, отвлекая меня от чтения ее списка.

Мои глаза сразу же метнулись к номеру 12. *Сменить имидж.*

— Ты же шутишь? — Недоверчиво переспросила я.

— Нет! — Распахнув глаза, невинно произнесла подруга. Она в самом деле собирается это сделать. У нее на лбу написано: «я сгораю от нетерпения». — Я на самом деле хочу сменить имидж. Не кардинально, но все же.

— Подстрижешь челку? — Боже, надеюсь, нет. Ей определенно не пойдет челка. С ней Эстер будет похожа на Незнайку. — Я бы многое отдала за подобное зрелище.

Я прыснула от смеха, хотя изо всех сил старалась его сдержать. Эстер недовольно скрестила руки на груди, прожигая меня взглядом.

— Давай, блесни своим остроумием, а на утро проснешься лысой. — Серьезно поговорила она, смерив меня тяжелым, прищуренным взглядом. — Посмотрим, кто тогда посмеется.

— Ты же не серьезно? — Ошарашенно спросила я. По виду подруги невозможно понять шутит она или в серьез настроена это сделать.

— Кто знает... — Она пожала плечами и развернувшись на пятках, выскочила из дома, оставляя меня в недоумении смотреть в ее удаляющуюся спину.

Глава 8

КАЙЛ

В Линден Гров, в отличие от Ревайвл Сити, совершенно нет снега. Он растаял, не оставив и малейшего намека на свое бывалое присутствие. Всего-то четыре часа пути и я оказался в совершенно другом мире.

Я не стал заезжать домой. Незачем. Дома меня никто не ждет. Вместо этого я поехал к озеру.

Я хотел приехать сюда с тех пор как вернулся в 2014 год. Меня тянуло, словно магнитом в эти места полные болезненных воспоминаний и только сегодня я наконец-то осмелился сюда приехать.

Скамейки нет, как и красивого дома на правом берегу озера. Вместо него стоит лес, который спит и видит свои мягкие сны.

Но яркие вспышки воспоминаний, которые каким-то образом до сих пор живут у меня в голове, появляются перед глазами, рисуя совершенно иную картину: современный дом, с аккуратным, ухоженным садом; толпа гостей прогуливающих по нему; одинокая, старенькая лодка, скользящая по водной глади озера; смех детей; скамейка под деревом; и глаза. Ее глаза. Молодые, но с россыпью морщинок. Такие же большие, голубые и ясные, как и в день нашей первой встречи.

Я не знаю, как мне удалось выстоять в тот день. Боль была настолько сильная, что я был готов упасть на колени и плакать так, как не позволено плакать мужчине. Но я устоял. Не ради себя, а ради нее.

Сейчас же, спустя столько лет я вспоминаю те года со щемящей тоской и ноющей болью в сердце. Страх, от того, что история повторится, сковывает мое тело и мысли. Бояться нельзя. *Страх — это слабость.* Я — ангел. Всю свою жизнь я не знал этого чувства, так что и сейчас нам с ним предстоит распрощаться.

Подойдя ближе к дереву, я сажусь на корточки около него и завожу разговор с Эмили. С той девушкой, которая покинула меня в будущем. С той, которая провела свою жизнь с другим, но посвятила каждую ее минуту мне. Я говорю ей о боли и страхе, о том, что почти не сплю по ночам, о том, что мое тело не чувствует боли. Рассказываю о том, как сильно счастлив и влюблен. Рассказываю ей все, о чем не могу рассказать Эмили из моего настоящего. Делюсь с прошлым тем, от чего защищаю будущее.

Не знаю, сколько времени ушло на мою исповедь. Но когда пришло время ехать к Уорнерам, я уже сильно продрог, а ноги затекли. Бросив последний взгляд на сонное озеро из моего настоящего, я сел в машину и поехал к дому Уорнеров, наконец-то приняв решение, которое меня погубит.

Настало время взглянуть в глаза проблемам, которые так или иначе на протяжении шести месяцев дышали мне в затылок. Я пытался не думать об этом. Жить своей жизнью. Быть рядом с Эмс и надеяться на то, что Уорнеры сами себя спасут. Но я так больше не могу. Мил бы так не поступил. Эмили бы так не поступила. Да, даже чертов эгоист Даниэль, не опустился бы до такой трусости. Значит, и я не могу себе этого позволить.

Дом Уорнеров нетронут годами. Такой же, как и тогда: большой, тихий и одинокий, как маяк, освещающий бескрайнее буйное море. Люди задабривают свое несчастье, строя подобные дома, словно красивый дом, сможет сделать его обитателей счастливыми.

Это иллюзия.

На самом же деле, огромный дом, делает их еще более одинокими.

До двери Уорнеров осталось несколько шагов, а я по-прежнему не знаю, что им сказать.

И как заставить поверить в тот бред, что произошел со мной.

Одно дело убедить в этом Мила, другое же дело Даниэль.

Даниэль.

Вот он. В шаге от меня, опирается на дверной косяк, с любопытством осматривая меня с ног до головы. Моя занесенная рука, так и не коснулась деревянной двери. Должно быть, Дани видел меня в окно и открыл дверь раньше, чем я успел в нее постучать.

— Привет! — Неуверенно произнес я, сглатывая нервный комочек, подступивший к горлу.

Я до сих пор не привык встречать людей, которые как мне помнится, были мертвы.

Или будут...

Не важно.

— Привет. — Типичная *Даниэлевская* ухмылка растеклась по его лицу, пока тот с любопытством пялился. Он явно отметил тот факт, что на моем запястье отсутствует какая-либо метка. — Ты вроде не похож на того, кто ходит по домам и втюхивает разнообразную хрень. Так что тебе надо?

Мне надо, чтобы ты перестал быть засранцем, хотя бы в ближайшие полчаса, — подумал я, но вместо этого ответил:

— Мне нужно поговорить с тобой и твоим братом. — Ну вот. Я произнес это твердо и уверенно, глядя прямо в его теплые, голубые глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Даниэль удивленно вскинул брови. Я удивил его. Ну надо же.

— По поводу?

— По поводу твоего нижнего белья... — Буркнул я, отодвигая его в сторону и проходя в дом. Даниэль сыпал проклятиями мне в спину, пока я твердым шагом направлялся к лестнице. Держу пари, Мил находится в кабинете.

— Эй, чувак, какого хрена ты творишь? — В младшем Уорнере уже закипает ярость. — Ты даже не представляешь, какие последствия тебя ждут!

— Дани! Закрой свой рот и веди меня к Милану. — Остановившись у подножия лестницы, я повернулся к парню лицом, чуть было не столкнувшись с ним нос к носу. — Если хочешь помочь брату вернуться в Эдем и при этом остаться в живых, то делай, как я говорю.

Лицо Даниэля ожесточилось. Ненависть и презрение всего мира поселились в его глазах, наполняя их красным цветом. Он выглядит, как человек на грани срыва. Того и гляди, вот-вот бросится на меня с кулаками. Но мне все равно. Я делаю шаг вперед, сокращая между нами расстояние.

— Мне плевать, как это выглядит со стороны, — сквозь сжатые зубы проговорил я, смотря в пылающие ненавистью глаза Дани. — Но я здесь, чтобы помочь вам. Мы можем стоять здесь и мериться силой или же подняться наверх и заняться проблемой, куда поважнее твоего раздутого эго.

Он ничего не ответил, лишь сверкнул взглядом и направился вверх по лестнице, с силой задев мое плечо.

Я пробыл в этом доме всего несколько дней, большинство из которых находился в бессознательном состоянии, но все равно запомнил многие детали: деревянные полы,

элегантные обои и дорогие картины на стенах.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы оказались около плотно закрытой двери, по другую сторону которой находится комната Эмили.

Это так странно, находится в этом месте, помнить все события связанные с ним и осознавать, что по факту для других этих событий никогда не было. Я не лежал без сознания в кровати Эмс. Михаэль и Мил не боролись за мою жизнь, выводя яд из раненого тела.

Я даже не осознавал, что делаю, пока не распахнул дверь и не вошел внутрь комнаты, которая казалась прежней и одновременно другой.

— Эй, какого черта ты делаешь? — Возмутился Даниэль, следуя за мной. — Ты не имеешь права находиться здесь.

Я чувствовал, как внутри него закипала ярость, он все такой же, подобный спичке, воспламеняется от малейшего трения.

— Дай мне минуту. — Сохраняя спокойствие, ответил я.

— Парень, ты в своем уме? Выметайся отсюда.

Дани уже практически рычал, прожигая мою спину взглядом, но я не двигался с места. Все такое знакомое и в тоже время чужое.

Помню, как в двадцать второй день рождения Эмили я пробрался сюда, чтобы взять сумку с вещами Эмс и заодно положил перо в ее правую ладонь.

Я закрыл глаза, вдыхая воздух пропитанный запахом цветущей черемухи, приятный пьянящий аромат, но в моей памяти его не было. Но там было кое-что другое.

Мне тяжело дышать, словно кто-то положил тяжелый булыжник на мою грудную клетку. Я не вижу Эмс, но ощущаю ее присутствие, слышу, как она дышит.

— Эмили?

— Да? — Откуда-то из темноты раздался ее по-детски звонкий голос.

— Тебе удалось вывести яд? — Во рту пересохло, и каждое слово дается мне с трудом, но я заставляю себя говорить. Она должна знать, что я в порядке.

— Да, спасибо Михаэлю.

Ее ясные, голубые глаза стали ярче, даже в темноте я вижу разницу. Прищурившись, я вглядываюсь в черноту ночи, желая рассмотреть ее лицо, длинные белые волосы... Ее волосы. С ними что-то не так.

— Твои волосы? Что с ними?

— Катарина заставила меня их подстричь и покрасить. Сказала, так будет немного безопаснее, ведь охота идет на блондинку.

— Эй! Это что, какой-то фетиш? — Сквозь воспоминания пробрался язвительный голос Даниэля. — Ты один из тех, кто возбуждается от одного вида красивого интерьера?

— Даниэль, я всегда знал, что ты больной на всю голову, — повернувшись к нему лицом, я встретился с ним взглядом. Он напрягся, но улыбка не сошла с его лица. В глазах блеснул огонек азарта. — Но что бы до такой степени... — Я немного покачал головой, не отводя от собеседника взгляда. — Ты не перестаешь меня удивлять.

— Ты что себе позволяешь, красавчик? — Даниэль сделал шаг навстречу ко мне, сокращая между нами расстояние. В каждом его движении таилась грация пантеры. Хищника. Теперь я понимаю, почему Эмили считала Дани олицетворением падшего ангела. Все в нем подобно Инь-Янь. — Заявился в мой дом, к тому же без приглашения, а теперь еще

и оскорбляешь. Тебя обезьяны воспитывали?

— Ты будешь удивлен, но воспитатели у нас были одинаковые.

Улыбка на его лице сменилась полным замешательством. До него не доходил смысл моих слов.

Я не знаю, зачем он это делает, строит из себя беспринципного, нахального ублюдка, ведь на самом деле он отличный парень. Будь Даниэль плохим, то не пожертвовал бы собой ради Эмили.

— Ты можешь не питать ко мне безграничной любви, — не смотря на приветливую улыбку на моем лице, мой голос был подобен острию ножа. — Я не обязан тебе нравится, Даниэль. Но засунь свое никому не нужное мнение куда подальше. Я пришел сюда, чтобы спасти твой заносчивый зад, и тебе придется меня уважать. Если потребуется, я заставлю тебя это сделать. Мы поняли друг друга?

Падший ангел не ответил мне, но судя по тому, как напряглась каждая мышца на его лице, этот парень меня услышал и теперь переваривает полученную информацию.

— Ладно, Даниэль, экскурсия окончена. Пора поговорить с Миланом.

Дани походил на один сплошной комок ярости, кровь прильнула к его щекам. Он обошел меня с лева, в очередной раз, зацепив плечом. Я знал, что он так сделает, и все равно позволил ему это.

Как я и думал, Мил находился в своем кабинете.

— Брат, тут какой-то засранец возомнил себя невьебенным пророком, — заявил Дани, заходя в кабинет. — Я хотел надавать ему «видений» по морде, но думаю, ты бы поступил по-другому.

Я вошел следом за Даниэлем, стараясь не обращать внимания на извергаемый его ртом поток дерьма.

Мил сидел за столом, такой же, как всегда, ничуть не изменившийся. Холодные бледно-голубые глаза, открытое, доброе лицо. Совершенно не сочетаемые вещи сочетались в нем безупречно, идеально. Для Эмили он был заботливым старшим братом. Для меня — верным другом. Мы через многое прошли вместе, но все самое важное помню только я. В данную минуту для Милана я всего лишь подозрительный незнакомец.

Мил резко встал из-за стола, осмотрел меня с ног до головы, а затем ее холодные глаза остановились на моих руках. Как и Даниэль, сразу же пытается рассмотреть есть ли у меня «ангельская метка».

— Ее там нет. — Наконец-то произнес я. Мой голос прозвучал как гром среди ясного неба. От неожиданности Милан вздрогнул и перевел свой взгляд на мое лицо.

— Нет чего? — Переспросил он.

— Метки. — Ответил я, проходя вглубь комнаты и усаживаясь на один из стульев стоящих около стола. — Меня зовут Кайл. Кайл Купер.

Услышав мое имя Даниэль резко втянул в себя воздух. Милан же, в отличие от брата, даже бровью не повел. В нужный момент он всегда умел казаться «каменным» и беспристрастным.

— Да, Даниэль, я тот самый Купер, — в комнате стало градусов на десять холоднее. -

Сын Алексея Купера — Старейшины.

— Ах ты, черт! — За моей спиной выругался младший Уорнер.

— Меня и похуже называли, — отозвался я. — Но все равно спасибо. Я прошу вас,

присаживайтесь, нам предстоит очень долгий разговор.

Мил сел по другую сторону стола, в то время как Дани все еще мешкал. Я удивлен, что он до сих пор не попытался меня убить. Я ждал от него чего-то в таком духе, но парень подозрительно спокоен. Милан выразительно посмотрел на своего младшего брата и тот как обиженный ребенок, надув губешки, подошел к свободному стулу и с грохотом на него уселся.

— Благодарю, — шутливо заговорил я. — Меня бы здесь не было, если бы падшие ангелы не наступали вам на пятки. Пока вы ищите медальоны не в том месте, они идут в правильном направлении.

— С чего это ты помогаешь нам? — Голос Милана звучал скептически, он откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

— Брат, ты «сорвал» этот вопрос у меня с языка. — Прыснул Дани. Этот парень не перестает действовать мне на нервы.

— Потому что я хочу спасти тебя, идиот, — ответил я, повернув голову в сторону Дани, он недоверчиво прищурился. — Я прошел через это все. Прожил эту жизнь до самого занавеса.

И я начал свой рассказ, стараясь не упустить ни одной малейшей детали. Рассказал о том, как был назначен ангелом-хранителем Эмили, как спас ее, а затем влюбился (или же сначала влюбился, а уж только потом спас). Рассказал о том, что Эмс тоже меня полюбила, о том, как отец поставил меня перед выбором и как я исчез из ее жизни. О Заке, медальоне, Эстер, Алексе, смерти Дани, возвращении Мила в Эдем.

Я все говорил, говорил, говорил...

Никто из братьев не вымолвил ни слова, пока я рассказывал о жизни, которой у нас пока не было (и надеюсь, что не будет).

— И вот я очнулся в 2014 году, с медальоном в руках и огромным запасом воспоминаний.

Первым не выдержал Дани:

— Так значит, ты вернулся в прошлое полгода назад и только сейчас заявился к нам? — Его голос был большим сгустком обвинений. — О чем ты думал вообще? И я еще после этого эгоист.

— А если бы на кону стояла жизнь твоей любимой? — Вспылил я. — Ты бы сломя голову ринулся в это чертову гонку за медальоны?

— Я... — Замялся младший Уорнер. — Я не знаю. — Наконец-то ответил он. — Эта Барби по ходу была дорога мне, раз я погиб спасая ее. Как там ее зовут?

— Эмили.

— Эмили, — эхом повторил Даниэль, и прежде чем он успел ляпнуть очередную фигню, в разговор вмешался Милан.

— И что ты предлагаешь?

— Что я предлагаю? — Удивился я.

— Да, что ты предлагаешь? — Повторил Мил, смотря на меня пристальным взглядом. — Ты заявляешься в наш дом, рассказываешь все эти «байки из склепа», наверняка у тебя есть какой-то план. Ведь так?

Я не думал об этом с такой стороны. На самом деле я вообще не думал о том, как вернуть Уорнеров в Эдем и при этом избежать лишних жертв.

— Понятно, — раздосадовано произнес старший Уорнер. — Плана у тебя нет.

— Почему мы вообще должны доверять ему, Мил? — Взбунтовался Дани, который последние несколько минут сидел тише воды, ниже травы, а это уже было дурным знаком. — Посмотри на него. Он же сын старейшины, у него в генах заложено подбрасывать дерьмо, таким как мы.

— Таким, как вы? — Рассмеялся я. — Это, каким же? Падшим ангелам, которых лишили крыльев из-за любви к человеку? Эй, разуй глаза, мудила, я здесь только лишь потому, что влюблен в Эмили. Которая, между прочим, сделала бы все, чтобы спасти тебя.

— То-то я смотрю, она уже полгода порог моего дома обивает. — Связвил Дани, а я машинально вскочил на ноги намереваясь врезать ему. Мил, словно из ниоткуда возник между нами.

— Эй, поберегите свои силы для чего-то более полезного.

М-да уж, я и не думал, что это будет настолько сложно.

— Надрать ему задницу, — Дани конкретно вывел меня из себя, мне хотелось выколотить ему глаз своим указательным пальцем, но Мил служил для своего младшего братца живым щитом. — Вторая по полезности вещь в мире.

— Да ты я смотрю остряк, — быстро ответил Даниэль. — С какой стати мы вообще должны тебе верить? Может быть, твой дебильный папаша подослал тебя. А?

— Да ты я смотрю, — я, как можно похоже, изобразил голос Дани, — слишком высокого мнения о себе. И как только Мил и Эмили тебя терпели?

Дани собирался выдать мне очередной «остроумный» ответ, но Мил одним лишь взглядом заставил брата замолчать.

— Нам надо обдумать всю информацию, которую ты нам рассказал. — Спокойным, уравновешенным голосом проговорил Мил, пробегая тонкими пальцами вдоль своего подбородка. — У нас есть время подумать?

— Да.

Я был уверен, что Мил захочет обдумать ситуацию, в которой оказался. Он не такой как Даниэль, никогда не бросается в омут с головой, всегда продумывает каждый свой шаг, просчитывая варианты.

— Вот мой номер, — Мил принял из моих рук сложенный листок, с номером телефона. — У вас есть три дня. Если в течение этого времени ты мне не позвонишь — можешь забыть о том, что я был здесь.

Такой вариант развития событий удивил старшего Уорнера, он не ожидал, что я поставлю подобные условия. Но я не могу рисковать жизнью Эмили.

— Эмили не будет в городе около двух недель, — пояснил я. — Чем дольше ты будешь тянуть с ответом, тем меньше времени останется на то, чтобы разработать план, как в короткие сроки заполучит второй медальон.

— В любом случае нам потребуется помощь твоей подружки. — В разговор снова вмешался Дани, но на этот раз из его голоса исчезли все намеки на веселье. — Ты забыл, что ангелы не могут подходить к воротам?!

— Эмили нам не понадобится, у нас уже есть человек, который поместит медальоны в ворота. — Глядя прямо в глаза Дани проговорил я, младший Уорнер выдержал мой взгляд.

— И кто же это?

— Я.

ЭМИЛИ

Я всеми клеточками своего тела чувствую, что что-то не ладно, но уже несколько дней не могу понять что именно. Кайл ведет себя примерно как обычно: звонит по несколько раз в день, желает мне доброе утро и спокойной ночи, говорит, что скучает и с нетерпением ждет моего возвращения. Да только вот последнее, чаще всего звучит как: *«мне нужно, чтобы ты задержалась на неопределенное время»*.

Кайл знает, что может поговорить со мной обо всем, что его тревожит. И он почти всегда так поступает, кроме редких случаев, когда причины его странного поведения касаются меня и моей безопасности. Меня бесит эта черта в нем. Остатки прежнего ангела-хранителя. Он не может оставить это и быть только моим парнем. С каждым подобным днем, дыра внутри меня растет, заполняя мое сердце тревогой. Эстер настаивает на том, чтобы я в конце концов, собралась с духом и поговорила с Кайлом, но я не могу. Я по-прежнему надеюсь, что он сам мне все расскажет. Когда будет готов.

Вчера весь день мы с Эстер провели в спа-салоне.

— *Время почувствовать себя настоящими девушками!* — Заявила подруга, падая в мягкое, розовое кресло стилиста.

Я думала, что Эстер пошутила, когда сказала, что намерена что-нибудь в себе изменить. Обычно подобные заявления влекут за собой покупку помады, какого-нибудь нового оттенка ну или поход в солярий. Но на этот раз, она действительно изменила свой внешний вид. Теперь вместо длинных локонов у нее замысловатое каре.

Я противилась, как могла. Отрезать легко, всего пара манипуляций ножницами и время/деньги/нервы, потраченные на отращивание таких шикарных волос, пошли коту под заднее место.

Эстер выглядит весьма довольной, а мне потребуется куча времени, чтобы смириться с ее поступком. Кстати подруга покушалась и на мои волосы тоже, но я была непоколебима. Не уберегла ее от ошибки, так хотя бы не буду второй идиоткой.

Вечером звонил Томас. Эстер не стала с ним разговаривать, лишь протянула мне телефон и попросила передать, что перезвонит ему сама (как только будет готова). Но будет ли она вообще когда-нибудь готова, сомневался не только Том, но и я.

Остаток вечера она была тихая и задумчивая, я уже и забыла, что Эстер может быть такой. Мне не по себе, когда я не вижу ее горящих глаз, улыбки и взволнованного лица.

Мы смотрели какой-то фильм, точнее делали вид что смотрели. Ни одна из нас по-настоящему не вникала в происходящее на экране, витали где-то в своих мыслях. Я думала о Ми-Ми и ее развалившихся отношениях с Томасом. О том, что ждет ее в будущем и сможет ли она когда-нибудь полюбить настолько сильно, насколько мечтала все это время. О чем думала Эстер, одному лишь Богу известно. По выражению ее лица, совершенно нельзя было ничего понять.

— Я не хочу туда идти. — В сотый раз заявила я, пиная ногой подтаявший снег.

Мы уже двадцать минут стоим около входной двери в дом, на последнем этаже которого расположена фотостудия. С момента приезда Эстер каждое утро что-то придумывает. Мне не удалось понежиться в невероятно мягкой кровати хотя бы до полудня (хотя бы один разочек). Какой же это отдых, когда приходится вставать ни свет ни заря?

— Эмс, Кайл сказал, что нам будет весело, — сверкая зелеными глазами, уговаривала

меня Ми-Ми. — А если уж Кайл считает, что нам будет весело, значит, это будет гораздо больше чем просто весело.

— Это нелепо.

— Идем же. — Она схватила меня за руку и потащила вверх по ступенькам. Я закатила глаза, но все же поддалась и последовала следом. — Мы приехали в «Город Возрождения» чтобы повеселиться, так что идем весе...

Договорить Эстер не успела. Вдруг откуда не возьмись, «словно снег на голову» в прямом смысле этого слова, на голову подруги упала огромная куча снега.

Несколько долгих мгновений стояла тишина. Я словно вросла в землю, молча стояла и отходила от шока. Эстер была в ужасе, ее миндалевидные глазки распахнулись подобно лупам, с лица пропали все краски.

— Какой мутила это сделал? — Подруга разморозилась и принялась орать, что есть силы. — Твою мать! Какого хрена?

Мы запрокинули головы к небу, рассматривая балконы на наличие людей. На самом последнем этаже, через перила перевесился молодой человек, даже с такого расстояния было видно, что тот в тихом ужасе от произошедшего.

— О, мне очень жаль. — Прокричал тот. — Я не подумал, что внизу могут быть люди.

— Конечно же, ты не подумал, придурок. — Огрызнулась Эстер. — Думать-то, наверное, не чем. Мозг, судя по всему, отсутствует. — Она опустила голову, пытаясь вытащить комки снега из-за шивороты. — У меня снег даже в трусах. Черт бы побрал этого идиота.

— Простите! — Прокричал парень.

— Засунь себе свое «простите» знаешь куда? — Прошипела Ми-Ми и показала обидчику средний палец.

Эстер влетела в здание, а я следом за ней. Все пять этажей мы поднимались молча. Я старалась не рассмеяться, пока Эстер выгребала снег из-под пальто.

Мы остановились около двери с табличкой «Макс Холланд. Фотограф» и позвонили в дверь.

В такие моменты я начинаю верить в карму, судьбу и во всякие подобные вещи. Потому что если это не Карма, то я тогда не знаю, что это такое.

Дверь открылась, а на пороге стоит тот самый парень с балкона. Несколько секунд Эстер и Макс просто смотрели друг на друга, пытаясь, справится с шоком. Я же ели сдерживала накативший на меня приступ смеха.

Эстер не выдержала первой:

— Черт, да у тебя же руки из задницы, как ты вообще можешь быть фотографом?

И тут я уже не выдержала и рассмеялась самым некрасивым способом. По-моему я даже хрюкнула пару раз.

— Это не смешно, Эмили, — одернула меня подруга, но мой смех никак не прекращался. — Этот... — Она хотела обозвать парня еще каким-нибудь созданием, но вовремя себя одернула. — Фотограф, практически превратил меня в снеговика. А тебе смешно?

— Прости, — выдавила из себя я, смаргивая выступившие слезы. — Ты права, мне действительно здесь весело.

На самом деле Макс Холланд оказался довольно милым парнем. Эстер конечно еще

злиться на него, и пускает едкие комментарии, но думаю, вскоре и она успокоится.

Макс в каком-то веке решил прибраться на балконе, принялся расчищать снег, а о том, что внизу могут быть люди, совершенно не подумал. И с первым же броском попал точнѐханько на мою любимую Эстер.

— Вот тут, — мы расположились на диване в просторной гостиной. Эстер укуталась в большой и мягкий полотенец, пытаюсь высушить волосы и свитер. — Вы можете посмотреть мои работы. — Макс пододвинул к нам толстые папки с фотографиями. Эстер брезгливо на них посмотрела, словно те были сделаны из червяков. Мне кажется, что ее злость на Макса уже давно прошла, но она злится потому, что парень ей понравился, а она выглядит как мокрая кошка.

Холланд за последние двадцать минут извинился как минимум двадцать раз, на его извинения подруга никак не отвечает. Вообще не реагирует.

— О, Эстер, посмотри. — Я подтолкнула к подруге папку с заинтересовавшей меня фотографией. На ней была запечатлена девушка с длинными черными волосами. Лица девушки не особо видно, так как она наклонилась вперед, сжимая в руках старенькую гитару. Позади нее было какое-то подобие клубной сцены. — По-моему прикольно.

— Да, довольно не плохо. — Без особого интереса ответила подруга, удостоив фото беглым взглядом.

— Какую именно фотосессию вы бы хотели? — Приветливо проговорил фотограф. — Мне будет проще, если я буду знать ваши предпочтения.

Эстер недовольно прищурила глаза.

Только не это.

Сейчас начнется.

— Я понятия не имею. Предполагалось, что из нас троих вы — тот, кто разбирается в фотографиях. Так что блесните своим талантом. Удивите меня. — Не сводя с парня своих прищуренных глаз, ответила Эстер. Макс открыл рот, чтобы заговорить, но подруга тут же его перебила. — Только прошу, никаких розовых соплей, похожих на: *«ой, смотрите, я какою зефиром и у меня половая связь с плюшевым медведем...»*.

Казалось, терпение парня уже вот-вот сойдет на нет, и он не просто «припорошит» ее снегом, а закопает Эстер в самом глубоком сугробе. Макс явно не ожидал такой проникновенной речи от кого-то столь сильно похожего на невинного эльфа.

Только скорее моя подруга не милый эльф, а самый настоящий дровосек, по имени *«что думаю-то и говорю»*. Представьте, какого было удивление Макса, когда он наконец-то это осознал.

— Эстер, я прошу тебя... — Прошептала я, незаметно пихая подругу локтем в бок. Она умело увернулась и продолжила:

— Я серьезно. Давайте обойдемся без всего, что подразумевает под собой *«мило»*, *«нежно»* и *«ути-бозечки-мой, какая прелесть»*.

Договорив предложение, она с серьезным видом уставилась на ошарашенное лицо владельца фотостудии. Тот немного замявшись, одобрительно кивнул и стремительно покинул комнату. Эстер поставит в тупик любого. Ее непосредственность и колкий язык умиляют и кажутся весьма комическими, только тем, кто знает ее достаточно долго. Для малознакомых людей, такое поведение сравнимо с ушатом ледяной воды неожиданно вылитой на голову.

Я смерила подругу грозным взглядом, но та лишь беззаботно пожалала своими хрупкими

плечиками, как бы говоря: «А я тут при чем? Я не виновата, что он такой мнительный...». Я ели сдержалась, чтобы не закатить глаза. Эстер такая Эстер.

В комнату впорхнула милая блондинка и приветливо улыбнулась.

— Добрый день, я Сидни, сестра Макса. — Кто из вас двоих, — она неловко замялась. — Я точно не знаю. На самом деле это слова брата, а не мои. — Уточнила девушка, побагровев то ли от ели сдерживаемого смеха, то ли от смущения. — В общем, он сказал показать «*маленькой занозе в заднице*» варианты фотосъемки.

Эстер прыснула от возмущения, от чего мы с Сидни в унисон расхохотались на всю студию. Обычно моя подруга куда более терпимее и доброжелательнее, но кто угодно расписхуется от такого «холодного», снежного приема. Разумеется, Эстер вне себя от возмущения, и я в какой-то степени я ее совершенно не виню. Но подруга уже переходит допустимые рамки, превращаясь в невыносимую суку. Надеюсь, она осознает и прекратит так себя вести, раньше чем сделает то, о чем потом будет сильно сожалеть.

— Боже, как смешно... — Далеким от веселья голосом пробубнила подруга. — Давайте уже показывайте свои картинки.

Сидни и я смахнули выступившие на глаза слезы, вызванные неудержимым смехом и немного отдышавшись, принялись рассматривать варианты предлагаемые девушкой.

Я если честно не была заинтересована в том, чтобы сорок пять минут кривляться перед фотокамерой, изображая из себя шимпанзе. Но на что не пойдешь ради любимой подруги, да и Кайл уверил меня, что мы весело проведем время. Мне до сих пор с трудом в это верится, но нужно хотя бы попытаться.

Больше получаса Сидни показывала нам разнообразные фотосессии и обрисовывала идеи. В итоге мы с Эстер остановились на варианте *а-ля рок группа*. Так что завтра в пять вечера нам предстоит прыгать по сцене в одном баре, принадлежащем близкому другу нашего фотографа. Вот это будет действительно весело. По крайней мере, мне так кажется.

— Кретин. — Возмущалась Эстер, пиная очередной попавшийся ей на пути камушек. Больше часа назад мы покинули студию Макса Холланда и решили устроить себе небольшую прогулку по «Гатрийскому Парку». Кайл настоял на этом, как и на многом другом, попавшем в его список «*Успейте сделать до окончания поездки*». На самом деле, этот парк мне очень нравится, жаль, что добираться до него около получаса. Иначе я проводила бы здесь куда больше времени. Кажется, Эстер этот парк нравится так же сильно, как и мне, раз она не возмущается по поводу того, что мы делаем уже третий круг вокруг пруда.

— Нет, ты слышала, как он меня назвал? — Не унималась подруга. — Занозой в заднице! Да я так Иви называю. Я что, такая же, как моя приставучая сестра?

— В большей или меньшей степени. — Уклончиво ответила я, осматриваясь по сторонам. Я так люблю бывать на природе, возле больших водоемов. Люблю исходящую от воды прохладу, запах перепрелых листьев и мокрой земли. Этот парк просто пропитан всевозможными ароматами, даже несмотря на то, что находится он в самом центре города.

— Как же он меня раздражает, высокомерный индюк.

— А по-моему он очень милый и весьма привлекательный. — Эстер сделала вид, что не слышала моих слов. Я слегка дернула ее за хвостик, она ойкнула, но все же обратила на меня свое внимание. — Может от того ты и злишься, что Макс Холланд тебе понравился?

Эстер закатила глаза и вздернула кверху свой курносый нос.

— Еще чего. Он совершенно не в моем вкусе.

— Давай-ка посмотрим, — продолжила настаивать я. — Макс Холланд: высокий, загорелый, красивый и невообразимо уверенный в себе. У него большие, карие глаза и очаровательные пухлые губы. Он знает, насколько привлекателен и не стесняется этим пользоваться. Мне продолжать или ты все же признаешь, что это твой тип?

— Иногда я тебя просто ненавижу. — Сдерживая улыбку, ответила Эстер. — Нам придется дружить до конца жизни, потому что ты слишком много обо мне знаешь.

— Именно так. Так что даже и не надейся отделаться от меня.

Эстер расхохоталась, обвив одной рукой мою шею, она звонко поцеловала мою щеку (наверняка оставив на ней свой блеск для губ), а затем, взяв меня под руку, направила нас к скамейке у воды.

Усевшись на скамейку, я закрыла глаза и запрокинула голову, подставляя лицо теплым лучам солнца.

— Как же тут хорошо. — Мягко протянула я. — Был бы Кайл рядом, тогда бы я могла сидеть вот так всю свою оставшуюся жизнь.

— А меня тебе уже мало? — Задиристо спросила Эстер. Но мы обе знаем, что это ее ни сколько не обижает. Каждый справляется со своей болью по-разному. Эстер превращается в ёжика. Такого маленького, милого, с виду безобидного, а на самом деле, каждая из его иголок пропитана смертельным ядом.

— Ты же знаешь, что именно я имела в виду. — Терпеливо ответила я, продолжая, нежится на солнышке.

— Я знаю, прости. — Виновато ответила подруга, повторяя за мной, она также подставила свое лицо к солнцу. — Сегодня я превысила все лимиты «злой сучки». И я знаю, ты мне не поверишь, но все же это меня тревожит, так что оставшийся день я постараюсь быть приторно-милой.

— Думаешь, осилишь? — Пошутила я.

— Сомневаюсь. — В ее голосе слышался смех. Ну, она хотя бы осознает, насколько смешные ее слова. — Как там Кайл?

— Нормально. — По крайней мере, он говорит, что все «нормально», но я не думаю, что он честен со мной. — С ним что-то происходит, но я не могу понять что именно.

— А ты не пробовала спросить у него: *«Милый, что, черт возьми, происходит?»*?

Эстер выпрямилась на скамейке, почувствовав на себе ее взгляд, я открыла глаза.

Я на самом деле хотела завести с ним этот разговор. И вчера практически собралась с духом сделать это, но кто-то позвонил в дверь и Кайл повесил трубку. Сегодня мы еще не созванивались, но он без конца пишет мне смс-ки, интересуется, что мы делаем и весело ли нам.

— Я боюсь спрашивать его. — Эстер удивил мой ответ. — Я не Кайла боюсь. Я боюсь того, что он мне ответит.

— Но Эмили...

— Я знаю, Ми, но у нас все только наладилось. — Залепетала я, прерывая подругу. — Кайл человек, мы живем, как всегда хотели и нам не приходится оглядываться по сторонам в поисках преследователей. Мы счастливы...

— Значит, вы счастливы? — Скептически произнесла подруга, изогнув одну бровь дугой. — Ты уверена в этом? Уверенная в том, что ты счастлива?

— Да. — Твердо ответила я, не сводя взгляда с лица Эстер.

— Эмили, — девушка взяла мою руку в свою. Ее ладонь, в отличие от моей, была

теплой. — Милая, ты не счастлива. Ты живешь в этом прекрасном месте и не радуешься происходящему. Твои мысли зациклены вокруг тайны, которую хранит твой парень-ангел.

— Бывший ангел. — Поправила ее я.

— Кайл — ангел. — Твердо заявила она. — Неважно есть у него крылья или нет. Он — ангел. Он был им хренову тучу лет и навсегда им останется. Так же как ты, несмотря ни на что будешь человеком.

Нет смысла спорить, мы обе знаем, что она права. Я могу отрицать этот факт, сколько моей душе угодно, но правду не изменишь.

— Ты должна спросить у него, что происходит. — Откуда у нее столько мудрости сегодня? — Иначе вы оба не будете счастливы. Эта тайна стоит между вами. Не позволяй ей и дальше разрушать тебя изнутри.

Глава 10

КАЙЛ

С нашей встречи с Уорнерами прошло два дня. Мил не звонил. Не знаю, на что именно я рассчитывал и как бы поступил на его месте. Я потратил слишком много времени на то, чтобы решить: впутываться мне в это дело или нет. И когда, в конце концов, решился — осознал, что не продумал все остальное.

Надо было идти к ним с досконально продуманным планом, а так же иметь в запасе как минимум два других, на случай если первый не сработает.

Эмили нервничает. Скорее всего, из-за того, что что-то подозревает, и я не знаю, как долго смогу скрывать от нее правду. Эмс слишком хорошо меня знает, до сих пор диву даюсь, почему она просто не прижала меня к стенке и не разузнала о происходящем. Надеюсь, мое везение продлится чуть-чуть подольше. Хотя бы до того момента, когда оба медальона будут у меня в руках.

Хотя...

Может быть, Милан взвесил все за и против и понял, что не стоит связываться с парнем из будущего, который печется о жизни возлюбленной гораздо больше, чем настроен, помочь им вернуться в Эдем.

А если он согласится, то, как мне подобраться к Алексу? Как заполучить второй медальон?

Черт бы побрал эти медальоны. Зачем все так усложнять?

Мой телефон завибрировал, оповещая меня о входящем звонке, при виде незнакомого номера мой пульс участился. Крепко сжав телефон, я нажал на «ответить» и скрестил пальцы наудачу.

— Да.

— Кайл, — его голос слегка искажен, но все равно узнаваем. Милан Уорнер. — Надеюсь я не пожалею доверившись тебе. Надеюсь, ты понимаешь, что я доверяю тебе не только свою жизнь, но и жизнь своей семьи?

— Когда-то и я был частью твоей семьи. — Я не хотел говорить этого, но слова сами собой соскользнули с моего языка, прорываясь в телефонную трубку. Мил никак не прокомментировал мое замечание, но идиотом я себя чувствовать не перестал.

— Нам надо встретиться и обговорить все детали, — вечно спокойным, слегка монотонным голосом проговорил Мил, меняя тему разговора. — Разработаем план дальнейших действий.

— Хорошо. Я приеду через пару часов

— Ок. Адрес ты знаешь. — Я открыл рот, чтобы попроситься, но Мил уже положил трубку.

— И тебе пока. — Пробубнил я, засовывая телефон в карман джинс.

— Пальма! — Мирно спящая собака подняла голову с заостренными ушами и радостно завиляла хвостом. — Идем девочка, кажется нам пора на прогулку.

— Алекс Вудбери. Парень склонен к самоутверждению. Стремится утереть папе нос, поставить его на место, отвоевав себе семейный бизнес. — Мы с братьями Уорнерами и Михаэлем расположились в комнате отдыха на втором этаже, и уже больше часа я рассказывал им всё, что помню из своей прошлой жизни. — Безумно любил свою маму и тщательно чтит ее память. Встречается со стервой высшего класса, эта девушка на девяносто девять процентов состоит из яда кобры. Медальон ему оставила мама на смертном одре, так что нам придется постараться, чтобы раздобыть его.

Лицо Мила и Михаэля на протяжении всего разговора не выражало никаких эмоций. Даниэль с каждой минутой становился чернее самой черной, грозовой тучи. Молчания давалось парню с большим трудом. Как только Даниэль открывал рот, чтобы отпустить язвительный комментарий или глупую шутку, Милан одаривал его ледяным взглядом, от которого даже мне становилось не по себе.

— Так как мы поступим? — Мил сидел в кресле напротив меня и уже около десяти минут, поглаживал свой подбородок, что весьма меня бесило.

— Для начала нам надо с ним познакомиться. — Твердо заявил я, ловя на себе взгляды собеседников. — Через неделю в доме Вудбери будет какой-то благотворительный прием и мы должны на него попасть.

— Твой план, мальчик, полная лажа. — Терпению Даниэля пришел конец. Он резко встал с дивана и засунув руки в карманы брюк, подошел к окну.

— Даниэль. — Предупреждающе сказал Мил, но младший брат проигнорировал это предупреждение.

— Нам нужна Эмили. — Продолжил Дани. — Кроме нее никто не сможет добраться до медальона. Вудбери просто так не расстанется с этой штукой.

— Даже не думай об этом, — мой голос прозвучал подобно раскату грома. Сама мысль о том, что Эмс будет снова втянута в это дерьмо, сводила меня сума. Я боялся ее встречи с Алексом. Боялся, что она и в этот раз выберет его. — Я же сказал, что помогу вам при условии, что Эмили останется в стороне.

— Я вот никак не могу понять, — лицо Даниэля запылало от возмущения. — Ты и вправду дебил или очень хорошо притворяешься? Мы не сможем забрать медальон. Было бы проще, если можно было бы его украсть, но нет, в этой жизни нет легких путей. Если ты хочешь вернуть нас домой и при этом предотвратить хренову тучу смертей — возвращай свою девушку в город. Если нет, то ты знаешь, где дверь.

Даниэль выглядит непреклонным, Мил и Михаэль уставились в пол. Слова Уорнера имеют смысл, при том, что я понятия не имею, как заполучить медальон без помощи Эмили. Но я не могу уступить.

— Кайл, ты же понимаешь, что Даниэль прав. — Впервые, за все время, что я нахожусь здесь, Михаэль вступил в разговор. — Я не знаю Эмили, но разумнее было бы поручить эту миссию ей. Со всей имеющейся у нас информацией она с легкостью вотрется к парню в

доверие. А насчет медальона мы что-нибудь придумаем.

— Мил? — Обратился Даниэль к брату. — Что ты скажешь?

Мил молчал около минуты. На его лице отразились тысячи эмоций от сожаления до смятения и обратно. Его голубые глаза, на фоне черных волос и такого же черно свитера, казались почти прозрачными. Каждая секунда его молчания убивала меня. Он не может так поступить. Не может втянуть Эмс в это дерьмо.

— Я согласен с Даниэлем. — Наконец ответил он, пронзая мое сердце ножом.

Я ожидал этого от Даниэля, Михаэля, но от Мила...

— Но при условии, если Эмили сама захочет нам помочь. Если нет то, мы сами с этим справимся. Идет? — Милан посмотрел на меня выжидающим взглядом.

— Идет. — Согласился я, только потому, что выхода у меня не было. Эмили согласится. Я знаю ее лучше себя самого.

Глава 11

ЭМИЛИ

— Мне здесь не нравится.

Эстер стояла посреди зала, уперев руки в бока, и осматривая помещение придирчивым взглядом. Мы приехали в клуб «Glass Hole», пятнадцать минут назад и все это время подруга разругала это место в пух и прах.

Ей не нравилось все: от напольного покрытия до салфеток на столах. Хотя может быть ей не нравилась сама мысль, что это место ей нравится.

По крайней мере, мне здесь очень нравится. «Glass Hole» мало похож на нору, но вот стекла здесь вполне достаточно: стеклянные столы, барная стойка, небольшая и круглая сцена (на которой сейчас стояла Эстер и недовольно хмурила носик) в центре зала. Но нравилось мне это место по другой причине. В одну из стен был встроен просто огромный аквариум с голубой подсветкой. За счет белого декора: кораллов, песка и разнообразных аквариумных фиговин, он казался чем-то потусторонним, не реальным, сказочным.

По-моему это идеальное место для съемки. Мое воображение уже рисует будущие фотографии Эстер, которые она с гордостью будет показывать (а она это непременно сделает) всем знакомым.

Вчера вечером мне удалось, с большим трудом, но все же, отвертеться от фотосессии. Так что я здесь в качестве бесплатного водителя и группы поддержки.

— Эстер, — Макс зашел в зал бок о бок с красивой (очень красивой) брюнеткой. Вот почему так? Эти двое одеты в обычные джинсы и футболки, а выглядят настолько сногшибательно, что любая звезда лопнет от зависти. На мне же одно из самых лучших моих платьев, но выгляжу я словно дочка фермера, вернувшаяся с дойки коров. И спрашивается, где в этом мире справедливость?

— Эмили. Познакомьтесь с Владой. Она самый талантливый визажист из всех с кем я работал. А работал я со многими, так что мне есть с чем сравнивать.

Мне было лень вставать со своего пригретого барного стула, поэтому я мило помахала Владе в знак приветствия. Мне уже жаль эту девушку, потому что Эстер самый придирчивый клиент на всем белом свете.

Влада убрала волосы за уши, открывая лицо Эстер, и пощуренным взглядом осмотрела фронт работы. По Эстер почти никогда не понятно нервничает она или нет. На ее месте я бы была на грани обморока, но подруга само воплощение спокойствия и гармонии, посмотрим,

что будет с ней спустя пару часов.

Спустя два часа я уже полулежала на барной стойке. Четыре чашки крепкого кофе никак не боролись с теплой пеленой сна, заволакивающей мои веки. Я хочу спать. Я ужасно хочу спать.

— Так, хорошо. — Донесся до меня бодрый голос фотографа. — Еще парочка снимков и мы закончим.

Ага, конечно. Он уже говорил это больше часа назад и мы по-прежнему здесь.

— Если бы мне кто-то сказал, что «Glass Hole» может вызывать у кого-то глубочайшую скуку, я бы рассмеялся ему в лицо. — Послушался приятный, мужской голос, откуда-то из-за моей спины. Я обернулась, встретившись взглядом с симпатичным молодым человеком. — Но увидев Вас.... Знаете, у меня было точно такое же выражение лица, как у Вас сейчас, когда я сидел на лекциях по философии. Здесь все настолько плохо?

Молодой человек бегло осмотрел зал, как бы проверяя его на скучность, и снова посмотрел на меня.

— Вы пришли с Максом? — Я кивнула в ответ и постаралась принять нормальное, вертикальное положение. — Тогда почему Вы не в центре внимания его объектива?

— Я жду подругу. — Ответила я слегка охрипшим от долгого молчания голосом. Если еще минуту назад я не чувствовала себя полной неумехой, то сейчас я это полностью ощутила. — Не думала, что на это, — я махнула в сторону сцены, где Макс продолжал фотографировать Эстер, прижимающую к груди старую гитару. — Потребуется столько времени.

— И как долго это продолжается?

— Больше двух часов.

— Я вижу мой друг вошел во вкус. — Незнакомец подмигнул, словно мы вдвоем знаем какую-то тайну. Я поняла на что он намекает. Но двухчасовой съемкой сердце Эстер не завоевать. — Я Ник, кстати.

— Эмили.

Ник смотрел на меня распахнутыми, задорными ярко-зелеными глазами. От этого я почему-то засмузилась и вернула все свое внимание к пустым стаканам, расставленным позади барной стойки.

Как только фотосъемка закончилась, отовсюду появились люди в синих футболках и черных узких штанах (своеобразная униформа работников клуба) и через пять минут все выглядело так, словно на стеклянную сцену никогда не ступала нога Макса Холланда.

Сразу после этого я была настроена поехать домой, принять пенную ванную и поболтать с Кайлом, но Эстер уговорила меня остаться в клубе.

Как только лысые охранники открыли широкие двери, народ ввалился внутрь на шатких ногах. Судя по всему, клуб должен был открыться еще полчаса назад, но из-за Макса его открытие немного задержалось.

Мне искренни жаль полуголых девиц в очень коротких платьях из тонкой, почти прозрачной ткани. Они, скорее всего, отморозили себе все, что только можно, приплясывая около входа в ожидании открытия.

Мы вчетвером расположились у бара, за небольшим круглым столиком. Я заметила, что Эстер то и дело поглядывает на свой фиолетовый топ и узкие джинсы. Явно ругая себя за то, что не оделась понаряднее. Ругать себя в данной ситуации бесполезное занятие, только

человек со сверх способностями мог предположить, что сегодняшняя фотосъемка закончится вечеринкой. Музыка в клубе играла не громко, давая нам возможность пообщаться.

— Так вы дружите с детства? — Громко произнес Ник, указывая на нас Эстер.

— Да. — Кивнула я. — Мы выросли вместе.

— Мы тоже. — Ответил Ник. — Мы с Максом как братья, иногда я даже забываю, что у нас разные родители.

— Я бы хотел быть твоим родным братом, Ник. — Подмигнув другу, парень отпил пива из бутылки.

— А я бы не хотел быть сыном своего отца. — Пошутил Ник, но никто из парней не засмеялся. — Но родителей не выбирают...

— Если я правильно поняла, — этот вопрос интересовал меня уже битый час, так что я не удержалась и все же задала его Нику. — Это твой клуб?

— Ты все правильно поняла.

— Но почему? — На самом деле я никогда не понимала молодых людей, занимающихся клубным бизнесом. — Почему клуб?

— Почему клуб? — Удивился Ник.

Макс рассмеялся, и рассеяно замотал головой, не веря своим ушам, словно он сомневается в том, что мы действительно говорим об этом. Эстер тоже начала проявлять интерес к беседе, но ее пристальный зеленый взгляд не покидал лица Макса.

— Ну, скажем так: это прибыльный бизнес, помогающий налаживать знакомства и связи...

— И? — Его слова с незаконченной мыслью повисли в воздухе. Эстер терпеть не могла недомолвки, поэтому подтолкнула парня к продолжению мысли.

— И это место служит лишним поводом ненадолго вырваться из дома. — Смущенно закончил свою мысль Ник.

— Заучит отстойно. — Подвела итог Эстер. — Такое ощущение, что все приезжают в этот город в поисках убежища. Словно корабли, дрейфующие по штормовым волнам, ищут свою тихую гавань. Загнанные в угол люди находят ее здесь.

Я ошеломленно уставилась на подругу, которая произносила свою замысловатую речь глядя в полный бокал шампанского. Вот это я понимаю речь. Сказала, так сказала.

— Ладно. — Блестя зелеными глазами, проговорил Ник, обращая свое внимание к Эстер. — Меня в этот город вынудил бежать отец. — Эстер оторвала взгляд от бокала и посмотрела на Ника.

В это мгновение она казалась такой маленькой и беззащитной, что мне машинально захотелось ее обнять. Я ели сдержала этот порыв публичного выражения не нужных чувств и эмоций.

— А от чего бежишь ты?

— От чужой любви наскучившей моему сердцу.

— Оу.

— Нелегко, наверное, тому бедняге. — Серьезным тоном проговорил Макс. Его слова, скорее всего, предназначались только для ушей Ника, но в этот момент одна музыка плавно перетекала в другую и его слова попали прямо в трехсекундную тишину между треками.

Я была уверена, что Эстер вспылит, устроит Максиму разнос, как она это делала последние два дня, но подруга озадачила меня своей реакцией. Мило улыбнувшись, она подняла свой бокал и произнесла тост:

— За настоящую, страстную, волнующую и бесконечную любовь. — Стекло ударилось об стекло, закрепляя слова Ми-Ми волшебной печатью алкоголя и веры в то, что это непременно сбудется.

Ник на протяжении нескольких минут рассказывает какую-то забавную историю, произошедшую с ним и Максом пару лет назад. Из-за музыки я не расслышала начало истории, а просить Ника повторить, мне было неудобно, поэтому я лишь улыбаюсь и поддакиваю, время от времени. Но Эстер заинтересованно ловит каждое его слово.

Как очевидна разница между Максом и Ником.

Макс: задумчив, серьезен и сдержан. Большие, темно-карие глаза напоминают горячий шоколад, такие же теплые и манящие. Чувственные губы открывают просторы для женской фантазии. Этот парень, наверное, потрясающе целуется.

Ник же совершенно другой. От него веет деньгами и властью. Он убедителен, субъективен и харизматичен. В обычной зеленой рубашке (которая, кстати, идеально подчеркивает его зеленые глаза и загорелую кожу) в мелкую клетку и темных джинсах выглядит как молодой конгрессмен. Если Макс берет загадочностью, то Ник красноречием.

Эта парочка напоминает мне нас с Эстер. Болтушка Эстер и задумчивая я.

— А ты всегда такой зажатый или только нам так *«повезло»*? — Видно Эстер надоело, что Макс находится в стороне от разговора, и она решила это исправить своим своеобразным способом *«а-ля Эстер Брит»*.

— Только с теми, кто действует мне на нервы. — Спокойно ответил Макс, глядя прямо на Эстер, которая скривила ему рожу и допила содержимое бокала.

— Какой ты зануда. — Сквозь музыку я услышала, как ее бокал звонко приземлился на стеклянную столешницу круглого стола. — Надо хотя бы иногда расслабляться, иначе в тридцать лет почувствуешь себя стариком.

— Звучит так, словно тебе уже за тридцать и ты делишься своим жизненным опытом. — Так, мне кажется или здесь и вправду становится жарко?!

— Ничего поостроумнее не смог придумать? — Съязвила подруга, облокотившись на стол так, чтобы быть ближе к Максиму?

— Так дети, не ссоримся! — По-отцовски заявил Ник, подходя к Эстер. — Думаю, нам пора немножко потанцевать. Идем?

Он протянул ей руку и та с удовольствием её приняв, последовала вслед за Ником ближе к танцполу.

К моему горлу подступил комок волнения, можно даже сказать, что я запаниковала, оказавшись в это дурацкой и очень глупой ситуации. Своим поступком Ник вынудил Макса вытащить меня танцевать, но что если он не хочет? Я не хочу одолжений и уж тем более не хочу быть обузой.

— Ну что, Эмили, — с лица Макса пропала вся хмурость и загадочность. Сейчас перед мной стоял обычный озорной мальчишка. Наверное, его недружелюбие и хладнокровность — защитная реакция организма на близость к Эстер. — Потанцуем?

— Потанцуем. — Отозвалась я, хватаясь за его руку, чтобы не затеряться в толпе.

Макс ловко провел нас между танцующими телами, как только мы нашли себе небольшое местечко трек (больше напоминающий скрежет метала, чем музыку) сменился на *Iko — Heart of stone*. Все парочки начали «прилипать» друг к другу для медленного танца. Услышав музыку, Макс нахмурил густые брови и виновато на меня посмотрел. Вид у него

был такой, словно ему приходится не просто прикасаться ко мне, а раздевать догола в присутствии тысячи ротозеев.

— Неужели я так плоха, — шутливо отозвалась я, обвивая свои руки вокруг его шеи. Макс напрягся, но все же взял меня за талию. — Раз тебе не хочется ко мне прикасаться?

— Что? — Макс отстранился и непонимающе уставился на меня.

— У тебя такой вид, словно танцевать со мной медленный танец последнее, что тебе хочется делать.

— Я знаю, что у тебя есть парень. — Наклонившись ко мне, прошептал Макс. — И если бы кто-то прикасался к моей женщине так, как сейчас я прикасаюсь к тебе, то я бы завязал ему руки в морской узел. — Его теплый, грудной смех щекотал мою шею, вызывая волну мурашек.

— Тогда понятно. — Рассмеялась я. — Реакция Кайла была бы подобной.

Повисло молчание, погружая нас в волну музыки и слов, растворяя нас в потоке тел. Мне нравится Макс, и я знаю, что Эстер он тоже понравился. Иначе она не вела бы себя, как чертова стерва. Не знаю почему, но мне хотелось, чтобы Макс знал, что на самом деле Эстер не так уж плоха.

— Я бы хотела извиниться за поведение Эстер. — Я подняла взгляд на Макса, высматривая его лицо в полумраке помещения. — На самом деле она не так плоха, как хочет казаться. Когда испуганное животное загоняют в угол, оно бросается на первую же протянутую руку.

— И кто загнал Эстер в угол? — Спросил он.

— Бывший парень. — На лице Макса отразилось смятение, перемешанное с удивлением. — Мы приехали сюда, чтобы отвлечь ее. Эстер старается делать вид, что ей все равно, но внутри она переживает. От этого и кусается.

— Так он ее бросил?

— Нет, — ответила я. — Эстер была инициатором разрыва отношений. Ее любовь прошла, а привычка осталась. Она понимает, что продолжать отношения по инерции не имеет смысла, а вот Томас этого еще пока не осознал.

Так что не принимай ее поганый язык на свой счет. Ей нужна причина выплеснуть эмоции, и кажется, она нашла ее в тебе.

— Да я прям, сорвал джек-пот. — Пошутил Макс, и рассмеялся. По-настоящему рассмеялся, напоминая мне в этот момент Кайла.

Я уже умылась и приготовилась ко сну, когда около нашего дома остановился большой, синий фургон. От неожиданности сердце подскочило к горлу, и я мысленно начала продумывать план побега. Но стоя около окна в одной хлопковой рубашке, я осознавала, что в таком виде в минусовую температуру мне далеко не убежать.

Когда в дверях моей комнаты появилась Эстер и лукаво улыбаясь, заявила что это ко мне, я почувствовала, как тысяча килограммовый страх покинул мое тело.

Обычный и самое главное безобидный курьер доставил мне прекрасный букет цветов и коробку лимонных пирожных.

«Сладкий завтрак, для моей сладкой девочки.

Моё сердце не бьётся без тебя.

Но по ночам я слышу, как ты дышишь.

Твой скучающий ангел.

— К.»

Я скучаю по нему. Мне мало разговоров по телефону. И хотя я думаю о нем постоянно, мне все же хочется почувствовать его тепло, видеть его медовые глаза и смешное, сонное лицо по утрам.

Я хочу как раньше, просыпаться с первыми лучами солнца и наблюдать за тем, как он спит, воображая себе наше общее будущее, представляя, как будут выглядеть наши дети.

Расстояние сводит меня сума. Я знаю, что нужна Эстер, если бы не моя любовь к ней и преданность... Меня бы здесь не было.

Прижимая к груди подушку, с придурковатой улыбкой на лице, я засыпала и молила Господа о том, чтобы мне приснился Кайл.

Глава 12

ЭМИЛИ

Воздух пропитан едва заметным ароматом выпечки и легкостью небольшого мороза. Из моего рта вырываются небольшие облачка пара. Яркое солнце отражается от слегка припорошённой снегом земли и заставляет прищурившись смотреть на город.

Обычно я не люблю зиму, но в этом городе даже она кажется прекрасной. И если бы я прожила здесь чуть дольше, то обязательно бы ее полюбила.

Сейчас утро. Примерно девять тридцать утра.

Мне не спалось, так что я решила выбраться в город, купить булочек к чаю и парочку новых книг. Эстер называет их *«ненужной макулатурой»*, предпочитая скачивать бестселлеры в интернете и читать на своем супер — новомодном iPad. В отношении книг я старомодна.

— Опять опаздываешь, Джудит. — Недовольно произнесла старушка за прилавком, обращаясь к только вошедшей женщине. Ее щеки пылали, подчеркивая бледноту кожи. — Чтоб в последний раз.

— Ладно. Я поняла. — Ответила Джудит и промчалась мимо меня, скрываясь за дверью между книжными стеллажами.

— Вот Ваши книги. — Более мягким голосом добавила хозяйка магазина, протягивая мне небольшой пакетик. — Хорошего дня.

— Спасибо. — Улыбнувшись, ответила я. — И Вам хорошего дня.

Покинув книжный магазин, я на мгновение остановилась около входа, закрыв глаза, подставила свое лицо солнцу. Его теплые, ласковые лучи ласкали мои щеки. Вот бы оказаться на берегу океана, в большом гамаке с пино-коладой в одной руке и любимой книжкой в другой.

— Да, погода сегодня и вправду отличная. — Мужской голос, раздавшийся так близко и неожиданно, заставил меня подскочить на месте. Пакет с книгами выскользнул из моих рук и приземлился на асфальт. — Ой, прости меня, Эмили. Я не хотел тебя напугать.

Я взглянула на лицо мужчины. Ник.

— У меня чуть сердце из груди не выскочило. — Прижимая руку к груди, ответила я, не без тени улыбки. Вот, что означает приятная встреча. — Что заставило тебя выйти на улицу в такой ранний час? — Поинтересовалась я.

Ник наклонился и поднял с асфальта мои книги, слегка отряхнув пакет от налипшего снега.

— Договорились с Максом позавтракать вместе, но этот болван проспал.

Я рассмеялась:

— Кто бы мог подумать, что Макс такой соня.

— Если честно, то обычно это он вытаскивает меня из постели для ранних завтраков, но сегодня мы с ним поменялись местами. — Его белоснежная улыбка блестела в лучах солнца, а орехово-зеленые глаза, казались очень яркими. — А ты? Что заставило тебя, встать в такой ранний час?

Я глубоко вздохнула, наполняя свои легкие морозным воздухом: — Даже не знаю. Просто захотелось выпить кофе и прогуляться по городу. Мне здесь так нравится.

— Да, мне тоже. — С неподдельным восхищением ответил Ник, осматривая практически безлюдные улицы. — Я даже подумывал о том, чтобы перебраться сюда.

Мы медленно двинулись вдоль улицы, Ник по-прежнему держал мой пакет с книгами, я протянула руку, чтобы забрать его, но парень, покачив головой, дал мне понять, что с ним такое не прокатывает.

— А почему не переехал?

— Не знаю, всегда что-то мешало. Но я думаю, что рано или поздно я все равно переберусь сюда.

— Знаешь, я в этом городе всего несколько дней, но мне уже хочется остаться здесь навсегда.

— Так останься.

Мы остановились около небольшой палатки с горячими напитками. Запах шоколада, кофе и корицы щекотал нос, навевая воспоминания о Рождестве, детстве и родителях. Ник протянул мне стаканчик с кофе, я попробовала прогнать навалившуюся тоску, но она цепко вцепилась в меня и не хотела отпускать. Глаза Ника проскользили по моему лицу, отмечая перемены в настроении, нахмутив брови, он повел меня вглубь парка.

— Жить нужно там, где хорошо твоему сердцу. — Он отпил немного дымящегося кофе. А я задумчиво грела пальцы об свой стакан, кофе мне уже не хотелось. — Только там будет твой дом.

— Мой дом рядом с Кайлом. — Машинально ответила я и тут же прикусила язык. Нашла время говорить о своей любви к Кайлу.

Ник немного удивился такому ответу, его брови исчезли под копной светлых, растрёпанных волос. На секунду парень растерялся, так как совсем не ожидал такого искреннего и неуместного ответа, но отвернувшись, быстро взял себя в руки.

— Эстер была права, да? — Лукаво поинтересовался он. — Ты и вправду любишь того парня.

— Гораздо сильнее, чем вообще это возможно.

— Ну вот, — театрально вздыхая, проговорил Ник. — Мои шансы покорить твое сердце моментально сошли на ноль.

Я рассмеялась. Он же пошутил? Ведь так?

— Так ты журналист? — Он поспешно сменил неловкую тему, на более обыденную.

— Почти. — Глядя под ноги ответила я.

Мы шли в сторону парка. Он казался самым оживленным местом в такой ранний час. То тут, то там люди выгуливали своих собак, кто-то бегал, кто-то просто гулял, попивая горячие напитки из больших бумажных стаканов.

— Я окончу университет только в мае.

— Не хочу тебя обидеть, — этот парень не переставал улыбаться, словно он на батарейках. — Но ты не похожа на типичного журналиста. Вот Эстер да. У нее на лбу крупными буквами написано: ЖУРНАЛИСТКА ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ. А ты... Ты другая.

— Да, я тоже не вижу себя в роли журналиста. — Честно ответила я.

— Тогда почему ты учишься на него? — Негодующе спросил Алекс.

— Это сложно... — Уклончиво ответила я.

— Не хочешь говорить об этом?

— Не уверена, что ты захочешь слушать об этом.

— Ты недооцениваешь меня. — Ник легонько задел мое плечо своим, заставляя рассмеяться. — Расскажи мне свою историю.

— Да там не чего рассказывать. — Начала я. — Я росла мечтая о сцене. Думала, что буду певицей. Родители поддерживали меня в этом до тех пор, пока не пришло время выбирать университет. Тогда их отношение к моему увлечению резко поменялось. Папа не переставая говорил, что пением по кабакам на жизнь не заработаешь, а мне нужна профессия, которая обеспечит крышу над головой и достойное будущее. — Мне не хотелось окунаться в прошлое, оно как инеем по коже, вызывает озноб. Но и все время молчать об этом я тоже не смогу.

— Я спорила с ними, настаивая на своем. Потом мы попали в аварию. — Я сделала паузу и попыталась прогнать подступившие к горлу слезы. — Они погибли. Мне чудом удалось выжить. И только тогда их слова обрели для меня смысл.

— Соболезную. — Тихо проговорил Ник. — Больно терять родителей. Моей мамы тоже нет в живых. Мне было тяжело справиться с этим. И ты очень сильная, раз сумела пройти через потерю обоих родителей.

— Я бы не справилась без Кайла. — Честно ответила я. — На самом деле я и не справлялась до тех пор, пока не встретила его.

— Тогда я должен поблагодарить этого парня за то, что он помог такому замечательному человечку как ты. — Он рассмеялся. — Можно сказать, я уже его люблю.

Его слова меня рассмешили. Я и не думала, что мне будет настолько легко общаться с кем-то помимо Кайла и Эстер. Я мало с кем разговаривала о родителях, но говорить о прошлом с Ником, кажется до безобразия нормальным, привычным, естественным...

— Значит, просить тебя петь не имеет смысла? — Задорно спросил он, заглядывая в мое лицо.

— Нет... — Не переставая смеяться, ответила я. — Я боюсь публики, но все же иногда пою, когда мы собираемся с друзьями. Так что, когда-нибудь я спою для тебя, но не сейчас.

— Я ловлю тебя на слове.

— Договорились.

От озера веяло холодом, поэтому мы свернули с тропинки и направились вглубь липовой рощицы.

Алекс нарушил молчание первым:

— Так чем бы ты хотела заниматься помимо пения и журналистики?

— С недавних пор у меня появилась мечта. — И довольно глупая мечта, не знаю, на какой черт я вообще о ней начала рассказывать. — Хочу открыть центр помощи для людей с Амнезией. — Ник удивленно вскинул брови. — Эта тема моего дипломного проекта, мне предстоит снять небольшой репортаж, раскрывающий все главные аспекты этой болезни и последствия, с которыми сталкивается больной.

— Так в чем, по-твоему, мнению, должна заключаться работа центра? — Заинтересовано спросил парень.

— Я часто натыкалась на статьи, в которых говорилось о людях с диссоциативной амнезией⁴. Люди не помнили о себе ничего. Ты только представь себе, совершенно ничего, сплошная пустота в голове. Полиции не удавалось найти их родственников, и больные просто терялись по жизни. Замыкались в себе и не стремились к самопознанию.

— Я хочу открыть место, где эти люди смогут жить до тех пор, пока не встанут на ноги и не смогут сами обеспечить себе жилье. Чтобы у них была психологическая поддержка, люди, на которых можно положиться, работа приносящая доход и крыша над головой.

Все то время что я воодушевленно болтала, Ник вдумчиво молчал. Перебаривая каждое мое слово.

В нашем мире слишком много вещей вселяющих страх. Люди просто выходят из дома в супермаркет и больше не возвращаются. Так как где-то по дороге их сбивает пьяный водитель, или же у них просто останавливается сердце.

Мало кто из нас когда-либо задумывался об этом. А если и задумывался, то не придавал особого значения.

А ведь все ценное, что каждый из нас имеет подобно пеплу. И любой, даже самый легкий ветерок может развеять его. Сделать так, будто бы ничего и не было.

Изначально, с самого раннего возраста нас готовят к тому, что ничто на этой земле ни вечно. Мы год за годом учимся терять любимые игрушки, вещи, друзей, родных, деньги, время. Но никто не готовит нас к тому, что однажды мы можем потерять то, что действительно делает нас «самим собой» — нашу память.

Должно быть страшно, проснуться однажды утром и не знать где ты находишься, а подойдя к зеркалу не узнать своего лица. Ты забываешь себя и драгоценные моменты жизни, которые согревали тебя в самые трудные времена. Пепел твоей памяти развеян, и ты больше НИКТО и зовут тебя НИКАК. Белый холст, без права на яркую жизнь.

— Глупая и не прибыльная затея, я знаю. Просто, это так страшно — не помнить кто ты.

— Нет, это не глупо. Это великодушно. — Задумчиво ответил Ник. — Я думаю, что мы сможем это сделать.

— Мы? — Удивленно переспросила я.

— Да. — Улыбаясь, ответил Ник. — У меня есть деньги и связи, а у тебя великие цели и идеи.

— Но почему? — Запинаясь, проговорила я, все еще не веря в происходящее. — Почему, ты хочешь помочь мне?

Ник ответил не сразу, его молчание длилось некоторое мгновение, и когда я уже было, подумала, что он ничего не ответит, он произнес:

— Хочу быть лучше, чем мой отец. — Даже лучезарная улыбка не могла перекрыть злость, горящую в его глазах. Что же такое может сделать отец сыну, чтобы он до такой степени его возненавидел? — Может у тебя уже и название есть?

— Есть. — Я постаралась ободряюще улыбнуться. Мне нравится этот парень, не смотря на всю темноту в его жизни, мир денег и власти (которые зачастую портят людей) он остается добрым, открытым, успокаивающим.

— И какое же?

— «Пепельное сердце»! — Торжественно произнесла я.

— «Пепельное сердце»? — Переспросил Ник. — Почему именно сердце?

— Потому что «пепельные мозги» звучат устрашающе.

— Ты сделала что? — Рассвирепела Эстер, стоя передо мной в старой, растянутой футболке и серых спортивных штанах. Ее любимая пижама, которой, наверное, уже лет десять. Эстер никак не может расстаться с ней, что меня жутко бесит. Я предпочитаю избавляться от старых вещей, а не хранить их.

— Позвала Макса и Ника на ужин, — невинно ответила я, потупив взор. Я знала, на что шла. Реакция Эстер весьма предсказуема, сейчас она проорется на меня, а затем, вернувшись в свою комнату, примется выбирать наряд для завтрашнего вечера. В итоге все закончится тем, что завтра днем мы поедем в магазин за новым платьем для Эстер. Так как старые, цитирую: «*Это вообще позор!*». Поэтому смотря на нее сейчас — я мысленно улыбаюсь и от радости топаю ножками. Ей нравится Макс, хотя сама она уверяет себя в обратном.

— Мне кажется, ты вообще умом тронулась. — Продолжала верещать подруга. — Ты понимаешь, что пригласила в наш дом совершенно не знакомых людей.

— Тебя я тоже когда-то плохо знала. — Как ни в чем не бывало, ответила я.

— Они могут оказаться психами.

— Ну, с тобой же я как-то справляюсь. — Пошутила я. — Психом больше, психом меньше. Какая разница?

— Это не смешно. — Взвизгнула Эстер, и я ели удержалась, чтобы не расхохотаться. Вот разбушевалась. — Эмили, нельзя быть такой наивной. Ты как ребенок веришь, что все люди хорошие. Но это не так.

— Я знаю, что не все люди хорошие. Прекрати утрировать. — Ее колкие слова, перешли всякие пределы. Мне больше не хочется смеяться. — Не веди себя так, словно я дура. Мы обе знаем, что это не так. Макс и Ник хорошие парни и нам не повредит общение с ними.

— Это ты сказала Кайлу, когда рассказывала про ужин? — Я уставилась на нее во все глаза, не понимая при чем тут мой парень. — Ты же не сказала ему про парней? Ведь так, Эмили?

— Я рассказала ему о Максе и Нике, — резко ответила я. Даже резче чем мне этого хотелось, но эта пигалица выводит меня из себя. — Как ты могла подумать, что я могу обманывать Кайла? Ты не хуже меня знаешь, как сильно я его люблю.

— Раз ты так сильно его любишь, почему не рассказала про ужин?

— Я побоялась. — Честно ответила я, опустив голову, пряча лицо за занавесом волос. — Я не знаю, как сказать ему об этом. Если он попросит меня отменить ужин, я не смогу.

— Ты думаешь, он не поймет? — В ее голосе больше не было злости и обиды. Эстер села около меня, нежно обнимая. Я опустила голову на ее плечо в поисках поддержки. Вот так всегда: я порчу ей настроение, она срывается на мне, а затем утешает. Время идет, мы становимся взрослыми, но *это* никогда не меняется.

— Прости меня. — Нежно шепчет она. Я киваю, давая понять, что не держу на нее зла. Эстер облегченно вздыхает. — Знаешь, что это значит?

— Что?

— Мне просто необходимо новое платье.

За платьем ехать не придется. Примерно около часа Эстер примеряла свои самые лучшие наряды, а когда они подошли к концу — подруга плавно переместилась к моему шкафу. Я не люблю делиться вещами, но если выбирать между любимым платьем и целым днем походов по магазинам... Я думаю, мой выбор очевиден. Эстер заполучила мое платье, а я целое утро сладкого сна.

На улице снова пошел снег. Эстер разожгла камин и теперь, свернувшись калачиком, спит на диване около него. Я не могу найти себе занятие. На часах только девять часов вечера и спать ложиться еще рано. Посуда вымыта и расставлена, столешницы начищены до блеска, одним словом дом готов к приходу гостей. Осталось лишь купить продукты.

Наш холодильник пуст. То, что купил Кайл, давным-давно закончилось, а я покупала лишь булочки на завтрак. Приглашая парней на ужин, я не подумала о том, что ни я, ни Эстер не умеем готовить. Может подруга права, и я полная дура?

Если хорошенько поспешить, то на поездку до магазина и обратно у меня уйдет чуть больше часа. Утром мне не придется ехать за продуктами, и я смогу спокойно, без спешки приготовить ужин. А если не получится, то мы успеем заказать его из какого-нибудь ресторана.

Я даже отдаленно не представляю, что буду готовить, поэтому бросаю в тележку все, что наверняка пригодится: специи, курица, грибы, сливки, сыр, томаты, цуккини, спагетти и многое другое. Сложив покупки в два больших пакета, я направилась к машине. Как назло, около магазина парковаться нельзя и мне придется тащиться до машины по практически не освещенной улице, добрых десять минут.

Пакеты тяжелые и того и гляди выскользнут из рук прямо наземь.

Я пыталась обхватить их покрепче, и именно в этот момент из-за угла выскочил человек и врезался в меня на всей скорости. Пакеты выпали из рук, рассыпая свое содержимое по асфальту.

Не осознавая, что именно происходит, я наклонилась, чтобы подобрать рассыпанные томаты. Человек, сбивший меня, присел напротив и взял меня за руку.

Я удивленно уставилась на него. Пытаясь осилить, какого хрена он делает.

Налетевший на меня парень выглядит весьма привлекательно: горящие голубые глаза, прямой нос, густые черные брови, из-под темно-синего капюшона толстовки выглядывают блестящие, черные локоны. Я отдернула руку пытаюсь встать, но он снова схватил меня, притягивая ближе к себе. На его лице проявлялась дерзкая улыбка, которая не сулила ничего хорошего.

— Едрёные кучеряшки, — задорно произнес парень, всматриваясь в мое лицо. — Везучий засранец, отхватил себе такую принцессу.

— Я не понимаю. — Я начала выворачивать свою руку, освобождаясь от его хватки, но все мои усилия были напрасны. — Что вам от меня нужно?

— Что мне от тебя нужно? — Рассмеялся парень. — Нет, принцесса, ты мне ничем не сможешь помочь. Это я помогаю тебе.

— Помогаете мне? Каким образом.

Парень выпрямился в полный рост, и я по инерции следую за ним. Осмотрев улицу во всех направлениях, он ринулся в переулок, увлакивая меня следом за собой. Я упираюсь ногами в землю, вырываюсь и начинаю кричать. Незнакомец накрывает мой рот своей ладонью, и крик стихает, так и не начавшись.

— Случай меня внимательно, — серьезно проговорил парень, но я совершенно не желаю его слушать. Мне надо освободиться. Успеть добежать до машины или хотя бы позвать на помощь. Я должна сделать хоть что-то. — За тобой следят. Этим придуркам нужна одна вещичка и думают что она у тебя. Почему твой супер умный парень не подумал об этом? Да, о чем он вообще думал, оставляя тебя здесь одну, без защиты?

Я прекратила вырываться. О чем это он говорит? Он знает Кайла или все это задумано ради привлечения моего внимания?

Сердце подскочило к горлу. Страх, который я испытывала раньше ничто по сравнению с тем, что я чувствую сейчас. Каждый волосок на моем теле встал дыбом, а ноги превратились в жалкое подобие ваты.

Незнакомец, словно волк, утаившись в темноту по ту сторону переулка, прислушиваясь к доносящимся звукам.

Мне надо освободиться. Вырваться из его хватки, но, допустим я освобожусь, а что дальше? Драться я не умею, так же как и бегать. Вокруг ни души и вряд ли кто-то придет мне на выручку. Я покойница. Труп. У меня нет ни одного шанса на спасение.

И дернул же меня черт попереться в такое время в город. Осталась бы дома, включила какой-нибудь фильм и осталась бы жива. Почему я никогда не думаю головой? Что со мной не так?

В конце улицы послышался приближающийся топот ног. Незнакомец выругался и убрал руку от моего лица:

— Эмили, нет времени на твои истерики. — Сжав мои плечи, он встряхнул меня несколько раз, заставляя собраться. — Их слишком много, чтобы я справился в одиночку. Мы оба погибнем, если ты не будешь делать то, что я скажу. Ты меня поняла?

— Да. — Сдавленно ответила я, смотря в глаза незнакомца. — Я поняла.

— Отлично, тогда давай выбираться отсюда.

Мы проносимся мимо переполненных мусорных баков, сверху которых сидят бродячие коты, съезжившиеся от холода.

Поворачиваем направо, налево и снова налево. И только спустя пять минут оказываемся на более или менее оживленной улице. Парень резко останавливается и повернувшись ко мне лицом заявляет:

— Снимай свою куртку.

Я с сомнением смотрю на него, надеясь на то, что он шутит, ведь температура на улице ниже нуля. Он начинает ругаться, выпуская мою руку и стаскивая с меня куртку. Морозный воздух моментально опалает мой не прикрытый тканью живот, я одергиваю задравшийся свитер. Мне холодно.

Парень протягивает мне шапку (ума не приложу, откуда она взялась) и свою толстовку. На нем осталась еще одна, только теперь зеленая.

— Это немного собьет их со следа. — Поясняет парень. — Нам лишь надо успеть добраться до машины, а там они нас не достанут.

— Кто это «они»? — Спрашиваю я, надевая шапку.

— Падшие ангелы, конечно же. — Усмехаясь, ответил парень, осматривая улицу.

— Падшие ангелы... — Машинально повторила я. — А кто ты?

— Даниэль Уорнер. — Ответил парень, улыбаясь голливудской улыбкой.

— Откуда ты знаешь Кайла?

— Я не знаю его. Он знает меня. — Даниэль взял меня за руку и потащил вдоль пс

улице. — Идем, у нас еще будет время для пижамных вечеринок.

Мы прошли примерно пол квартала. Даниэль не переставал оглядываться, но судя по его расслабленному лицу слезки за нами не было.

Я даже не заметила, но в какой-то момент легкий снежок превратился в настоящий снегопад. Мои волосы (так же как и волосы Даниэля) намокли от растаявших снежинок. Мой новый знакомый привел нас к большому, черному внедорожнику, слишком роскошному для этого города.

Он распахнул для меня пассажирскую дверцу, но я не решалась в нее сесть.

— Ну же, Эмили. — Тихо произнес Дани. — Нет времени на уговоры. «Падшие» скорс будут здесь.

— Но за нами ведь не было слезки. — Ощетинилась я.

— Она была. — Ответил Даниэль, подталкивая меня к машине. — Просто все было под контролем.

— Под контролем? — Спросила я, уставившись на него. — И это ты называешь под контролем?

— Твою мать, Эмили, — Заорал Даниэль. От неожиданности я подпрыгнула на месте. — Быстро садись в машину, у нас каждая секунда на счету.

Он грубо схватил меня за руку и затолкал в машину, громко хлопнув дверью. Я повернулась к окну, вцепившись в дверную ручку, намереваясь выскользнуть наружу. В этот момент раздался звук выстрела, и Даниэль резко втянув в себя воздух — согнулся пополам.

— Черт, — выругалась я. — Даниэль.

Я распахнула дверцу и втащила парня внутрь машины, перебравшись на водительское сидение, я принялась лихорадочно искать ключи. Даниэль вытащил их из кармана своей толстовки и вставил в зажигание.

— Принцесса, — Проговорил Дани, стараясь улыбаться. — Гони так, словно сам дьявол гоняется за нами. Нам любой ценой нужно выбраться из этого города, иначе мы трупы.

И я делаю, как он просит. Выезжаю на главное шоссе и еду на запад к выезду из города. К счастью или сожалению уж тут не знаю наверняка машин на дороге слишком много. Это затрудняет нам движение, но и выигрывает время, оберегая от тех, кто попытается нас догнать. Мое зрение и слух обострились, сказывается действие адреналина. Даниэля ранили в живот, пуля находится где-то внутри него. Толстовка пропиталась кровью и теперь предательски поблескивает в свете уличных фонарей.

— Нам надо в больницу, — наконец говорю я. — Ты умрешь от потери крови.

— А вот это вряд ли. — Даниэль задирает толстовку, пулевое ранение выглядит ужасно. — Смотри на дорогу, Эм. Зрелище будет не из легких.

Я пытаюсь не смотреть, но любопытство берет верх, и я все равно поглядываю на Даниэля.

Дани закусывает воротник толстовки и, набрав полные легкие воздуха, запускает большой и указательный пальцы в пулевое ранение. Он крепко зажмурил глаза и вокруг них образовались глубокие морщинки. Лицо приобрело багряный цвет. Пальцы орудут внутри раны в поисках пули. Мне больно только от одного вида мучений Даниэля. Ему же сейчас во сто крат хуже, странно что он до сих пор не отключился.

— Боже, я не могу на это смотреть. — Я перевела взгляд на дорогу, концентрируясь на ней, а не на мучениях парня.

Даниэль на соседнем сидении облегченно выдохнул, а затем я почувствовала, как его

тело расслабилось. Я позволила себе взглянуть на него.

— Ты в порядке?

— Да, — ответил Дани. — Теперь буду.

На его лоб выступили бисеринки пота, бледные губы становились все розовее и розовее, а рана на животе затягивалась прямо на глазах. Через мгновение от нее и во все остался лишь след из запеченной крови. Вот это да.

— Как такое возможно? Ты ангел?

— Я был им когда-то. — Усмехнувшись, ответил парень, стаскивая с себя окровавленную толстовку.

Даниэль достал из дорожной сумки, лежащей на заднем сидении черный свитер и бутылочку воды. Надев свитер, он наконец-то, смог расслабиться, удобно устроившись на сидении автомобиля.

— Я довезу тебя до отеля, — говорю я, всматриваясь в зеркало заднего вида, в поисках слежки. Но ее нет. — Там ты сможешь переночевать. И привести себя в порядок. А я вернусь в город на такси.

— О нет, принцесса. Так не пойдет. — Затараторил Дани. — Тебе нельзя обратно. Разве ты не заметила? Тебя ищут!

— Я заметила. — Огрызнулась я. — Но там Эстер. Она одна. Я всего лишь уехала в магазин. Эстер хватит удар, если проснувшись, она не обнаружит меня. Я не могу уехать.

— Еще как можешь. «Падшие» не знают, где ты живешь, Эстер ничего не угрожает. — Объяснял Даниэль, включая радио. — Если ты вернешься тогда да, твоя подружка будет в опасности. Ты хочешь втягивать ее во все это? — Он смотрит на меня, ожидая ответа. Но я молчу. — Так я и думал. Значит, как я и говорил, мы возвращаемся в Линден Гров.

Я поворачиваю руль и съезжаю на обочину. Мы никудауда не поедим, пока этот парень не объяснит мне что происходит.

— Что? — Даниэль выпрямился на сидении. — Что ты делаешь?

— Останавливаюсь. — Я повернулась лицом к собеседнику намереваясь вытрясти из него правду. — Мы никудауда не едем. Я не знаю тебя. Пять минут назад мы вообще не были знакомы, а ты требуешь, чтобы я покинула с тобой город? Я что похожа на дуру?

— Я друг Кайла.

— У нас с Кайлом общие друзья и извини, но ты не из их числа.

— Ладно, — с вызовом произнес Дани. — Я его новый друг.

— Ну да конечно. — Усмехнулась я и потянулась к дверной ручке. Я слышала достаточно. Мы проезжали мимо автобусной остановки, добравшись туда, я смогу вызвать себе такси.

— Стой. — Дани схватил меня за руку, останавливая.

Он достал мобильный телефон из заднего кармана и принялся набирать какой-то номер.

— Да. — Этот голос я узнаю из тысячи. Кайл.

— Привет мой сладкий. — Приторно слащавым голосом проговорил Даниэль в трубку.

— Даниэль, ты заболел? — Удивился Кайл.

— Нет, я здоров. Спасибо, что спросил. — Не унимался Дани. — Тут кое-кто хочет с тобой поздороваться.

По ту сторону телефонной трубки Кайл напрягся. Раздалась оглушающая тишина.

— Кайл? — Неуверенно произнесла я. — Кайл, милый...

— Эмили? — С сомнением проговорил мой ангел. — Даниэль, ты обалдел? — Куда делось его сомнение? — Какого хрена ты творишь? Я тебе ноги вырву, клоун.

— Мы с тобой вернемся к этому попозже. — Он действительно «того» или хорошо притворяется? Похоже Даниэль получает невероятное удовольствие от этого спектакля. Чем сильнее Кайл кричит на него, тем Даниэль счастливее. Точно псих. — Твоя принцесса отказывается покидать город. Посодействуй мне в этом.

— Я же сказал, что сам с этим разберусь! — Прорычал в трубку мой парень.

— Я устал ждать. — Лениво потянувшись, проговорил Дани. — И ты должен быть мне благодарен. Я спас Эмили из рук «падших». Опоздай я хотя бы на пять минут — ты бы получал ее в подарочных коробочках в течение месяца.

— «Падшие» нашли ее? — Взволновано произнес Кайл, забыв про злость на Даниэля. — Любимая, ты в порядке?

— В полном.

— Тогда вам надо возвращаться в Линден Гров. Я буду ждать вас у тебя дома, Даниэль.

— Вопросов нет. — Даниэль нажал на отбой и уставился на меня. — Слышала, любимая? Заводи давай, пока «падшие» нас не нагнали.

Глава 14

КАЙЛ

Машина Даниэля подъехала к дому около трех часов ночи. Дани еще даже не вытащил ключи из зажигания, а я уже был около его машины. Мои глаза метали молнии, ноздри раздувались как у разъяренного быка. Я был готов убить Даниэля и непременно бы приложил (раза так четыре) кулаком к его лицу, если бы Мил не остановил меня:

— Кайл, у тебя есть право злиться на моего брата, — рассудительно проговорил он, стоя позади меня. — Даниэль поступил опрометчиво, отправившись за Эмили, но ты сам знаешь, что сделали бы с ней падшие.

Кому как не мне знать, чему бы она подверглась. Я видел это однажды и надеюсь, что больше никогда не увижу подобной сцены.

— Просто вспомни это, когда тебе в очередной раз захочется его убить.

Легко сказать, но как же сложно сделать.

— Я скажу Катарине, чтобы подготовила комнату. — Он указал на мирно спящую на пассажирском сидении Эмили. — Она красивая.

— Да, — кивнул я, глядя на умиротворенное лицо своей возлюбленной. — Никогда не встречал столь прекрасной девушки. Прекрасное создание с прекрасной душой.

Даниэль осторожно, чтобы не разбудить Эмс, вышел из машины. Как всегда самоуверенный и нахальный, с ехидной улыбочкой на лице. Ему нравится моя злость. Он питается ею, как вампиры питаются кровью. Думаю, пора посадить этого паренька на строгую диету.

— Кайл. — Поздоровался Даниэль, рассчитывая на мою бурную реакцию, но я держу себя в руках. — Твоя принцесса уснула на въезде в город. Звонила какая-то Эстер, я сказал, что Эмили пришлось вернуться в Линден Гров по неотложным делам. Не знаю, поверила она мне или нет.

— Я разберусь с этим. — Прогovorил я, прерывая словесный поток Даниэля. Он с пониманием кивнул и направился в сторону дома. Милан последовал за ним.

— Даниэль, — мне сложно говорить ему эти слова, но я должен это сделать. Дани

замер на полпути, слегка повернувшись ко мне лицом. — Спасибо, за то, что помог Эмили.

— Не за что. — Усмехнулся Уорнер и продолжил идти в сторону дома. — Мы же в одной лодке.

— Мы в одной лодке, — эхом повторил я, возвращая свое внимание к спящей Эмили. — Надеюсь, я об этом не пожалею.

Я забрал Эмили из машины и аккуратно уложил в приготовленную Катариной постель. Эмс вымотана. За все то время, что я забирал ее из машины, нес на руках и раздевал перед тем, как уложить в кровать, она не проснулась.

Мил отправил всех спать, оставляя все разговоры на утро. Оно и к лучшему, со светлой, отдохнувшей головой будет куда проще не прибить Даниэля за его поганый язык и совершенно не работающие мозги.

Хотя сейчас, сежа рядом со своей любимой, которую не видел уже несколько дней — я ужасно ему благодарен. Благодарен за то, что он уберет ее, спас от «падших», привез ко мне в целости и сохранности. В ее голове сейчас наверное тысячи ужасающих мыслей, но ни одна из них не страшнее правды. По крайней мере для меня. Надеюсь, что Эмили будет намного легче принять все это, чем мне. Я до сих пор до конца не осознаю, что со мной произошло.

Перед тем как лечь спать, я отправил Эстер смс сообщение о том, что Эмили дома, со мной. Это не уменьшит ее тревогу, за то Ми будет знать, что ее подруга в безопасности.

У меня есть план. План на что-то хорошее из всего того хаоса что ждет нас впереди. Я надеюсь, что все закончится благополучно. Но нет никакой гарантии, что мы все дойдем до ворот Эдема живыми. Любой из нас может погибнуть. Я только надеюсь, что в числе погибших не будет Эмили, иначе я просто не выдержу. Я не переживу это еще один раз.

Сейчас мне очень не хватает Эдисон. За все эти годы она стала мне не просто другом, она стала мне семьей. Я любил ее так же сильно, как Марка. Нет. Я люблю ее так же сильно, как Марка. Не важно, что в этом мире ее не существует. Эдисон всегда в моем сердце.

— Марк, Эдисон. Где бы вы ни были, — прошептал я, закрывая глаза и погружаясь в сон. — Спокойной ночи.

Глава 15

ЭМИЛИ

Сквозь сладкий сон я чувствую, как все мое тело ужасно ноет. Каждый миллиметр тела болит так, словно я ночевала на мешках с камнями. Я бы отдала все за таблетку обезболивающего и пару лишних часиков сна. Но хорошего понемногу и пора просыпаться.

Я приоткрыла глаза. За окном только начинает рассветать. Наверное, часов пять утра, от силы половина шестого. На соседней подушке спит Кайл. Лениво потянувшись, я осмотрела комнату: большая, просторная, с дорогой, красивой мебелью. Интересно, где это мы?

Мирно спящий Кайл зашевелился и приоткрыл глаза:

— Привет, — полусонная улыбка расползлась по его лицу. — Давно проснулась?

— Только что. — Я наклонилась вперед и смахнула с его щеки выпавшую ресничку. — Где мы?

— В доме Уорнеров. — Он обвил своими руками мою талию и притянул к себе.

— Они отличные ребята. Вы подружитесь.

За несколько дней отсутствия мое тело так истосковалось по теплу Кайла, по его рукам

на моей коже, по его губам и сердцу, бьющемуся в унисон моему. Я еще пока не знаю, что все это время утаивал от меня Кайл, но я все равно рада близости с ним. Через несколько минут мы начнем долгий и серьезный разговор, после которого все может измениться. Так что я освобождаюсь от рук Кайла и усаживаюсь поверх него.

От удивления он распахнул глаза.

Мне нравится такой Кайл: влюбленный, открытый, нежный и в тоже время грубый. Я люблю его за трепетность по отношению ко мне и строгость по отношению к другим.

Разве это не сексуально когда большой, мускулистый парень с железным взглядом, холодным голосом и грубым отношением к любому, кто может быть предположительно опасным, становится с тобой милее котенка?

Или когда его сильные руки касаются тебя с нежностью пушинки, заставляя думать о не приличных вещах?

Я не выдерживаю, целую его мягкие, пухлые губы, и с каждой проходящей минутой пьянею, как от хорошего дорогого вина. Я начинаю злиться от того, что мы не в своей квартире, удобные джинсы и майка (в которых я спала) начинают мне мешать, а одежда Кайла мешает мне еще больше.

Кайл переворачивается, теперь я смотрю на него снизу вверх. Наш поцелуй длится еще несколько мгновений, а затем мой ангел отстраняется, со страдальческим выражением на лице.

— Если мы не остановимся сейчас, — тяжело дыша, проговорил он, смотря на меня своими потемневшими от желания глазами. — То...

— Я знаю. — Мягко ответила я, пробегая пальцами вдоль его спины.

— Пойду, раздобуду нам кофе, — оставив на моих губах быстрый, легкий поцелуй он выбрался из постели и направился к двери. — Если что, ванная комната там.

Кайл указал на небольшой проем в стене, по другую сторону которого была темнота. Как только он покинул комнату, я нехотя выбралась из постели и направилась в ванную.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Когда я вернулась в комнату, Кайл и два дымящихся кофе уже были там.

— Эмили, — мягко и уверенно начал он, усаживаясь на небольшой диванчик напротив меня. — Прежде чем я все тебе расскажу, ты должна знать, что я люблю тебя. Эта любовь проверена годами, болью, расставаниями и расстояниями. Многие пытались ее убить, но никто не смог. Даже я.

Я вцепилась в свою обжигающе горячую чашку. Мне не нравится такое начало. Кайл говорит мне все эти слова заранее, потому что думает, что потом я не захочу это слышать.

— Я знаю. — Онемевшим от волнения языком пробормотала я.

На мгновение я задержала свое дыхание, потому что Кайл начал свой рассказ. Он рассказал мне о том, что проживает эту жизнь уже во второй раз. В прошлом варианте нашей истории, отец Кайла уловил сомнения сына относительно выбора своей жизни и надавив на него, а после и на меня, разлучил нас: Кайл остался моим ангелом-хранителем, при условии, что из моей памяти пропадут даже крохотные песчинки воспоминаний о нас. Кайл присматривал за мной, был рядом пока я жила своей жизнью дальше.

Это продолжалось семь месяцев. Затем погиб мой друг. Он оставил мне какой-то медальон перед смертью. И таких медальонов в мире всего два. Они были созданы много веков назад, как ключи к воротам Эдама.

По легенде падший ангел, который найдет их и поместит в ворота — сможет вернуться

домой и все его грехи будут прощены. Много столетий о медальонах не было ничего слышно до марта 2015 года. И тогда все падшие ангелы бросились в погоню за ними. Медальоны защищены ангельской магией, их нельзя украсть или отобрать. Владелец только по доброй воле может расстаться с ними. Что в принципе усложняло нам задачу и облегчало ее «падшим», которым было все равно кого убивать.

Я оказалась владелицей одного из них. «Падшие», а в частности их главарь Дарк выследил меня и пытался убить. Мил и Даниэль спасли меня и приютили. А взамен я пообещала помочь братьям раздобыть второй медальон, который хранился в семье Вудбери.

Дальше была долгая история о том, как я познакомилась с Алексом, а в день моего рождения подожгли клуб, и погибло очень много народу. Кайл спас меня, но Эстер погибла. Точнее все думали, что она погибла, и верили в этого почти год. Я снова влюбилась в Кайла, но объявился его отец и опять, под угрозой гибели моего ангела-хранителя, я отказалась от нашей любви во имя его спасения.

Сразу после этого я достала второй медальон и согласилась выйти замуж за Алекса. Милан, Михаэль и Катарина вернулись в Эдем. Даниэль погиб спасая меня от «падших», которые добрались до ворот быстрее, чем нам бы этого хотелось.

Кайл вернулся в Эдем. Ему запретили спускаться на землю. Я вышла замуж за Алекса, мы жили дружно и счастливо, растили двоих детей: Эдисон и Эйдена. Но в глубине души я всегда тосковала по Кайлу. Ему удалось вернуться на землю, но было уже слишком поздно. Прошло тридцать семь лет.

А еще через полгода состоялись мои похороны. И вот в день моего девяностолетия он вместе с приемным сыном попадает в аварию. А очнувшись, обнаруживает себя в 2014 году.

От этой информации мой мозг раздувается и начинает «закипать».

— Просто бред какой-то... — Я встаю и начинаю ходить по комнате. Мне нужно хоть какое-то пространство. — Ты уверен, что тебе это не приснилось?

Честно? Я надеялась на то, что в итоге выяснится, что это все было дурным сном. Но по его словам сейчас мы находимся в комнате, в которой когда-то жила я. Он показал мне спрятанное письмо возлюбленной Мила. Милан пока еще не знает о нем, но Кайл напомним Катарине о своем обещании Хлое.

Это все просто в голове все не укладывается. Смогла бы я отказаться от Кайла и выйти замуж за другого мужчину? Разумеется, если это спасло бы ему жизнь — я бы не думала дважды.

— Ты злишься на меня? — Спросил Кайл, лаская пальцами мою щеку. Я притянула его ладонь к своим губам и нежно поцеловала.

— Нет. — Почти шепотом ответила я, смотря в его большие, медовые глаза. — Никогда не злилась. Я переживала и сейчас переживаю. Ты же знаешь, что это все может плохо закончиться. Мы можем погибнуть.

— Нет, даже не думай об этом. — Он приложил два пальца к моим губам, призывая остановиться. — С тобой ничего не случится. Эмили, на этот раз мне проще умереть, чем потерять тебя. Я не вынесу этого.

— А я вынесу? — Не знаю почему, но слезы крупными бусинами покатались по моим щекам. Я не могу успокоиться.

Мне страшно.

Страшно от того, что он мне рассказал. Страшно, потому что впереди нас ждет нечто ужасное и многие могут пострадать. Только я привыкла к тому, что нашим отношениям

ничто не угрожает, как тут же нарисовалась новая проблема.

— Ты думаешь, мне будет легче, если ты погибнешь? Я умру от боли в то же мгновение. От одной мысли об этом мое сердце разбивается...

— Эй, эй... — Кайл прижал меня к своей груди. Я дрожала, словно листок на ветру. Даже его заботливые прикосновения не могли унять мою дрожь. — Все будет хорошо. Мы справимся, вот увидишь.

Раздались два быстрых стука в дверь, а затем она распахнулась.

— Боже, женщины, почему вы постоянно плачете? — Простонал Даниэль, смотря на меня. — Это же ненормально. Парень, успокой ее. Мил собирает всех внизу.

— Даниэль, уйди уже. — Кайл показал ему средний палец, и они оба рассмеялись. И после этого я еще и ненормальная?

— Есть что-то еще, что я должна знать? — Спросила я через минуту молчания, потому что в нашем разговоре все еще оставалась какая-то недосказанность.

— Да. — Быстро проговорил Кайл, словно боялся, что передумает.

— И что же это?

— Я сам толком не знаю, — он потянул меня в сторону диванчика, усаживая на свои колени. — Но с тех пор, как я вернулся в это время — я не чувствую боли. Совсем. Я жег ладони огнем, резал руки, колот пальцы и ничего. Слово мое тело отказывается воспринимать болезненные ощущения. Я не знаю, что это все значит.

— А я не знаю, хочу ли знать, — у меня не хорошее предчувствие. Очень, очень не хорошее предчувствие по поводу всего этого. А интуиция никогда меня не подводила. — Что это все значит.

Глава 16

КАЙЛ

За ночь, что мы с Эмили провели в доме Уорнеров кто-то пробрался в нашу квартиру и перевернулся все с ног на голову.

Они искали медальон. Но как они узнали, что он у меня? И как нашли наш дом? Эта штука хранится у меня уже полгода и только сейчас, спустя несколько дней после того, как я поговорил с Уорнерами, мой дом переворачивают с ног на голову. Думаете это обычное совпадение? Что-то с трудом верится.

Мне больно и ненавистно видеть свой дом, свое убежище в таком состоянии: мебель перевернута, диванные подушки разрезаны и теперь из них торчит белый паралон, содержимое всех ящиков и шкафов высыпано на пол.

Но кто бы ни был в моем доме, ушел он с пустыми руками. Медальон был со мной. Во внутреннем кармане моей куртки. Да и на что они надеялись? Медальон зачарован, его нельзя украсть. Если только они не планировали дождаться меня, я чтобы убить.

Пальма пропала. Надеюсь, что собака просто сбежала, увидев незапертую дверь. Хотя кого я обманываю? Наверняка в квартире побывали «падшие», а у них не дрогнет рука, убивая беззащитное животное.

Эмили подавлена.

Она изо всех сил старается улыбаться и подбадривать меня, мол «не все так плохо» или «теперь у нас есть повод переехать в квартирку побольше» или «знаешь, эта ваза мне никогда не нравилась». Но даже она не выдержала и расплакалась когда увидела свою разбитую гитару. Она была дорога Эмили как память. Теперь и от нее ничего не осталось. Я

перебил больше посуды, чем любая скандальная женщина за всю свою жизнь.

Я бил светильники об стену, крича от ярости. Эмили стискивала свои тоненькие ручонки вокруг моей талии, пропитывая мою футболку своими слезами. Но я не мог успокоиться.

— Кайл, прошу тебя, — молила она. — Не надо. Оно того не стоит.

— Я убью их, — прорычал я. — Убью каждого, кто посмел ворваться в мой дом и вытворить такое. Это твой дом, Эмили, — глаза моей возлюбленной распахнуты и полны слез и страха. Ее вид надломил что-то внутри меня, и я сдался. Обхватил ее, маленькую и хрупкую, и притянул к себе гораздо ближе, чем это в принципе возможно. — Ты должна чувствовать себя здесь в безопасности. Но как я смогу спокойно оставлять тебя здесь, после такого?

— Мы найдем новый дом, милый. Вместе мы со всем справимся. Вместе мы сильнее, не забывай об этом.

Я обнял её как можно крепче и поцеловал светловолосую макушку.

— Прости, что втянул тебя во все это.

— Мне не за что тебя прощать.

Новый дом мы нашли достаточно быстро. Через два часа мы уже стояли на пороге квартиры с небольшой сумкой, с вещами на первое время. Все остальное осталось в старой квартире. Квартира нам попала достаточно неплохая: большая, просторная, светлая. Вся мебель и детали интерьера подобраны в одном стиле и со вкусом, но здесь явно не хватает женской руки.

Если Эмс и грустила, то не подавала виду. Наоборот она с великим восторгом осматривала наше новое жилище.

Хлопоты по дому и создание в нем уюта отвлекали ее от навязчивых мыслей, которые «пожирали» меня даже тогда, когда я был слишком занят, чтобы думать. Но Эмили это помогало. Наверное, ей была необходима эта щепотка «нормальности», во всей этой не нормальной ситуации.

— Кажется я в Раю. — Эмили плюхнулась на диван рядом со мной, и положила свою белокурую голову на мое плечо.

— Это место не очень-то похоже на Рай. — Мне нравилось, что она не придала особого значения вынужденному переезду, но не нравилось, что она готова так легко распрощаться со всем, что нам так привычно.

— Рай — это не место, Кайл. Рай — это состояние души.

Я ничего не ответил.

— Не переживай ты так. — Прошептала она, переплетая наши пальцы. — Главное что с нами все в порядке, а остальное — пустяки.

— Ты права, — ответил я, целуя костяшки ее пальцев. — Ты как всегда права.

Глава 17

ЭМИЛИ

Эстер вернулась в город, сказала, что у нее какие-то неотложные дела. И приехала она не одна, а с Максом. С МАКСОМ ХОЛЛАНДОМ!!! Я прыгала от радости примерно двадцат минут, а потом у меня закружилась голова, и мне пришлось остановиться.

Мы прошлись по магазинам, сходили в кино и пообедали в ресторане. Уорнеры

попросили Кайла помочь с чем-то, так что развлекались мы в основном втроем. Но никого из нас это совершенно не смущало.

Пока Макс забирал машину со стоянки, Эстер отдала мне письмо, и попросила передать его Томасу. Я настаивала на том, чтобы Эстер встретила с Томом и лично ему обо всем сказала. Но по испуганным глазам подруги я поняла, что она не посмеет. В любом случае кому-то из них будет больно. При таком раскладе больнее всего будет Томасу. Но он сильный парень, так что в любом случае справится. Я не хочу быть гонцом, принесшим дурную весть, но отказать ей я не посмела.

Когда мы сели в машину Ми протянула мне повязку и приказала завязать ей глаза.

— У меня для тебя сюрприз. — Радостно прошептала подруга. — Так что давай, на два крепких узла и поехали.

Я сделала, как она сказала, хотя эта затея показалась мне идиотской затеей. Не люблю сюрпризы, особенно когда тебя везут в непонятном направлении два влюбленных психопата.

— Давай руку, — сказала Эстер, открывая пассажирскую дверь. — Я буду твоим поводырем.

Мы вошли в помещение. В воздухе витал легкий аромат сигарет и спиртного.

— Ты что притащила меня в стриптиз клуб? — Неуверенно спросила я, надеясь, что это не так. — Эстер?

— Нет, сейчас увидишь. Вот, садись.

Я села.

Повязка на моих глазах ослабла, а через мгновение и вовсе спала, мягко приземлившись на мои колени. Глаза слепил тусклый свет, учащенно моргая, я старалась вернуть себе зрение.

На фоне медленно начала играть музыка, заставляя разговоры стихнуть. Эстер улыбаясь, сжала мою руку. Глаза Макса лукаво блестели. Всеобщее волнение витало в воздухе и частично впитывалось в мою кожу.

Что все это значит?

— Смотри... — Взволновано прошептала Эстер. Свет резко погас, лишь один единственный прожектор освещал небольшой участок вокруг микрофона, около которого стоит статный парень, одетый в черную рубашку и классические брюки.

Кайл.

Сердце в груди сделало сальто, пелена тепла расплзлась по моему телу, где-то внизу живота смешиваясь с паническим волнением. Я смотрю на него во все глаза, но не понимаю, все еще не понимая, что происходит.

Мы встретилась с ним взглядом, и он улыбнулся. Все заворуженно смотрели на него, ожидая, что же будет дальше.

У него замечательный голос, несравнимый с каким-либо другим. Кайл не любит петь на публике, мне приходится часами уговаривать его спеть даже для меня. Но, часто сквозь сон я слышу, как ангел напевает мне одну и ту же песню.

Скорее всего, он сейчас на грани панической атаки, но все же его губы приближаются к микрофону и первые строчки песни *Ron Pope — Perfect For Me*, «выплывают» из его уст.

Ты сидишь в ванной и красишь ногти на пальцах ног,

А я сижу на кровати и пою тебе эту песню.

Знаю, бывают и трудности,

*Но так или иначе, наша любовь остается сильной.
Если я могу сделать тебя счастливой,
то это будет смыслом моей жизни*

*Я просто хочу сказать,
Что благодарю Всевышнего за то, что ты со мной.*

*И я знаю тебя слишком хорошо, чтобы без колебаний сказать,
Что ты — само совершенство.
Но ты и сама увидишь, моя любимая,
Что ты совершенна для меня*

Слезы густой, матовой пеленой застилают мои глаза. Я больше не вижу Кайла, Эстер, Макса и остальных присутствующих в этом зале. Я смотрю невидящим взглядом в пустоту, передо мной. словно на большом экране всплывают черно-белые картинки из прошлого, которого я не помнила, но помнил он.

Сон, в котором Кайл подарил мне перо. Первую встречу на моем дне рождения. Тот момент, когда я пела для него песню группы «Зима всегда». Наш танец, на вечере масок в доме Алекса. Свидание на крыше, Алексея, расставание, мои слезы, свадьбу... Мой последний день рождения, свои старые, дрожащие руки и как всегда прекрасного Кайла с глазами полными печали. Я умерла, но любовь в моем сердце жила даже после смерти.

*Я знаю все твои тайны, а ты — мои.
Ты всегда рядом, чтоб поддержать меня, когда я схожу с ума.
Я хотел бы стать достаточно сильным,
Чтобы дать тебе большее,
Я разделю с тобой все, что есть у меня,
И мы будем вместе*

*Столько времени прошло, но я никого
совершеннее тебя не встречал,
В целом мире никто не сможет так меня вдохновить,
как это делаешь ты.
Правда в том, что словами не описать
Нечто, настолько безупречное,
Красота жизни в том, что ты рядом*

*О, моя любимая, я клянусь, ты совершенна,
Да, я обещаю тебе, что ты для меня совершенна*

Музыка по-прежнему играет, но ангел больше не поет. Кайл спрыгивает со сцены и подходит к небольшому столику в углу зала. Через мгновение он снова появился в поле моего зрения, держа в руках шикарный букет темно-алых роз. Его щеки пылают подобно этим розам.

Я не чувствую своего тела. Оно как будто бы растворилось в этом мгновении.

— В мире нет истории любви, подобной нашей... — Раздался его голос из каждого уголка зала. Рука Кайла нервно сжала микрофон, а улыбка стала еще шире. — Не каждому удастся попасть в сказку, но нам удалось. Ты научила меня не просто любить, ты научила меня жить и наслаждаться этой жизнью. Без тебя, я словно серое облако скитался по небу, гонимый ветром по его усмотрению. Я больше не на небе, я там, где всегда хотел быть — рядом с тобой. Ты — мое небо, мой дом, мой Рай, моя жизнь. Ты — это я, Эмили. И по-другому просто не может быть. Давай вместе перепишем нашу историю?

Все это время я сидела с распахнутыми на пол лица глазами. Рука Эстер куда-то исчезла, поэтому я нервно сжимаю подол своего платья.

В мире еще не придумали слово, которое бы в точности описывало то, что я сейчас испытываю, наблюдая за тем, как мой любимый мужчина встает на одно колено и протягивает вперед руку, сжимающую бархатную коробочку с кольцом.

— Эмили Глория Бейли, согласна ли ты разделить со мной Рай?

Когда в фильмах показывают подобные моменты, где парень делает своей возлюбленной предложение, девушки всегда плачут. Я осознала всю трогательность такого момента, но не понимала, что заставляло их плакать. Но Бог свидетель, сейчас я разревелась не меньше киношных героинь. Кажется, я просто состою из огромного потока воды, который заполняет мои уши, глаза и горло.

— Ты выйдешь за меня? — Я вижу отражение своих эмоций в глазах Кайла.

Слезы стекают по моим щекам. Мне кажется, что если я встану — то упаду, распластавшись по полу лужицей слез.

Ладонями я стираю непрерывно льющиеся слезы, собираясь с духом, чтобы подняться со стула. Весь зал замер в ожидании моего ответа.

Сделав глубокий вздох, я медленно встаю и на негнущихся ногах подхожу к Кайлу и потянув его за руку, поднимаю с колен.

— Мое сердце всегда принадлежало только тебе. — Сделав глубокий вдох, произношу я. — Даже когда оно перестало биться — оно продолжало тебя любить. — Из-за подступившего к горлу кома мне сложно говорить. И я расплакалась бы еще сильнее, если бы это вообще было возможно.

Набрав в легкие побольше воздуха, я продолжила:

— Кайл Купер, быть твоей женой — это все, о чем я когда-либо мечтала.

— Ты согласна? — Не веря в услышанное, переспросил он.

— Да! — Повторила я, обнимая его за шею. — Да. Да. И еще тысячу миллионов раз да.

Зал взорвался аплодисментами. Но мы не слышали их. Мы находились в своем собственном, идеальном мире, где два любящих сердца наконец-то обрели друг друга, опираясь на печальный опыт прошлых лет.

Глава 18

ЭМИЛИ

На улице прекрасная погода: на ясном и по-летнему голубом небе светит солнце, а ветер теплый и легкий. Было бы проще, если бы шел дождь или снег. Плохие новости легче преподносить в плохую погоду.

Не знаю, как сказать Томасу, что Эстер не вернется и между ними все кончено. Хотя, скорее всего ему и так все понятно.

Мы договорились о встрече в небольшом парке около Университета.

Том уже на месте.

Даже с такого большого расстояния я вижу, что он сильно взволнован. Зеленая жилетка поверх черной толстовки и копна светлых, соломенных волос. Сидит себе на скамейке с поникшей головой. Его волосы стали чуть длиннее, чем были в последний раз, когда мы виделись. Черт. Его волосы длиннее, чем когда бы то ни было, а это уже пугает. Он настолько погружен в ожидание Эстер, что совершенно не думает о себе.

Каждый мой шаг дается мне с трудом, словно мои ступни сделаны из свинца.

Я буду свидетелем его падения.

Я буду той, кто разобьет его сердце.

Я буду той, кто изменит его жизнь навсегда.

Томас почувствовал, что позади него кто-то стоит. Встав со скамейки и резко обернувшись, он встречается со мной взглядом. Его глаза похожи на замерзший океан и в эту секунду я вижу, как этот океан покрывается миллиардом трещинок, а затем, расколовшись, ссыпается к нашим ногам. Я разбита его уничтоженным видом. Хочу сказать ему привет, но мой язык отказывается повиноваться.

— Она не вернется... — Произносит Том, побледневшими губами. Он не спрашивает. Он подтверждает очевидный факт. Я вернулась в город одна. Эстер выбрала будущее без него.

Тяжело сглотнув, я кивнула.

— Мне жаль. — Наконец-то промямлила я, стыдясь смотреть ему в «разбитые» глаза.

— Я чувствовал это, — он сел обратно на скамейку. — Еще когда она в машину села, чтобы уехать. Все по глазам ее видно было.

— Она просила передать это тебе... — Я вытащила конверт из сумочки и протянула ему. — Не знаю, захочешь ли ты его прочесть.

Он смотрит на него в течение полминуты, но мне кажется, будто вечность прошла.

Пока он его не прочтет, все происходящее будет казаться не настоящим. Глупой шуткой. Страшным кошмаром. Глупым недоразумением. Как только конверт откроется — дороги назад не будет.

Глубоко вдохнув, он забирает у меня письмо.

Я наблюдала за тем, как Том разрывает конверт и достает из него белоснежный листок, исписанный черными чернилами. Выражение его лица меняется слишком быстро, и я не успеваю считывать эмоции, проходящие через него. Но по стоящим в глазах слезам, я поняла, что Эстер его отпускает.

Томас перечитал письмо Ми два раза. А затем с каменным лицом, вытащил из заднего кармана своих джинс зажигалку и сжег его дотла. Теплый ветер подхватил обрывки слов Эстер и закружил их в воздухе.

Пепел крупными черными снежинками кружил вокруг нас, напоминая нам о том, что когда-то эти слова приносили ему счастье. Теперь же это «пепельное счастье» награждает (или наказывает) его болью.

Я помню каждое слово, превратившееся в пепел. Черные, витые буквы, легкого почерка Эстер:

Томас.

Я долго собиралась с духом, чтобы начать этот разговор, потому что не знаю с чего начать. И, наверное, я начну с того, что скажу тебе, как сильно я любила тебя.

Я любила тебя, Том. И порой эта любовь пугала меня. Я полностью растворялась в

тебе и не могла понять, где заканчиваюсь я, и начинаешься ты. Ты был для меня всем: другом, возлюбленным, защитником, миром, воздухом и небом.

Ты был для меня мной.

Я дышала тобой. Мое сердце билось внутри тебя.

Только сейчас я осознаю, как это ненормально, ограничивать свой мир одним человеком. Кажется, словно я жила в страхе, ожидая момента, когда ты уйдешь от меня.

Страшнее чем любить и потерять — жить в ожидании потери. Когда ты во всем ищешь подвох. Пытаешься подловить любимого на лжи. Ищешь несуществующие предпосылки к расставанию.

Я боялась тебя потерять.

Боялась, что без тебя в моей жизни ничего не останется. Но теперь я боюсь провести в этом страхе всю свою жизнь.

Этот страх сковывал меня на протяжении стольких лет, и только сейчас я наконец-то почувствовала себя свободной.

Не красиво заканчивать нашу историю с помощью письма, но если я увижу тебя — то не осмелюсь уйти.

Ты подарил мне самые лучшие и в тоже время самые худшие моменты в моей жизни.

Прошу, не ограничивай мой мир только собой. Отпустив меня, ты сам получишь заслуженную свободу. Мы слишком долго дышали друг другом и практически задохнулись. Постоянные ссоры перекрывали мне воздух, заставляя терять сознание. И только теперь, находясь в этом городе, я научилась жить и дышать без тебя.

Я верю, что однажды и ты научишься этому.

С любовью, Эстер.

Томас ушел. Ободряюще сжав на прощание мое плечо. Этим небольшим жестом он показал мне, что не держит на меня зла. Несмотря на то, что я была тем самым гонцом, принесшим дурные вести. Хотя, он и так знал, чем все закончится.

А я все никак не могла отделаться от одной мысли: *как такая прекрасная вещь, как любовь, может приносить столько невыносимой боли? И зачем люди идут на это, заранее зная, что эта война будет проиграна?*

Кажется, что если не любить никого, то и жить проще. Никто не разобьет твое сердце. Никто не будет трепать твои нервы, заставляя без конца волноваться. Никто не принесет тебе завтрак в постель и из-за спешки не забудет добавить сахара в твою кружку кофе. Никто не спросит: «А что тебе снилось?», «Тебе холодно?» или «О чем твои мысли?».

Кажется, что если не любить, то и жить проще...

Нет.

Если не любить, то проще совсем уж не жить.

Глава 19

КАЙЛ

Сегодняшним вечером в доме Вудбери состоится очередная вечеринка. «Подснежник», они празднуют его каждый год, в первую субботу марта. Паршивые традиции в паршивой семейке, частью, которой когда-то была моя Эмили. Не знаю, зачем я постоянно напоминаю себе об этом.

Эмили волнуется, так как сегодня она должна будет как можно больше общаться с

Алексом, пока Даниэль будет отвлекать стержовозную Нору. Эта дамочка только ему будет по зубам, никто другой просто не справится с таким количеством яда.

Если я похож на сдувшийся шарик, то Эмс, словно зайчик на батарейках, суетится весь день и не может найти себе место. В доме Уорнеров слишком шумно, мне пришлось вернуться домой, чтобы хоть немного выспаться перед долгой и тяжелой ночью.

Чтобы избежать сюрпризов и непредвиденных поворотов, нам пришлось придумать не просто план, а целую систему действий. На это у нас ушел целый месяц. Мы потеряли большой промежуток времени, только на то, чтобы обычный придумать план. Улитки передвигаются быстрее, чем мы думаем. Если так и дальше пойдет, то мы провалим все, даже не дойдя до середины.

Не успел я и глаза сомкнуть, как в квартире раздался дверной звонок. Я начинаю ненавидеть подобные ситуации. В прошлый раз, когда дверной звонок застал меня врасплох — пропала Мия. Надеюсь, сегодня кто-то принес хорошие вести.

Внизу намного прохладнее, чем на втором этаже. Эмс открыла окно перед уходом, а вернувшись, я забыл его закрыть.

Дверной звонок проорал еще несколько раз.

— Да иду я, иду. — Пробубнил я в полный голос, потирая еще сонные глаза. — Незачем так трезвонить.

На пороге стоял гость, которого я меньше всего ожидал здесь увидеть. Сердце мое болезненно сжалось при виде родного лица.

— Мама? — Удивленно произнес я, застыв на месте.

— Сынок. — Улыбка озарила ее ровное, светлое лицо. Она неловко переминалась с ноги на ногу, сжимая в руках черный чехол для одежды.

Я запустил ее внутрь.

— Прости, но я здесь с не очень приятными новостями.

И почему я не удивлен?

— Присаживайся. — Я подошел ближе к дивану, пропуская маму вперед.

Она неловко замялась на месте, но вдруг решившись, подошла ко мне и нежно обняла. Я стоял как истукан, держа руки по швам. Мне хотелось ее обнять, но по какой-то причине я не смог этого сделать. Не знаю, что сдерживало меня. От нее пахло миндалем и дождем — мой запах из детства.

Мама отстранилась и быстро смахнула выступившие на глаза слезы.

— Прости, я просто скучаю по тебе. — Ее мягкие черты лица, озарились улыбкой. — По тебе и по Адаму. Мне так и не удалось его найти. Но я счастливая, что у меня есть возможность видеться с тобой. Пусть и не так часто, как мне бы хотелось.

— У меня остались только вы с Эмили. Этого больше чем достаточно.

— Мне так жаль это слышать милый. — С сочувствием произнесла мама. — Как бы я хотела, чтобы все было как раньше. Когда мы вчетвером жили в Эдеме...

— Мама, прости. — Прервал ее я. — Но ты явно пришла сюда по другому поводу.

— Да, ты прав. — Собралась она. — Милый, сегодня «падшие» нападут на дом Вудбери. — В вечно молодых глазах мамы стоял страх. — Они знают, что Аманда оставила Алексу медальон. И знают, что она попросила сына подарить его своей будущей супруге. Сегодня он планирует объявить о помолвке.

— Один из людей Дарка работает на твоего отца. Вчера вечером у них состоялась

встреча. «Падшие» знают о вашем плане. Я не знаю, кто им рассказал об это. — Она ответила раньше, чем я успел задать вопрос. Должно быть, все мои мысли написаны на моем лице.

Я слушаю ее сбивчивое объяснение не в силах прервать.

— Мама, я не понимаю...

— Выслушай меня, милый. — Она приложила ладонь к моим губам, прося помолчать. Ее голос перешел на шепот, что встревожило меня до жути. — Кто-то хочет тебе навредить. Вместо невесты Алекса «падшие» убьют Эмили. Ты должен сделать все, чтобы помешать этому. Ты меня понимаешь?

— Я не понимаю. — Усевшись на диван, я схватился за голову. *Откуда им все известно? Кто мог рассказать об этом? Кто еще, кроме узкого круга людей, знает о том, что случилось со мной?* — Как такое возможно?

— Я не знаю сынок. — Нежно произнесла она. — Твой отец попросил меня прийти сюда.

— Что? — Я резко вскинул голову, не веря своим ушам. — Тебя прислал отец?

— Да. — Честно ответила мама, беря меня за руку. — Дарк хочет «выбросить» тебя из этой погони. Они планируют убить Эмили и Алекса сегодня вечером.

— Но почему Эмили?

— Они думают, что она владеет одним медальоном, а Алекс вторым. Если владельцы будут мертвы — они смогут свободно забрать медальоны.

— Боже, хоть бы раз все прошло по плану.

Кто-то настучал Дарку о фигне, произошедшей со мной, рассказал о том, что я помню будущее и один из медальонов лежит в моем кармане. Точнее в кармане Эмили. Сегодня к Алексу заявимся не только мы, но и «падшие».

— Что мне делать? — Я с надеждой посмотрел на маму, зная, что просто так она бы сюда не пришла. У мамы наверняка есть план. — Мама?

— Вот. — Она протянула мне черный чехол для одежды, я непонимающе принял его. — Здесь платье для Эмили, а так же парик и маска. На девушке Алекса будет похожее платье. Их попросту перепутают.

— Тогда погибнет Нора? — Спросил я.

— Или она или Эмили. — Глаза мамы полны сожаления. — Сложный выбор, но принимать его тебе. Просто не забудь ровно в два часа ночи снять с Эмили парик и маску.

Если мне нужно перебить половину человечества ради Эмили — я сделаю это. Если мне придется умереть, чтобы спасти ее — я сделаю это. Если Нора должна умереть, чтобы выжила Эмили — она умрет. Все ясно как день. Мне противно от самого себя, но я не могу поступить иначе.

— Что еще тебе известно?

Глава 20

КАЙЛ

Мы на месте.

Слишком большое, трехэтажное здание пылает подобно новогодней елке. Кто-то сильно перестарался с гирляндами, превращая «Подснежник» в школьный бал малолеток.

На фоне высохшего, бледно-желтого газона и неряшливых, сонных деревьев, подобная картина выглядит ужасающе. Этот дом, словно призрак из старого фильма ужасов. Того и

гляди выбежит чувак с топором и начнет всех убивать. Но лицо моей любимой просто сияет от восторга, голубые глаза распахнуты так сильно, что в них, как в зеркалах отражаются огни дома. Дом ужасен, а вот она прекрасна.

Мама подобрала ей темно-синее (почти черное) платье, с россыпью каких-то камней. Камни на платье, как и ее глаза, отражают свет от гирлянд и сияют, подобно звездам. Тело Эмили окутано тонкой вуалью ночного звездного неба.

— Тут восхитительно! — Восторженно произнесла она, сжимая мою руку. Она не могла отвести глаз от дома, а я от нее.

— Это ты восхитительная. — Ответил я, прижимая ее к себе. Эмс хихикнула и шутливо толкнула меня в бок. Ее бледные щеки залились румянцем.

Позади нас подъехали и остановились еще две машины. Одна из которых принадлежала братьям. Я не согласился ехать вместе с ними. Не хочу, чтобы Эмили сближалась с Уорнерами, так как в любом случае ей придется с ними расстаться. Если у нас все получится — братья смогут вернуться в Эдем, если не получится — все «падшие» умрут. Я знаю, что лишать ее Мила и всех будущих воспоминаний о нем не справедливо, но и лишняя боль утраты ей ни к чему.

— Вы двое омерзительны. — Буркнул Дани, смерив нас презрительным взглядом. — Особенно ты, — обратился он к Эмс, она растерянно перевела взгляд с меня на Даниэля, а с него на Милана. — Ты ужасно выглядишь в этом платье. Что это за платье такое? Что за вырез? У моей покойной бабушки было точно такое же. — Эмили растерянно осмотрела свой наряд. Слова Дани сбили ее с толку, она никак не могла сообразить, серьезен он или всего лишь издевается.

Мы с Милом слишком хорошо знаем Даниэля, чтобы каждый раз реагировать на чушь, придуманную им. Парень боится слабости, от этого в моменты, когда это он свою чувствует слабинку, включается защитный механизм. Даниэль начинает вести себя, как последний придурок, говорит и делает ужасные вещи. Специально причиняет боль своим близким, чтобы оттолкнуть их от себя. Эмили всегда была его слабостью. Он переживал за ее жизнь больше, чем за свою собственную. Оттого-то в прошлый раз он и отдал ее, не раздумывая, спасая Эмс. А раз Эмили его слабость (а так же и его гибель), он сделает все, чтобы оттолкнуть ее от себя так далеко, как только это возможно.

— Эй, хватит нести чушь. — Вступился старший Уорнер. Эмили уже достаточно услышала и вот-вот расплачется, но к счастью не делает этого. — У нас никогда не было бабушки.

— Ой, да брось. — Рассмеялся младший Уорнер. — Если бы моя гипотетическая бабушка умерла, я бы похоронил ее в точно таком же платье.

Из меня вырвался смешок, что удивило всех присутствующих.

— Зато ты прекрасно выглядишь, — спокойно произнесла Эмили, глядя прямо на Даниэля. — Тебе идет этот галстук.

Даниэль растерялся. Скажу честно, я впервые вижу растерянного Даниэля. Он ждал любой другой реакции: злость, слезы, скандал и драку. Но никак не это. Моя девочка, сделала его, даже не запачкав ручки.

Мил ободряюще похлопал брата по плечу и направил его в сторону «горящего» дома.

— Чтобы привлечь ее внимание, — тихо произнес Милан. — Тебе надо придумать что-то поинтереснее. Эта девочка предугадывает все твои действия на два шага вперед, так что запросто тебя обыграет, брат.

— Это мы еще посмотрим. Брат.

В доме Вудбери полно гостей. От бизнесменов с их женами до дипломатов с любовницами. Расфуфыренные, как на параде, только рейтузов им не хватает для полного комплекта.

Алекса нигде не видно. Эмили волнуется, теребя браслет на своем запястье. Она явно чувствует себя не в своей тарелке. Я бы тоже нервничал, если бы мне было не все равно.

— Вы только посмотрите на женщин. — Нервно хихикнув, произнесла Эмили разглядывая дам одетых по последней моде. — Их платья стоят целое состояние, не говоря уже об украшениях.

Даниэль наклонился к Эмс и прошептал что-то на ухо. Она побледнела. Ее рука метнулась вверх, к колье из белого золота, и трепетно пробежалась по нему пальцами.

— За эти деньги можно было построить небольшую деревню в Африке. — Ее глаза, как большие блюдца всматриваются в лицо смеющегося Даниэля. — Не смей смеяться, Дани. — Обижено прошипела Эмс, ударяя его по плечу. Это еще сильнее рассмешило младшего Уорнера. Мы с Милом ели сдерживали улыбку. Эмили смешная, когда злиться.

Боковым зрением я улавливаю какую-то суматоху в зале. Гости засуетились, голоса стихли. Я повернулся на шум, ища предмет волнений и нашел его. Слишком быстро, чем мне бы хотелось. Алекс Вудбери. Собственной персоной.

Собираясь сюда, я не знал чего ожидать. Не знал, что почувствую при виде него. Более старая версия Алекса Вудбери вызывала у меня уважение, за то, что он был опорой для моей любимой. Этот Алекс, вызывает во мне чувство гнева и ненависти.

Вот он, муж моей возлюбленной, отец моего друга, дедушка девушки, в которую влюблен мой сын. Раньше я считал его своей семьей. Я был на его похоронах, чтобы поддержать Эдисон. Сейчас же я вижу своего врага.

Уорнеры и Эмили тоже заметили перемену в зале и, прекратив споры, уставились на Алекса Вудбери. Рядом с ним был его отец. Поприветствовав гостей короткой речью: *«Мы рады приветствовать вас всех в нашем доме. Надеюсь магия вечера не оставит вас равнодушными!»*, они разошлись в разных направлениях.

Эмили подалась чуть вперед, всматриваясь в лицо Алекса. Я вижу, как в ее глазах отражается узнавание. Мое сердце пропускает тысячи ударов, прекращая биться. Она его помнит. Эмили помнит Алекса. Это не может быть правдой. Только не это.

— Ник? — С сомнением произносит она, прищурив глаза. — Это же Ник.

Ник?

Она движется вперед, я пытаюсь поймать ее руку, чтобы остановить, но не успеваю. Эмили проскальзывает между гостями, направляясь напрямиком к Алексу.

— Что происходит? — Встревожился Мил, видя мою реакцию.

— Это Алекс Вудбери. — Еле живым голосом произнес я, не отводя взгляда от Эмили. — И Эмили только что узнала его.

— Как такое возможно? — Даниэль тоже не на шутку переполошился.

— Понятия не имею.

Еще издали Алекс замечает Эмили и начинает улыбаться. Никто из нас не понимает что происходит. Я вспоминаю это имя. Ник — так звали парня из Ревайвля. Друг Макса Холланда. Какой же я идиот. Александр Николай Вудбери. *Ник*.

— Кайл, — радостно произнесла Эмили, когда я присоединился к ним с Алексом.

Даниэль и Милан остались в стороне. — Это Ник. Я тебе о нем рассказывала. Мы познакомились с ним на фотосъемке у Макса Холланда.

— Я слышан о Вас. — Дружелюбно отозвался Алекс, протягивая мне руку. Я улыбался, как мог, сдерживая злость. Кажется, парень даже не заметил мою не дружелюбность. — Николай, мое второе имя. Так что приезжая в Ревайвл я стараюсь использовать его. Здесь меня знают как Алекса. Алекса Вудбери.

Я холодно улыбнулся. Эмили застыла, как вкопанная. Мне пришлось обнять ее за талию, чтобы ноги ее не подвели, и она не рухнула прямо на пол. Никто из нас не ожидал такого поворота. Молчание затянулось и чтобы скрыть всю неловкость момента, я произнес:

— Очень приятно познакомиться, Алекс. Вы умеете удивлять.

— Я на это не рассчитывал. Эмили, извини, если ошарашил тебя.

— Все в порядке, — мягко произнесла она, сжимая мою ладонь. — Просто я не ожидала.

— Вот ты где. — Раздался звонкий, приятный женский голос позади нас. Мы с Эмили обернулись. — Я везде тебя ищу.

Хрупкая девушка небольшого роста в платье напоминающем платье Эмили подошла к Алексу и нежно поцеловала его в щеку. Ее русые волосы собраны в пучок, открывая симпатичное, фарфоровое лицо.

— Милая, — ласково произнес Алекс, привлекая к себе девушку. — Познакомься, это Эмили, я рассказывал тебе о ней. Мы познакомились в Ревайвле. И ее молодой человек, Кайл. — Он смотрел на девушку, прижимающуюся к нему с любовью и трепетом. — А это Алиса — радость всей моей жизни, хозяйка моего сердца. В конце вечера мы планируем объявить о помолвке. Но пока это секрет.

— О, Эмили. Рада наконец-то познакомиться с Вами.

— Да, я тоже, — отозвалась Эмили. — И поздравляю.

— Спасибо.

— Как жаль, что тебе пришлось уехать. — Сказал Алекс. — Ужин был изумительным. Эстер вела себя довольно мило, что окончательно снесло голову моему другу. Мне кажется, он влюбился.

— Я думаю, с Эстер произошло то же самое.

Я потерял суть разговора, пытаюсь понять, что происходит. Какого хрена это все значит? Вместо стержневой Норы рядом с Алексом стоит прелестное создание. Которое излучает доброту, милосердие и любовь. Они смотрят друг на друга глазами полными любви и обожания. Мы с Эмили смотрим друг на друга точно так же. Я готовился к смерти Норы, но вместо нее сегодня погибнет Алиса.

Мама не ошиблась с платьем. Они очень похожи, несмотря на то, что совершенно разные. Платье Алисы более закрытое, черное и без россыпи камней. Но в суматохе, с масками на лицах вряд ли кто-то заметит отличие.

— Дамы и господа! — Послышался властный и неестественно мягкий голос отца Алекса. — Время одеть маски. Магия «Подснежника» начинается.

Свет погас. Через мгновение зажглись сотни мелких лампочек. Высокий потолок стал похож на звездное небо.

Эмс наблюдает за танцующими гостями, чьи красивые наряды пестрят в тусклом

освещении. Маски на их лицах делают этот прием загадочным, мифическим и завораживающим. Меня же посещает чувство *deja vu*,⁵ и я не могу оторвать взгляда от своей любимой.

В ней нет вульгарной красоты. Она сделана из мягкости, нежности и очарования. В ней полно недостатков и именно они делают ее прекрасной. Темно-синее платье подчеркивает кожу, цвета миндаля, а из-за темного парика и маски на лице ее голубые глаза кажутся еще более яркими.

Моя любимая. Мой ангел. Мое спасение. Весь мой мир лежит у ее ног, а она даже не подозревает об этом.

— Пойдем, потанцуем? — Алиса посмотрела на Эмили с надеждой в глазах. Они познакомились несколько минут назад, а девушка ведет себя так, словно они уже лучше подружки.

Эмс нервничает. Ей не нравится быть в окружении богатых людей, хотя сама она далеко не из бедных. Если собрать вместе денежные счета всех присутствующих выйдет примерно тридцать процентов от того, что есть у нас.

Алиса все еще ждет, протянув к Эмили руку.

— Иди. — Подталкиваю я свою любимую. Она несколько мгновений смотрит на меня, пытаюсь понять в серьез я, или же нет, но все же соглашается и уходит вместе с Алисой.

Она танцует, как падающий на землю снег. Она — видение, мираж посреди пустыни. Мягкая и волшебная, танцует в кругу опьяневших богачей. Такая дорогая, обвешанная украшениями, которые стоят целое состояние, но по-прежнему такая легкая и простая. Почти невесомая.

Хочется взять камеру и запечатлеть этот момент на века. Я не доверяю своей памяти, однажды и ее у меня отнимут. Но я хочу запомнить Эмили такой: маленькой, нежной, почти прозрачной.

Алекс по другую сторону зала, так же как я смотрю на Эмили во все глаза. Но я знаю, что она танцует для меня. Она моя. От кончиков волос до кончиков пальцев. Пусть смотрит сколько душе угодно, все равно на большее он может даже не рассчитывать. Жить ему осталось не больше часа.

— Потанцуем? — Отвлекаю ее я, зная, что скоро объявят медленный танец.

Эмили неуверенно смотрит на мою протянутую руку, не решаясь принять приглашение.

— Ты же знаешь, танцор из меня никудышный. — Эмс пытается улыбнуться, но губы ее не слушаются.

— Ты прекрасно танцуешь. — Я ловлю ее ладонь и подношу ее к своим губам. — Просто доверься мне.

Она с секунду смотрит на меня, взвешивая все за и против. Я не тороплю ее, хотя внутри просто сгораю от нетерпения и к тому же «*love out of lust*» уже практически подошла к концу и вот-вот заиграет новая мелодия.

— Ну же, — улыбаюсь я, сжимая ее ладонь. — Смелее. Я рядом.

Она отвечает на мою улыбку с таким видом, словно сама не верит в то, что согласилась на это.

Я веду Эмили в самый центр зала. Туда, где каждый из присутствующих сможет увидеть наш танец.

Изящные ручки Эм обвиваются вокруг моей шеи. Мои ладони сжимают ее тонкую талию. Пальцы касаются оголенного участка кожи на ее пояснице, от этого все мое тело сходит сума.

Я уже слышу первые аккорды песни, которую я заказал специально для нас. Все как тогда: волнение в глазах, маски на лицах, страсть в наших телах, а любовь правит сердцами.

Я впиваюсь пальцами в ее талию и начинаю вести в танце. Глаза Эмс распахиваются от резкой перемены ритма. Она обескуражена, удивлена и заморожена моими движениями. Ритм «*Dance without you*» и танец поглотили нас.

Мы не видим ничего кроме глаз друг друга.

Все что мы слышим: это страстная музыка и биение наших сердец. Эмили не помнит этот танец, но я его помню.

Это один из лучших моментов в моей жизни. В тот день я окончательно понял, что, не смотря на то, что Старейшины стерли Эмили память — она по-прежнему меня любит.

Сейчас я даже не смею в этом сомневаться. Если раньше, я боялся того, что она встретит Алекса и снова выберет его вместо меня, то сейчас я понимаю всю глупость этого опасения. Она меня любит. Любит так сильно, что совершенно не замечает других. Она верит в нас всем сердцем и будет бороться за эту веру до последнего вдоха.

Откуда в таком крохотном, хрупком создании столько любви и силы духа? Я горжусь тем, что ее сердце выбрало меня.

— На нас все смотрят... — Ее глаза наполнились страхом, а на щеках выступил небольшой румянец. Эмили взволновано окинула взглядом образовавшуюся вокруг нас толпу. — Почему они на нас смотрят?

— Потому что я танцую с самой красивой девушкой на этом приеме. — Ответил я, бросая взгляд в сторону больших, настенных часов. Почти два часа ночи. Скоро на прием заявятся падшие ангелы и будут искать Эмили. Пора снимать маскировку.

Аккуратно, не прекращая танец, я стаскиваю с головы Эмили темный парик. Ее вьющиеся, белые локоны водопадом рассыпались по плечам.

— Так ты еще красивее. — Шепчу я Эмс на ухо, швыряя парик ближайшему официанту. Молодой парень резко ловит его на лету, за секунду до того как он угодил бы ему в лицо. Хорошая реакция, ничего не скажешь.

— Слава Богу, — улыбаясь, выдохнула Эмс. — Он ужасно не удобный.

— Напомни мне никогда не носить парики. — Прошептал я ей на ухо, вызывая у нее приступ смеха. Я люблю ее смех, волосы, глаза, губы, нежную кожу. — Я люблю тебя, Эмили.

— И я люблю тебя, Кайл.

В этот момент моя ладонь заскользила вниз по талии Эмили, направляясь прямо к ее бедру. Я нежно провел по нему пальцами, а затем, приподняв, я прижал его к своему бедру, я наклонил Эмили так низко, что ее белые локоны рассыпались по полу.

Глава 21

ЭМИЛИ

— Кажется, я не могу дышать, — радостно произнесла я, принимая вертикальное положение.

Наша песня закончилась, и раздались громкие аплодисменты. Я почувствовала, как мое лицо залилось краской. Не люблю быть в центре внимания. Но с Кайлом невозможно

оставаться в тени. Улыбаясь, он притянул меня к себе и нежно поцеловал.

— Даниэль! — Раздался голос Мила неподалеку от нас. — Куда ты?

Даниэль протискивался в сторону выхода, задевая по пути гостей. Те возмущенно смотрели ему в след. —

— *Какая невоспитанность...* — Слышался шепот негодующих дам.

— Я поговорю с ним, — я поцеловала Кайла, наслаждаясь нашим моментом, а затем последовала вслед за Даниэлем.

Я нашла его в саду. Он уселся на скамейку в тени полуголых деревьев, из приоткрытого рта вырываются охапки пара, превращаясь в полупрозрачные облака.

— Что на тебя нашло?

Я остановилась в нескольких шагах от него, пронизывая взглядом его спину.

Даниэль сидел, ссутулившись, сжимая в руках полупустую бутылку вина. Наверное, отобрал у одного из официантов по дороге сюда. Уже давно за полночь, я совершенно потеряла счет времени. На улице холодно и без верхней одежды я не смогу находиться здесь слишком долго. Надеюсь, Даниэль быстро образумится и вернется внутрь. Мне спокойнее, когда Дани и Мил находятся где-то неподалеку, в поле моего зрения. Так я всегда знаю, что ни в порядке и с ними ничего не случилось.

— Ничего. — Огрызнулся Дани, даже не повернувшись ко мне. — Возвращайся к своему принцу, у вас прекрасно получается развлекать публику.

— Даниэль. — Почему с ним никогда нельзя по-хорошему? Почему этот упрямец понимает только по-плохому? — Хватит вести себя как полное дерьмо.

Он развернулся ко мне лицом.

— Я и есть дерьмо, Эмили. — Резко ответил Дани. — Зачем скрывать истинную сущность?

— Ты не дерьмо. — Возмутилась я. — Ты хочешь казаться таким, но зачем? Ты же лучше этого?

Я жду его ответа, но он молчит. Подносит вино к губам и осушает примерно треть бутылки. Мое терпение лопается. Я подхожу к нему, вырываю вино из его рук и выливаю его наземь.

— Эй, что ты делаешь? — Запротестовал Даниэль.

— На сегодня тебе уже хватит.

— Ты мне не мама. — Огрызнулся он. — Ты мне вообще никто.

— Я так не считаю. Я думала мы друзья.

— Я не хочу, чтобы ты была моим другом, Эмили.

Я молчу. Хотя бы потому, что не знаю, что ему ответить. Даниэль все равно не слушает меня. С чего бы ему меня слушаться? Он меня не уважает. Мое мнение для него ничто.

— Кажется, все в этом чертовом мире заслуживают счастье. Все кроме меня разумеется. — Я нахожусь так близко к Даниэлю, что чувствую сильный запах алкоголя исходящий от него. Он выпил гораздо больше, чем позволено и теперь совершенно не держит себя в руках. Мне хочется отругать его за то, что он перебрал, но я не имею права.

На улице так темно, что если я сделаю два шага назад, то перестану видеть его лицо.

Даже пьяный и растрепанный он выглядит необыкновенно привлекательно. Вся эта небрежность ему к лицу: развязанный серо-голубой галстук, подчеркивает цвет его теплых

глаз, белая рубашка выбилась из-под пояса и теперь свисает поверх брюк. Он похож на мальчишку-хулигана, который напился и сбежал со школьного бала, чтобы сделать сюрприз своей возлюбленной. Такой живой, ясный и веселый. Такой глубокий, вспыльчивый, томный и коварный. В нем сочетаются совершенно не сочетаемые вещи: добро и зло, похоть и невинность, радость и печаль, желание и презрение, любовь и ненависть.

— У Милана была Хлоя, у Михаэля Катарина, даже у моего отца была мама. — Егс голос звучал невнятно, мне приходилось прислушиваться, чтобы разобрать слова. — А у меня никого не было. У меня никого нет, Эмили.

Его пронзительные голубые глаза впились в мои. Я как загипнотизированная смотрела на него и не могла отвернуться. Мне хорошо известно, какого это, быть одной. И если бы в моей жизни не появился Кайл... Возможно, и меня бы уже не было. Я бы погрязла в одиночестве и рано или поздно прекратила эту агонию. Да только вот Дани этого сделать не может.

— Даже у этого придурка Кайла, есть ты. — На его губах играла кривоватая улыбка. — Ты не думай, я ничего против него не имею, просто он жутко раздражает. Как ты вообще его терпишь?

— Я люблю его. — Честно ответила я. — В любимом человеке нечего терпеть. Он весь мой, со всеми недостатками. Я люблю его злым, веселым, грустным, потерянным, сильным и слабым. И ты однажды полюбишь.

— Я бы мог полюбить тебя. — Мое сердце екнуло от неожиданности. Мне хотелось ответить ему хоть что-то, как-то поддержать или пообещать чего-то, но я не могу. Мне нечего ему сказать и Даниэль понимает это. Грустно рассмеявшись, он уткнулся взглядом в сырую землю и принялся выводить носком ботинка какие-то узоры. — Но ты любишь Кайла.

— Мне жаль.

— И мне.

Вдалеке из дома доносилась приглушенная музыка. Я молчала. И это молчание мраморной плитой лежало на наших плечах. Лишь через пару минут Даниэль посмел поднять на меня свой взгляд.

— Да не смотри ты на меня так! — Что есть силы, закричал Даниэль, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности. Еще ни разу я не слышала, чтобы он до такой степени повышал голос. Да он и сам удивился, что способен на это.

— Распахнула свои невинные глаза и смотришь так жалобно, что душа на изнанку выворачивается. Да, я живу как злобный клоун, шучу и прикалываюсь над всеми, принимаю на себя весь негатив, лишь бы близким мне людям стало легче. Не надо меня судить, и жалеть не смей.

К горлу подступил комок не пролитых слез, я боялась отвести от него взгляд или даже просто моргнуть, потому что знала, что моментально расплачусь.

— Я понимаю, что у тебя синдром супермена, — тяжело вздохнув, произнес Даниэль. — Ты хочешь всех спасти. Но меня спасти не надо.

— Еще как надо, — возразила я. — Взгляни на себя. На кого ты похож? Сидишь тут, жалеешь себя, залечивая раны алкоголем.

— Каждый справляется, как может.

— Прости, но ты не похож на человека, который «справляется».

— Ты забыла? — Усмехнулся он. — Я не человек. Я — падший на самое дно ангел. Да только вот ангельского во мне ни капли не осталось.

Вечно сильный, несломляемый мужчина сейчас на моих глазах превратился в обычного человека, внутри которого царит хаос чувств и эмоций. Он настолько боится быть слабым, что закрывшись от всех, кажется каменным.

— Дани, я... — Начала я, но он прервал меня.

— Даже не пытайся, Эмс. — Кивнув, он указал на что-то позади меня. — Иди. А то твой возлюбленный уже волнуется. Приревнует еще.

Обернувшись, я увидела Кайла стоящего на дороге. Лицо его выглядело взволнованным, он явно чувствовал всю напряженность нашего разговора, поэтому не спешил вмешиваться. Давая нам возможность закончить разговор.

— Даниэль, ты же знаешь...

— Эмили иди уже. — Его голос звучал угрожающе. Он снова вернулся в свой образ придурка. — Я как-то справлялся без тебя и в этот раз справлюсь... Так что, Барби иди к своему Кену.

— Дани? — Он снова поднял на меня свои пронзительные голубые глаза, которые из-за огромного количества алкоголя в организме казались стеклянными. — Почему ты постоянно делаешь мне больно?

— Потому что могу... — Коротко ответил он, давая понять, что наш разговор окончен. И я ушла от него. Даниэль Уорнер хотел меня задеть и у него это получилось.

Глава 22

КАЙЛ

Эмили расстроилась. Я не слышал, о чем был их разговор с Даниэлем, но они оба выглядят весьма раздраженными. В течение часа я подсовывал Дани стаканы с водой, надеясь на то, что он успеет протрезветь до появления «падших». Эмили сняла парик и маску, так что теперь под описание мамы подходит только одна Алиса. Падшие ангелы уже среди нас, просто мы пока не замечаем их в толпе.

Через пять минут все начнется.

— Надо увести отсюда Эмили. — Шепотом говорю я, обращаясь к братьям. — Кто из вас этим займется?

Я смотрю на Уорнеров, пытаюсь сообразить, за кем из них пойдет Эмили. И не могу решить. От Даниэля здесь не будет никакого толку но, он пьян и в случае чего не сможет ее защитить. Но его невменяемость заставит Эмили помочь ему привести себя в порядок.

Я уставился на Даниэля, вынуждая его, согласится на роль няньки.

— Ладно, — согласился он. — Но если она меня убьет, это будет на твоей совести.

— Без проблем, — ответил я, смотря прямо в глаза Уорнеру. — Даниэль, удерживай ее там любой ценой. Чтобы не случилось, не давай ей выйти, пока здесь все не утихнет.

— Ты втянул ее во все это, — твердо произнес я. — Если с ней что-то случится — я убью тебя.

Он решительно кивнул, понимая всю серьезность моих слов.

— Поверь мне, Кайл, я сам не захочу жить.

— Эмили! — Я повернулся к своей девушке, приветливо болтающей с какой-то женщиной, привлекая ее внимание. Эмили извинилась перед собеседницей и подошла ко мне. — Даниэлю плохо. Ты не могла бы проводить его в туалет и присмотреть за ним немного. Нам с Милом надо найти Алекса и поговорить насчет медальона.

— Нет проблем. — Сразу же отозвалась Эмс и увела пошатывающегося Даниэля в

сторону уборных. Надеюсь, там она будет в безопасности.

Не прошло и пяти минут, как весь свет погас. Отовсюду начали раздаваться ужасающие вопли.

Женщины кричали, так, словно их пронзают стрелами.

Все ринулись к выходу, толкая друг друга.

Мы не двигались с места. Наблюдая за происходящим из-за большой колонны.

Где-то разбилось стекло, осколки звонко ударились об пол.

«Я знал, на что шел», — мысленно повторял я.

Люди в панике. Все выходы из дома перекрыты. Никто не может выбраться наружу. Какофония звуков просто разрывала мои уши.

Раздалось три выстрела. Гости в ужасе замолчали.

В центре зала стоят человек десять, не меньше. Все в черном, на лицах маски в руках автоматы. Их взгляд пробегается по толпе в поисках кого-то, кого они не находят среди нас.

— Алекс планирует сегодня подарить медальон своей возлюбленной. — Я сжимаю ладони матери, словно спасательный круг. Они кажутся холодными и ненастоящими. — «Падшие» знают это, поэтому будут искать его при Алексе. Но у Алекса его не будет.

— Я не понимаю.

— Он оставит его в круглом столике около небольшой сцены. — Мама кажется слишком встревоженной, почти на грани срыва. Прежде я никогда не видел ее настолько испуганной. — Ты сразу поймешь, о чем речь.

— Ищите дальше. — Произнес противный голос, который я сразу же узнаю. Люк. Ублюдок, который пытался убить Эмили. — Они должны быть где-то здесь.

Трое человек в черном отделились от группы и проследовали вглубь дома. Они ищут Алекса и Алису.

Я внимательно вслушиваюсь в ее слова, стараясь запомнить как можно больше информации.

— Как только появится возможность, подберись к нему. Когда услышишь выстрелы, — мама нервно сглотнула. — Забери медальон и сделай все возможное и невозможное, чтобы «падшие» не поняли, что он у тебя.

— Это не сработает. — Возразил я. Медальон под магической защитой, его нельзя украсть. — Он вернется к своему владельцу.

— Милый, — она с сочувствием посмотрела на меня. — Ему будет не к кому возвращаться.

Я вижу небольшой, круглый столик, о котором говорила мама. Внутри него находится медальон. От меня до него примерно десять метров. Десять метров разделяют Уорнеров от билета домой. Мил проследил за моим взглядом.

— Даже не думай. — Прошептал он.

— Мне надо добраться до него.

— Тебя убьют.

— Ты не можешь быть в этом уверен. — Запротестовал я, не сводя взгляда со стола.

— Не будь глупцом. — Милан схватил меня за запястье, останавливая.

— Люк, — слышался бас из глубины дома. — Вот они.

— Всем лечь на пол, — командовал он. — Лицом вниз. Я убью каждого, кто осмелится меня послушаться.

Мил делает как велено и тянет меня за собой. Я лишь надеюсь, что Эмили в безопасности и если что Даниэль сумеет ее защитить.

Люди Люка выходят из комнаты, в последний раз окинув ее взглядом. Путь чист. Я медленно встаю и двигаюсь в сторону столика. Позади слышны протесты Милана. Но мне некогда препираться с ним. Я должен достать медальон.

Когда я наконец-то добираюсь до стола — раздаются два быстрых выстрела. Я резко выдвигаю ящик и смотрю на пустое пространство в нем. Медальона здесь нет.

Его.

Здесь.

Нет.

Люк возвращается.

Я не успею добраться до своего места, а здесь негде спрятаться. Все как на ладони. Ни одного укрытия.

— Кайл. — В панике шепчет Милан, его холодные глаза наполнены ужасом.

У меня лишь два выхода: попытаться укрыться за колонной (где меня, скорее всего сразу же найдут) либо укрыться на полу за сценой, рассчитывая на то, что в темноте меня просто не заметят. Я выбираю второе.

Топот ног врывается в зал, и направляются к круглому столику, где еще минуту назад стоял я.

— Его здесь нет. — Выругался Люк. — Чертов ублюдок, соврал нам.

— Либо кто-то опередил нас. — Вмешался второй.

— Значит мы убьем каждого из присутствующих, пока не найдем этот чертов медальон.

Меня охватил ужас. Тут же около сотни гостей. И что, теперь все они погибнут из-за этого чертового медальона?

— Люк, — раздался чей-то голос по рации. Я слышал его раньше, но никак не могу вспомнить, кому именно он принадлежит. Я пытаюсь ухватиться за это воспоминание, но оно выскользывает из моих рук. — Кто-то вызвал копов, вам надо убираться оттуда. Незачем привлекать внимание властей.

— Но сер, мы еще не нашли то, зачем пришли. — Удивленно произнес Люк, с полным уважением к тому, кто был по ту сторону рации.

— Это не имеет значения. Парень мертв, мы сможем вернуться за медальоном в любой момент.

— Но сер. — Снова произнес Люк, настаивая на своем.

— Я сказал, убирайтесь оттуда.

Глава 23

ЭМИЛИ

Алекс мертв. Милая Алиса тоже. Мне больно от того, что я была знакома с этими замечательными людьми, но еще больнее от того, что Кайл знал о том, что их убьют и ничего не предпринял, чтобы спасти. Даниэль рассказал мне все, когда раздались первые выстрелы. Я пыталась вырваться наружу и остановить происходящее. Мне хотелось спасти Алекса, но Даниэль мне не позволил.

Пустота внутри меня по размеру превосходит Тихий океан. Я просто онемела и нахожусь в невесомости. Когда все стихло, мы с Даниэлем покинули наше укрытие, отправляясь на поиски Милана и Кайла. Дани знал, куда именно нам надо идти. Я же просто следовала за ним.

— Эмили, — произнес Кайл, идя мне на встречу. Я отшатнулась от него, не в силах выдержать близости с ним. Кто так поступает? Кто жертвует невинными людьми ради достижения цели? Только монстры способны на это. А я не хочу верить в то, что Кайл один из таких монстров.

— Милая, — в его голосе полно боли. Но меня это не волнует. Мне сейчас гораздо большее.

Позади него на полу лежит Алекс. Алое пятно расплзлось по белой рубашке. Ему выстрелили прямо в сердце. При виде него я начинаю плакать. Еще полчаса назад этот человек смеялся и шутил, радовался предстоящей помолвке и не мог оторвать взгляда от своей любимой. Сейчас он бледный и безжизненный, лежит в луже крови, с красивыми но «пустыми» зелеными глазами.

Его возлюбленная лежит в другом конце комнаты. Голова Алисы повернута в нашу сторону. Она смотрят на Алекса своим невидящим взглядом. Ее убили так же, выстрелом в сердце. Я не могу смириться с этим. Не могу жить в мире, где людей убивают из-за непонятных для меня вещей. Не могу быть с человеком, который не предпринимает ничего, чтобы помешать этому. Не могу смотреть на друзей, которые знали, что это произойдет и так же ничего не сделали.

Убивать людей большой грех. Смотреть на то, как убивают других — грех ничуть не меньший.

— Как ты мог? — Тихо произнесла я, обращаясь к Кайлу. — Как ты мог допустить это? Ты чудовище. — Я просто выплюнула последние слова, смотря в глаза ангелу.

— Я ничего не мог сделать. — Он не смотрел на меня. Спрятал глаза уставившись в пол. Я хотела, чтобы он на меня посмотрел. Я хотела увидеть в его глазах сожаление, раскаяние и желание все исправить.

— Посмотри на меня. — Прошу я и он выполняет мою просьбу. В глазах Кайла лишь пустота. Он не сожалеет. Я не верю, тому, что вижу. — Кто ты? Явно не мужчина, которого я люблю. Тогда ответь мне, пожалуйста. Кто ты?

— Эмили, прекрати... — Я слышу мольбу в его голосе.

— Прекратить? Ты просишь меня прекратить? Я не узнаю тебя, Кайл. Я думала, что знаю тебя, но как же я ошибалась.

— Я всегда так поступал, Эмили. — Холод его голоса опалил мое сердце. Я пошатнулась. — Я отвернулся от семьи, предал свой вид, пошел против правил. — Перечислял он, прожигая меня взглядом. В глазах отражается буря эмоций: боль, неверие, решимость, вина и отчаяние. Они собрались в одно цельное чувство, которому я не сумела подобрать название. — Мне не важно, кто умрет, если при этом выживешь ты. Я всегда ставил твою жизнь превыше других и это никогда не изменится. Если для того чтобы ты прожила на минуту дольше положенного, мне придется перестрелять весь город — я сделаю это.

— Но, Кайл, — возмутилась я. — Это неправильно. Так не должно быть.

— В нашей ситуации не существует правильно или не правильно. Есть решения и последствия, которые они за собой влекут. — Кайл полон решимости, вот таким он когда-то

был: уверенным, холодным, бесчувственным и безэмоциональным. Ангел исчез, а привычки остались.

— Я принял решение, значит, знаю, на что иду, и с чем мне придется жить.

Кайл смотрит на меня как на чужую, когда я оседаю на пол рядом с Алексом и аккуратно закрываю его распахнутые, безжизненные глаза.

В прошлой жизни мы были друзьями, семьей, супругами, а это значит, что Алекс Вудбери замечательный человек. Иначе я бы за него не вышла. В настоящем мы не были друзьями. Я знала его слишком мало, но чувствую, что потеряла человека, играющего важную роль в моей жизни.

— Надо найти медальон и обратиться до приезда копов. — В тишине раздался смущенный голос Даниэля.

— Дани! — Возмутилась я.

— Что? — Встрепенулся парень, уставившись на меня. — Мне ужасно жаль твоего бывшего будущего мужа, красавица. Но как говорится: *«Куй железо пока горячо»*. А наше железо уже почти остыло.

— Даниэль Уорнер, это ни капли не смешно.

— Хватит. — Вступился Мил. — Медальон наверняка в сейфе. Но никто из нас не знает код от него. Какие предложения?

— Я знаю код. — Сухо заявил Кайл. Не глядя на меня. — Даниэль, вы с Эми направляйтесь к машине. Будьте готовы уехать, как только мы с Милом вернемся.

— Ты предлагаешь нам разделиться? — Такой расклад явно смущал Дани.

— А ты предлагаешь бегать толпой по дому и привлекать внимание? — Голос Кайла звучал дерзко, почти вызывающе, от чего внутри меня все похолодело. Я не узнаю его. Мне казалось, я знаю его лучше, чем саму себя, но как оказалось, это совершенно не так.

— Пойдем, Дани. — Устало произнесла я, пытаясь подняться с пола. — Я больше не могу здесь находиться.

— Эмили, — осторожно позвал Кайл. Я нехотя подняла на него взгляд, боясь увидеть холод в его глазах. Но его глаза снова выглядели как прежде. — Мне жаль. Однажды ты поймешь, что у меня не было другого выбора.

— Надеюсь, что смогу понять. — Сухо ответила я. — Но пока...

— Идем. — Дани взял меня за руку и повел в сторону выхода. Я не спеша поплелась вслед за ним. Под подошвой каждые несколько шагов хрустело битое стекло.

Хрустальные вазы разбиты, еще недавно в них стояли прекрасные цветы, а сейчас их останки валяются на полу, рассыпая лепестки по черному мрамору. Света в доме до сих пор нет. Гости сбились в кучку и тихо перешептываются. Женщины без конца всхлипывают и причитают. Эта картина напомнила мне о похоронах. Я быстро отвернулась от них, прогоняя неприятный образ.

Глава 24

КАЙЛ

Уже несколько дней Эмили живет в каком-то своем мире. Она практически ни с кем не разговаривает. Сидит себе у окна и смотрит на «спящий» сад Уорнеров. Эмс всегда любила этот дом, он был для нее своего рода пристанищем, в который она сбегала время от времени.

В прошлом «настоящем» Милан оставил все свое имущество, накопленное годами, Эмили. И она мудро распорядилась им. Картины Даниэля хранились в галерее имени

Даниэля Уорнера и имели огромный успех. А дом Уорнеров она перестроила в «Дом Ангела», небольшой приют для детей, которым помогала на протяжении всей своей жизни. После ее смерти приютом занялся Эйден, и, по словам Эдисон у него это неплохо получалось.

Не удивительно, что даже сейчас Эмили здесь гораздо комфортнее, чем у нас дома. Когда Мил предложил нам пожить какое-то время (до тех пор, пока они не вернутся в Эдем) у него, Эмили не раздумывая, согласилась. Находиться со мной наедине — последнее чего ей сейчас хочется. Нам даже комнаты отдельные выделили, потому что Эмс хотелось побыть одной. А точнее, ей хотелось побыть без меня. Теперь вы понимаете всю силу моего смятения?

Смерть Алекса надломила что-то внутри нее, и теперь она не знает, как с этим справиться. Я вижу по ее «сокрушенному» виду, что она «тонет» в своих воспоминаниях, снова и снова переживая гибель родителей.

Мне уже хочется поскорее закончить со всем этим, увезти Эмили в Ревайвл Сити, а может еще и дальше. Туда, где никто не сможет нас найти, даже смерть.

Тот дом, что я якобы снял для Эстер и Эмили на самом деле принадлежит мне. Я купил его сразу же, как только увидел объявление о продаже. Мне не хватило духу признаться в этом Эмили, потому что я знаю, что ей бы показалось, что это чересчур. Но уже тогда я продумывал пути к отступлению. Мне нужно было место, куда в случае чего мы могли бы сбежать. Сейчас такое место есть и в нем нас ждет девушка, которая дорога нам обоим.

Мы заполучили оба медальона, но Уорнеры не спешат их использовать по назначению. Милан мудр, так что я доверяю ему в этом вопросе.

Падшие знают, что оба медальона находятся у меня и наверняка ищут всеми силами. Дом Уорнеров каким-то образом «зачарован» и падшим ангелам его не так уж легко найти, так что они будут поджидать нас у портала в Эдем. Потому что это единственная возможность убить меня и забрать медальоны. Они это знают. Мы это знаем. Поэтому Мил ничего не предпринимает. Он выжидает время и продумывает план наших действий до мелочей.

— В этот раз никто не умрет. — Твердо заявляет он уже раз десятый за последние пятнадцать минут. Мы одобрительно киваем, потому что каждый из нас молит Бога, чтобы так оно и было. Мы находимся на грани битвы, в которую ринемся с голыми руками, против ангельских кинжалов и огнестрельного оружия.

Эмили сидит рядом, но следит за тем, чтобы ни одна часть ее тела не соприкасалась с моим. Я пытался взять ее за руку, но она убрала ее, прежде чем я успел коснуться ее. Ее поведение причиняет мне боль, но я понимаю, что заслуживаю это.

Если честно, я ждал подобной реакции, но не думал, что она ранит меня настолько сильно. Она простит меня, но лишь одному Богу известно, сколько времени уйдет на ее прощение.

В мире нет вещей, которые я бы не сделал ради нее. Что это: любовь или одержимость? Я не знаю. Но Эмили «одержима» мной так же сильно, как и я ей, а это хоть что-то, но все же должно значить.

Нас тянет друг к другу подобно магнитам. Даже у времени не получилось стереть нашу любовь. Наша любовь — бессмертна. Так что я лишь нахожусь рядом с Эмили и жду, когда она будет готова меня простить.

На четвертый день нашего «молчания» я проснулся около полуночи от того, что кровать прогнулась под чьим-то весом. Сон тяжелым грузом давил на мои веки и я не смог найти силы, чтобы открыть глаза. Крохотное тельце прижалось ко мне, и я почувствовал запах детского шампуня. Так всегда пахнут волосы Эмили.

— Прости меня, — сквозь сон прошептал я, обнимая ее одной рукой так крепко, словно мне нужно было какое-то подтверждение, что это вправду она, а не плод моего больного воображения. — Мне не выносимо быть вдали от тебя.

— Я уже простила. — Мягко ответила Эмили, целуя мою щеку. — Просто я не могу смириться с тем, что Алекс и Алиса погибли по моей вине. И эта ситуация напомнило мне с гибели родителей. Я словно пережила это снова.

Ее шепот щекотал мою шею.

Ее присутствие сняло с моего сердца тяжкий груз, который я носил внутри меня целых четыре дня.

Эмили рядом.

Эмили меня простила.

Глава 25

ЭМИЛИ

— Кайл! — Замерев на пороге гостиной, я испытываю странную смесь чувств *deja vu* и ужаса.

Если это какая-то шутка, то совершенно не смешная.

— Кайл! — В панике зову я.

Последнее, чего мне хочется с утра пораньше, это зайти в гостиную и столкнуться нос к носу со своим мирно сидящем на диване свекром. С мужчиной, который чуть было, не разрушил не только мою жизнь, но и жизнь Кайла.

Обычная белая рубашка и бежевые брюки, ничего, из того чтобы указывало на то, что этот мужчина не человек, а ангел.

Алексей сидит на диване с теплой улыбкой на лице. Такие, как он, обычно легко втираются в доверие, а потом вонзают нож в спину. Безобидные на вид — ядовитые внутри. Хотя не мне его судить. Не известно, как поступила бы я, если бы жизнь моего ребенка подвергалась опасности.

— Что Вам надо? — Резко спросила я, отступая назад. Если он ждал красную ковровую дорожку и вывеску «добро пожаловать», то явно ошибся домом.

— Мы здесь, чтобы поговорить с тобой и Кайлом. — Мягко ответил Алексей, не переставая улыбаться.

— Мы? — Удивленно переспросила я, осматривая комнату, на случай если что-то ускользнуло от моих глаз. Но нет, помимо нас в гостиной больше никого нет.

— Да, — раздался голос Кайла за моей спиной. — Сегодня прям какая-то «родительская суббота». Я даже не знаю, радоваться мне или покупать билеты в другой конец мира. Чтоб подобное больше никогда не повторилось.

В момент, когда я посмотрела на Алексея, в нем что-то переменялось. В его глазах, был калейдоскоп эмоций: радость, облегчение, боль, гордость, сожаление, но самое главное, в них была любовь. Как бы не вел себя Алексей по отношению к Кайлу, он любит его, а если любит, то не пожелает плохого. Увидев мужчину в совершенно ином свете, я начала жалеть его. Да, мне его жаль. Даже представить не могу, какого жить, отодвигая чувства на задний

план, делая беспристрастный вид.

— Я тоже рад тебя видеть, сынок.

Кайл зашел в комнату и остановился около меня. Следом за ним в гостиную впорхнула молодая женщина. Это его мама, никак иначе. Они с Кайлом очень похожи: черты лица и цвет кожи. Только вот глаза у Роуз зеленые, а не медово-карие как у Кайла. Видимо он унаследовал их от отца.

Маму Кайла я встречаю впервые, по словам моего ангела, ей не часто удается спускаться на землю, но видно сегодня особый случай.

— Эмили, — мягко произнесла женщина, смотря на меня нежным материнским взглядом. — Рада наконец-то познакомиться с тобой. — Легкий взгляд ее зеленых глаз сразу же заметил колечко на моем безымянном пальце, от чего улыбка на ее красивом лице стала еще шире. — Добро пожаловать в нашу семью. Если честно, я всегда хотела иметь дочку, но вместо этого получила трех непослушных сыновей. Надеюсь, мы с тобой подружимся.

— Я тоже на это надеюсь, — ответила я, смотря на кайла. Его лицо не выражало никаких эмоций. Он не смотрел ни на меня, ни на маму. Отец — единственное, что его интересовало.

— Зачем ты здесь? — Холодно спросил Кайл и его тон задел Алексея, болью отражаясь в мягких, карих глазах.

— Я знаю, что оба медальона у тебя. — Алексей как всегда ведет себя сдержанно и поделовому, так словно отстраненность сына не имеет для него никакого значения. — Мы с мамой пришли, чтобы отговорить тебя использовать их.

— С чего бы мне слушать тебя? — Дерзко спросил Кайл, прожигая отца взглядом. — На что ты рассчитывал, идя сюда? Что я забуду все то дерьмо, которое было в моей жизни по твоей вине?

— Сынок, послушай, — взмолилась Роуз. — Мы думали, что в этот раз будет все иначе, но история повторится. Если вы откроете портал — наш мир погибнет. Старейшины падут.

— И ангелы наконец-то обретут свободу, — слова матери не особо заинтересовали Кайла. Если она видит только минусы, он зациклен на плюсах этого события.

— Ангелы, словно дети, — вмешался Алексей. — Сами не знают, чего хотят. Только в этот раз не правильный выбор будет стоить им жизни.

— Кайл, — Роуз подошла к Кайлу и осторожно, боясь того, что он ее оттолкнет, взяла за руку. — Я прошу тебя, уничтожь медальоны. Падшие не должны попасть в Эдем, иначе будет бойня. Бери Эмили и уезжай из города туда, где он вас никогда не найдёт.

— Он? — Спросила я, не понимая, о ком именно идет речь. — О ком Вы говорите? О Дарке? Или о нем? — Я кивнула в сторону Алексея, который встал с дивана и теперь стоит напротив своего сына, со скрещёнными на груди руками.

Мама Кайла побледнела, сильнее сжимая руку сына.

— Она говорит об Адаме, — ответил вместо своей жены Алексей, с любопытством наблюдая за реакцией Кайла. Он хотела реакцию — он ее получил. Мой возлюбленный напрягся. Воздух «зарядился» электричеством.

Я помню эту историю. Однажды Кайл рассказывал мне о том, что его старший брат рос наследником своего отца. Алексей сулил ему свое место в Совете Старейшин и Адам, словно жил одной лишь этой мыслью. Но время шло, парень рос, но время не приближало его назначение. Отец был в добром здравии и не хотел без веской причины уступать свое место. Адам спровоцировал бунт. А после сбежал на землю, еще до того, как вышел указ выслать

его из Эдема.

— Адам? — Удивилась я. — При чем тут брат Кайла?

— Притом, дитя мое, — без особого интереса проговорил Алексей, глядя на меня в упор. — Что мой старший сын, Адам главарь «падших». Это он приказал убить тебя. И именно он убьет меня, чтобы захватить Эдем.

— Зачем это ему? — Наконец-то заговорил Кайл.

— Затем, что он всегда был жаден до власти. Вспомни причину, по которой его изгнали.

— Я не верю тебе. — Кажется, еще чуть-чуть и Кайл зарычав, вцепится в горло своего отца.

— У меня нет причин врать тебе. — Сумасшедшая смесь психотерапевта и конгрессмена — так выглядит Старейшина со стороны. Он такой милый, что мне хочется его ударить. — Я умоляю тебя пощадить Эдем. Сейчас жизнь всех обитателей Эдема в твоих руках.

Кайл задумался над его словами, а меня охватила паника. Мне страшно за Эдем, не хотелось бы, чтобы его жители пострадали, но... А как же Милан и Даниэль? Мы обещали им помочь. В Эдеме Мила ждет Хлоя, разве они не заслуживают счастья? Но стоит ли их недолгое счастье гибели стольких ангелов?

— Я уничтожу медальоны, — после долгого молчания заговорил Кайл. Мое сердце оборвалось. — Но только в обмен на Хлою.

— Ты же знаешь, что я не могу это сделать. — Алекс медленно подошел к сыну, сокращая и без того небольшое расстояние между ними. Приветливая улыбка сошла с его лица. Кайл напрягся. — Ее душе некуда возвращаться. Хлоя мертва, слишком много времени прошло, ее тело уничтожено.

— Мне плевать, — Кайл настроен решительно. — Ты же старейшина, придумай что-нибудь.

— Если бы я только мог.

— Тогда нам не о чем разговаривать.

— Милый, — нерешительно заговорила Роуз, которая, так же как и я, весь разговор оставалась в стороне. Позволяя мужу и сыну разобраться в этой ситуации самостоятельно. — Я прошу тебя хорошенько подумать, прежде чем принимать поспешные решения.

Кайл кивнул, но ничего не ответил.

— Я надеюсь на твое благоразумие, сын. — Его отец исчез так же быстро, как и появился, но мама осталась.

— Сынок, пожалуйста, выслушай меня...

Кайл расслабился и медленно перевел свой взгляд с того места где мгновение назад стоял его отец на маму. Я боялась, что Алексей вернется в любую минуту, и Кайл снова закроется в себе, превратившись в огромный клубок нервов. Но Алексея не было. Мать Кайла рассказывала вещи, которые были ничуть не лучше того, что рассказал нам Алексей. Ситуация паршивая, ничего не скажешь...

Глава 26

КАЙЛ

Казалось, мы добирались до дома Уорнеров целую вечность. Из-за дождя видимость на дороге была практически нулевая. Эмили время от времени цеплялась за дверную ручку и

просила меня сбросить скорость. Я сбрасывал, но из-за волнения все равно вдавливал в пол педаль газа. Мне бы стоило быть разумным и сбросить скорость до разрешенной в такие погодные условия, но мой разум практически отключился.

— Вам нельзя снимать с ворот печать, — проговорила мама глядя мне прямо в глаза. Ее тонкие пальцы сжимали мои ладони. Я никогда прежде не видел ее такой: испуганные глаза с темными кругами под ними, бледная кожа, растрепанные волосы. Со стороны она была похожа на сумасшедшую, одержимую навязчивой идеей. На самом же деле она была матерью, которая боится за свое дитя.

— Возвращение Уорнеров в Эдем будет началом конца. Печать падет и армия «падших» ворвутся в наш дом, чтобы снова начать войну.

— И чем закончится война? — Ели дыша, просила Эмили.

Мама перевела на нее свой испуганный взгляд:

— Ни одна из сторон не остановится до тех пор, пока не искоренит другую. Даже старейшины сомневаются, что хотя бы в этот раз им удастся победить.

— И кто в данной ситуации «хорошие парни», а кто «плохие»? — Не унималась Эмс, пытаясь вникнуть в ситуацию.

— Тут сложно измерить добро и зло. Если победят «падшие», то они убьют каждого ангела, который осмелится им не подчиниться.

— А если победа окажется на стороне старейшин? — Эмс задала вопрос, хотя в глубине души мы оба знали на него ответ.

— Все падшие ангелы, а так же нефилемы будут истреблены. Независимо от того, на чьей они стороне.

Все падшие ангелы, а так же их дети погибнут. За все время существования Рая из него было изгнано не так уж и мало ангелов. Я уверен, что если собрать вместе всех падших ангелов и их детей, то получится один небольшой город. Один не большой город будет стерт с лица земли легким дуновением ветра. Только чудовище может так поступить.

Я никогда не считал своего отца монстром. Раньше я думал, что ненавидел его, сейчас же я понимаю, что во мне закипала не ненависть, а злость.

Мне хотелось думать о нем, как о враге, да вот только не получается. Несмотря на то, что он был ужасным отцом, старейшина из него получился великолепный. Он не только заботился о своем народе, помогал сохранять мир в Эдеме, но и оберегал мир простых людей.

Падшие ангелы жаждали мести и власти, поэтому на протяжении многих столетий создавали свою собственную армию из нефилимов. Надеясь рано или поздно проникнуть в Эдем и свергнуть старейшин. Отец и другие старейшины прекрасно знали об этом, от того и ожесточали не только правила но и свои сердца.

ОНИ растили бойцов. Воинов способных защитить свой дом, свои мир и свои жизни.

Единственное, что мешало падшим ангелам проникнуть в Эдем — отсутствие медальонов.

Теперь-то я знаю, что один из них всегда был у старейшин, а другой хранился в семье Алекса. Так было бы и дальше, если бы посланные на землю ангелы не стали пропадать. Падшие (чёрные ангелы — так называют их в моем мире) отлавливали нас один за другим и убивали Ангельскими кинжалами, тем самым бросая вызов старейшинам. И те его приняли, введя в игру второй медальон. Жаль, что Зак был тем самым блюдечком с голубой

каемочкой.

Я сожалею о том, что раньше не мог видеть эту ситуацию так же ясно, как вижу ее сейчас. Знай, я с самого начала все нюансы сложившейся ситуации, мои действия и поведение было бы совершенно другим.

Каким же дураком я был, когда обвинял во всем своего родного отца, даже не давая ему шанса на объяснение. В этом Лий оказался куда разумнее меня.

Михаэль принес для Эмили большую чашку фруктового чая и та, с благодарностью ее приняла. Я уверен, что дрожит Эмс не от холода, а от волнения, но говорить ей об этом особого смысла не имеет. Зачем нагнетать и без того наколенную обстановку? Надеюсь, что сконцентрировавшись на чае, она успокоится и немножко расслабится.

— И что мы будем делать дальше? — Даниэль взял из комода плед и предложил его Эмили, но та отказалась, сказав, что уже чувствует себя лучше. Ее плечи изредка подрагивали, но лицо приобрело краски, а намокшие под дождем концы волос почти подсохли.

— Ума не приложу, брат. — В данную минуту Милан выглядел как человек, которого минуту назад приговорили к смертной казни. Сидит себе, с поникшим видом, рассматривая странную картину на стене. Всмотриваясь в нее так пристально, словно где-то среди мелких мазков кисти, художник спрятал ответы на всего мучающие его вопросы. Но ответов нет ни в картине, ни у нас в головах. Мы в тупике. Загнаны в угол. И выхода из него в ближайшем будущем даже не предвидится.

— Если «падшим» необходимо, чтобы мы открыли портал, значит это последнее, что мы сделаем.

— Но, брат. — Попытался возразить Даниэль, но Мил его перебил.

— Я все знаю, Даниэль. — Его голос тверд и суров. Чтобы ни сказал Дани, это уже ничего не решит. Мил все решил. — Я не могу рисковать миром в Эдеме и на Земле ради своего собственного счастья. Мы не вернемся домой.

Слова Уорнера старшего звучали, как приговор. Даниэль не согласен, это видно по его лицу и сжатым кулакам, но возразить он не посмеет.

В комнате возродилась гробовая тишина, пока братья метали друг в друга острые взгляды. Я знал, что Мил разумный и благородный, но только сейчас осознал глубину его самопожертвования.

Смог бы я пожертвовать Эмили, ради сохранности шаткого мира между ангелами? Сомневаюсь.

Да, в прошлом мы отказывались друг от друга, но во имя спасения любимого человека. Это совершенно другое. Сейчас на кону стоят не наши с ней жизни, а жизни ангелов.

— Казалось бы, что в этом сложного? — Не знаю почему, но мои мысли обратились в слова и открылись перед моими друзьями. — Оказаться в прошлом, заранее зная о будущем и исправить его. Избегая прошлых ошибок, повторяя удачные идеи. Но, черт...

— А что ты думал, когда ввязывался во все это? — Терпению Даниэля пришел конец. Мое же было на последнем издыхании. Если сорвусь и я — это будет конец. Я осознаю это, и сдерживаю себя из последних сил.

— Ладно она, — он указал на мирно сидящую Эмс, с дымящимся чаем в руках. — Верит в мир во всем мире, съедобную радугу и ручных единорогов.

Эмили нахмурила брови, слова Дани задели ее глубже, чем он мог себе представить.

Она верит в хорошее настолько сильно и искренни, что оно само идет к ней навстречу, распахнув свои объятия. Даниэль не замечает этого, в отличие от нас с Милом.

— Но ты, Кайл. Ты разочаровал меня. — Я видел это по его глазам. Даниэль верил в меня. Верил в то, что я помогу его семье вернуться домой. Но я не смогу это сделать. Мил не захочет так рисковать. И я не в праве его заставлять.

— Даниэль... — Он отшатнулся от меня, заставляя замолчать. Да я и не знал, что ему сказать.

— Должен быть другой выход. — Эмили резко встала и уперлась в нас своим упрямым взглядом. — Мы не должны сдаваться. Всегда есть выход.

— Только не в этот раз. — Ответил Мил.

— Не правда. — Возразила она. — Если сейчас ты не видишь другого выхода, еще не значит, что его на самом деле нет. Сделай шаг назад и посмотри на ситуацию издалека, оцени всю раскрывшуюся перед тобой картину. Лазейка найдется, вот увидишь.

— Милая, — Мил подошел к Эмили и сжал ее плечи. Казалось бы это он нуждается в утешении, но вместо этого старший Уорнер утешает мою ранимую Эмили, которая просто так никогда не сдается. В ней одной решимости гораздо больше, чем в нас троих вместе взятых. — Выхода нет. Я знаю, как ты хотела мне помочь, но видно у судьбы другие планы. Видно наше время с Хлоей осталось где-то позади. Я справлюсь с этим.

Из больших глаз девушки выскользнули крупные бусины слез, она ринулась вперед, обхватывая Милана руками. Он обнял ее в ответ, прижимаясь щекой к ее белокурой макушке. Я встретился взглядом с Даниэлем. Парень попытался улыбнуться, но вместо улыбки на его лице отразилась гримаса ужаса. Милан и Дани никогда не вернуться домой. Хлоя больше никогда не увидит своего мужа.

— Каждый день погибают тысячи людей. — Сдавленно произнесла Эмили. Милан до сих пор обнимал ее хрупкую фигурку. — Это тысячи свободных для души тел. Если нельзя вернуть Хлою в ее тело, почему бы не взять другое? Чем не выхо...

Эмили пошатнулась. Ее голубые глаза в ужасе распахнулись, и паника отразилась на ее бледном лице. Что-то не так. Я наблюдаю за тем, как ее ноги подкашиваются и она оседает на пол. Мое тело ватное и пришито к полу. Не могу и шага ступить в ее направлении.

Ни я, ни Эмили, ни другие присутствующие в комнате не понимают, что сейчас происходит. Взгляд Эмили лишь на секунду находит что-то на столе, а затем снова возвращается ко мне.

Я хочу знать, на что она смотрела, но не смею отвести взгляд, так что смотрю в ее глаза, до тех пор, пока они не исчезают из поля моего зрения, когда тело Эмили распластывается по полу.

Услышав гулки удар, от ее падения мы все как по щелчку оживаем и бросаемся к Эмили. Ее голубые глаза кажутся большим зеркалом, в котором отражается костлявая с косой. Я вижу ее капюшон в расширенных зрачках своей любимой.

— Михаэль, помоги! — Испуганный голос Мила врывается в мою голову, разрывая ее изнутри. — Что с ней? Михаэль?

Михаэль не отвечает. Я осматриваю комнату в поисках мужчины, но кроме нас четверых здесь никого нет. Я не помню, в какой именно момент Михаэль ушел. Или хотя бы, до какого момента он был рядом с нами.

— Черт бы его побрал. — Выругался Даниэль, покидая комнату.

Мил отступает в сторону, когда я беру Эмили на руки и укладываю на диван. Мысленно

помолившись всем богам, которые существуют и не существуют, я прислоняю ухо к ее груди в надежде услышать сердцебиение. Но его нет. Внутри Эмили царит тишина бескрайнего космоса. И мое сердце, подобно ее тоже перестает биться.

— Катарина и Михаэль пропали. — Безжизненным голосом сказал Дани, заходя в комнату. Его лицо казалось, принадлежит и не ему вовсе, а подростку, который первый раз в жизни столкнулся с правдой жизни. Мне даже страшно представить, как выгляжу сейчас я.

— Я не понимаю... — Он смотрит на нас с Милом, затем на неподвижное тело Эмили, а потом снова на меня. В моих глазах стоят слезы, Дани понимает все без слов, его ноги подкашиваются, и он с сокрушенным видом падает на колени.

— Лучше бы это был я. — Шепотом произносит он. — Лучше бы ты не пришел в наш дом и позволил умереть мне. Мне, Кайл, но только не ей. Она слишком полна жизни, чтобы быть по ту сторону смерти.

Я молчу, потому что если попробую что-то сказать — то закричу. И крик не прекратится даже после моей смерти. Даже умерев, я буду плакать по ней.

Несколько минут назад Эмили сидела рядом и пила фруктовый чай. Сейчас она мертва и ее глаза смотрят в вечность.

Кто-то кричит.

Я осознаю, что крик принадлежи мне, когда горло начинает саднить.

Цветная кружка Эмили с еще теплым чаем стоит на углу кофейного столика. Белая, смятая салфетка валяется около нее. Вот на что смотрела Эмили. На свой недопитый чай.

— Михаэль отравил чай. — Выдавливаю из себя я.

Мил нахмурился, сконцентрировавшись на белой салфетке, он нагнулся и схватил ее своей дрожащей рукой. Я вижу, как он разворачивает салфетку, в поисках чего-то, и совершенно не понимаю целесообразности его действий. Что он надеется там найти?

Но что бы он ни искал в ней, судя по всему, он это нашел.

— На мой взгляд, этого достаточно, чтобы вернуться в Эдем. Ты так не думаешь, Кайл? — Прочитал Мил. — Я не могу поверить, чтобы Михаэль мог сделать подобное.

— И все же сделал. — Осек его брат.

Я не хочу верить в происходящее. Мне хочется, чтобы это было дурным сном. Но я никак не могу проснуться. Рука Эмили все еще теплая, но так не будет вечно. Я падаю на нее, обвив ее тело руками, и позволяю себе расплакаться.

Я держу Эмили на руках, царапаясь об осколки своего разбитого сердца.

— Нет, — шепчу я, сквозь слезы. — Нет, нет, нет, Эмили. Только не ты.

Сингеры нас предали.

Михаэль отравил Эмили.

Эмили мертва.

Глава 27

КАЙЛ

Для меня происходящее вокруг похоже на самый страшный сон, который вообще когда-нибудь может присниться. В голове, словно большая черная дыра, которая «поглощает» все мои воспоминания о том, что я делал последние полтора часа. Смутно припоминаю, как покидал дом Уорнеров. Помню лишь бледное, испуганное лицо Даниэля и то, как Милан пытался меня остановить.

— Кайл, послушай меня, — Мил держит меня за плечи, не давая сдвинуться с места. — Мы это так просто не оставим. Придумаем, как ее спасти.

— Ну да конечно, — прыснул я, вырываясь из его хватки. — Точно так же, как ты спас Хлою, да?

Мил пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Мои слова выбили его из колеи, подобно неожиданному удару под дых. В его голубых глазах отразилась боль, сродни той, что царит сейчас в моем сердце.

Я не хотел говорить ему все это, но сказав, уже не могу забрать свои слова обратно.

— Кайл, не надо так со мной. — С болью в голосе произнес старший Уорнер, продолжая смотреть на меня, как на чужого. — Я люблю Эмили как сестру. И мне не меньше твоего больно видеть ее бездыханное тело. Мы спасем ее, любой ценой. Просто подожди.

Но я не могу ждать. Мне плевать на последствия, плевать на «падших», Эдем и мир во всем мире. Мой мир — это Эмили и все что с ней связано.

— Прости, Мил, — холодно говорю я, направляясь к выходу. — Но я не стану ждать. Я разнесу пол Эдема в щепки, если придется, но вытащу Эмили от туда. И если ты не настолько глуп, то сделаешь для Хлои то же самое. Войны не миновать, и терять мне больше нечего.

Это мое последнее воспоминание. Дальше я очнулся в машине, посреди леса, с кулаками, сбитыми в кровь. Надеюсь я бил что-то неодушевленное, а не какого-нибудь невинного человека.

Передо мной сейчас два больших камня, между которых находится так называемый портал. Как только я его открою, пути назад не будет. Но выхода у меня особого нет.

Еще вчера мы с Эмили сидели на нашем балкончике, укутавшись в большой теплый плед, смотрели на звездное, ночное небо и строили планы на медовый месяц. Эмс не переставала смеяться, вылавливая языком зефир из теплого какао. Я не мог ею налюбоваться. В тот момент мне сложно было представить, что в мире есть кто-то хоть на крохотную щепотку счастливее меня. Я был на пике счастья. Мне казалось, словно мы с ней ступили на порог вечности, в которой нас ждет только любовь. И посмотрите, что с нами стало. Эмили мертва. Я почти мертв.

В мире людей есть замечательное выражение: «затишье перед бурей», и тот вечер был нашим «затишьем».

Не знаю, каким образом я уговорю отца помочь мне, но сделаю это, не смотря ни на что. Когда дело касается Эмили — я не знаю пощады, страха или усталости. Я буду биться за ее душу до тех пор, пока мир существует, а Земля вращается вокруг солнца. Я оступился. Втянул ее в этот адский круг и куда это нас привело? Она умерла, я — почти мертв.

Я уверен, что если бы кто-то сказал Эмили о том, что она погибнет, еще в тот первый день, когда Даниэль спас ее от «падших», она бы все равно согласилась им помочь. Такая у нее натура, помогать всем, кто нуждается в хоть какой-нибудь помощи.

Эмили верит в людей, счастье и справедливость. Она с головой бросается помогать нуждающимся, никогда не думая о себе. Я очень сильно горжусь ей.

Эмили — моя жизнь и моя гибель. Я понял это, когда впервые был с ней на волосок от смерти. Когда я чуть было не опоздал на место аварии. Я практически обезумел, сошел сума от мысли, что ее больше нет. Сейчас я во второй раз сталкиваюсь с ее смертью. И не

придумали еще таких слов, чтобы описать чувства, которые я сейчас испытываю.

Иногда нужно оставаться тем, кем был с самого начала. Не всегда можно привыкнуть к новой роли и закончить ее феерично. Ну, или хотя бы не провалить.

Наверное, мне стоило прожить две жизни, чтобы, наконец, осознать, что человек вышел из меня куда хуже, чем ангел.

Имея крылья и статус ангела-хранителя, я существовал столетия и стремился помогать людям. Я жил не думаю о том, что будет потом. Ведь «потом» для меня было вечное сегодня.

После встречи с Эмили меня заботила лишь ее жизнь. Я бы бросался под пули и ангельские кинжалы тысячи столетий, лишь бы видеть Эмили живой и здоровой.

Когда я стал человеком... Я даже не знаю, как это объяснить. Сложно думать об обрыве в конце своей дороги, когда столько лет двигался по нескончаемому пути.

Так и я, привыкнув к вечной жизни ангела, не думал о том, что через пару десятков лет меня ждет смерть.

Я не спешил все успеть. Меня не заботило время. Хотя время — самый бесценный ресурс, какой только есть в мире. Можно купить вещи, друзей, любовь, уважение, лекарства, которые продлят твою жизнь. Но как бы ты ни был богат. Сколько бы связей не имел. Время тебе не по карману.

Не по карману оно оказалось и мне.

Я забыл о том, что нахожусь в шаге от смерти.

Я забыл, что Эмс находится к смерти гораздо ближе.

Я стал человеком, но продолжал жить как ангел. Так, словно в запасе у меня неограниченный поток времени. Это-то меня и сгубило.

Поэтому-то я и проиграл судьбе свою любовь.

Я помещаю медальоны в углубление: сначала один, затем второй. Раздается громкий хлопок и взрывной волной меня отбрасывает назад примерно на десять метров.

— Спасибо, что предупредили меня об этом. — Бурчу я, поднимаясь на ноги.

Проем между двумя камнями засветился тусклым светом, как бы приглашая меня войти. Не знаю, должно ли так быть или что-то здесь не так. Никогда прежде я не был здесь. Ангелам не нужны порталы, чтобы попасть домой. Давным-давно я перестал считать Эдем своим домом. Но сейчас там находится Эмили. А мой дом там, где она.

Тусклый свет поглощает мое тело сразу же, как только я ступаю между двумя камнями. Отчасти я жду, что выйду по другую сторону от них и уставлюсь в кривоватые деревья, но этого не происходит. Свет ослепляет мои глаза. Забирается внутрь меня через глаза, уши, нос и теперь я весь состою из него. Легки жжет, так сильно, будто бы я половину жизни провел под водой, а сейчас жажду глотка воздуха, которого здесь нет. Биение сердца — единственный звук, который я сейчас слышу. С каждой секундой он становится все громче и громче, и мне хочется зажать уши руками, чтобы защититься от него, но рук у меня больше нет. Я — свет. Я больше не существую. Все что я могу, это покорно слушать, как мое сердце отбивает последние аккорды, а затем замолкает.

В тишине раздается едва различимый шёпот. Несмотря на то, что он невообразимо тих, я узнаю его сразу. Он принадлежит моему сыну. Марку.

— Папа, — шепчет он снова и снова. — Папа. Я прошу тебя, папа... Останься.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

МАРК

Слишком быстро стемнело. Обычные сумерки резко превратились в непроглядную ночь. Я вижу его бледное лицо, в свете фар разбитой машины и мне кажется, что это все не по-настоящему. Происходящее, словно дурной сон, от которого я не в силах проснуться. Хочется отхлестать себя по щекам, привести в чувства, но я не могу оторвать свои ладони от его грудной клетки.

Уже несколько минут я борюсь за жизнь отца, но его сердце совершенно не хочет биться самостоятельно.

Воздух пропитан запахом горелой резины и машинным маслом, из приоткрытого капота валит дым.

Надо было быть внимательнее, смотреть на дорогу, а не думать о том, как скажу приемному отцу, что переезжаю в другой город. Туда, где я смогу забыть девушку, которая никогда не будет моей. Из-за своей тупости я потеряю единственного родителя, которого я когда-либо знал.

Врет тот, кто говорит, что кровь не имеет запаха. На мой взгляд, это самый сильный и самый едкий запах, какой только может быть. Кровь пахнет теплом, железом, болью, страхом и смертью. Головокружительный аромат потери. Он пробрался мне в самое горло и теперь пытается задушить.

— Отец? — С надеждой произнес я. — Отец, ты меня слышишь? Ты не можешь так сс мной поступить. Слышишь? Ты должен жить, ты должен.

Горло саднит от крика, хотя криком тут вряд ли поможешь. Из раны на лбу идет кровь, стекая по щекам, она попадает прямо за шиворот, мне неприятно, но я не в силах оторвать руки от тела отца.

Непонятный свет осветил дорогу сбоку от меня, и откуда-то стали появляться люди. Они что-то кричат и спрашивают у меня, но я не слышу их. Я совершенно ничего не слышу.

— Мы попали в аварию, — пытаюсь произнести я, но мой язык отказывается слушаться. — Удар пришелся на сторону отца, и я не знаю, как ему помочь.

Скорая добиралась слишком долго, или мне лишь казалось, что прошла целая вечность. В тот момент, когда вдалеке показались мигалки, я чувствовал, что постарел лет на десять. Мой приемный отец дышал, его сердце по-прежнему билось, но в сознание он не пришел.

В какой-то момент, я не помню в какой именно, на моих плечах появился плед. Молодая, рыжеволосая женщина обработала рану на лбу и наложила временную повязку, по ее словам потребуются наложить несколько швов. Мне все равно, пускай хоть всего меня изошьет, лишь бы с Кайлом все было в порядке. Я не просто попал в аварию, я чуть было не убил своего отца.

Мой телефон зазвонил уже в сотый раз, Эдисон не на шутку разволновалась, наверное. Мы уже давным-давно должны были вернуться домой. Я не могу взять трубку и рассказать обо всем, что произошло. Это выше моих сил.

Мне кажется, что до тех пор, пока я не рассказал об этом тете, этого на самом деле не произошло. Но это лишь самообман. В соседней машине скорой помощи, сейчас лежит Кайл и только одному Богу известно, что его ждет дальше. Очнется он когда-нибудь или нет.

Женщина, обработавшая мою рану, взяла мой орущий мобильник и ответила на звонок. Ее размеренный, успокаивающий голос, действовал на меня гипнотизирующе. Я изо всех сил

старался сконцентрироваться только на голосе, а не на словах, которые звучали, но отдельные обрывки фраз, все же врезались в мои уши, мозг.

Авария. Нет. Да. Да. Парень в порядке. Мужчина на данный момент находится без сознания. Я не знаю. Авария. Нет. Да. Да. Парень в порядке. Мужчина на данный момент находится без сознания. Я не знаю.

Я слышу эти слова снова и снова. Они как какофония звуков, музыки, криков и голосов. Звучат внутри моей головы. Даже зажав уши руками, я не смог заглушить этот шум.

Авария. Нет. Да. Да. Парень в порядке. Мужчина на данный момент находится без сознания. Я не знаю.

Глава 2

МАРК

Эдисон в больнице. Я слышал ее крики и рыдания сквозь зыбучую пелену сна. Меня накололи снотворным, так что даже если бы и хотел, я бы все равно не смог проснуться. Но я не хотел.

Во сне мне было куда спокойнее и все что произошло ночью, казалось не таким реальным. Во сне я не чувствую боли.

Мне снилось детство. Тот день, когда я впервые увидел Кайла.

Мой ярко-красный мячик, отскочил от колонны у входа в Приют и выскочил на дорогу. В тот момент я не думал о том, что делаю. Я просто бросился в след, стараясь поймать мяч раньше, чем его раздавит проезжающий грузовик.

И вот я, шестилетний мальчишка, в дырявых штанишках и потрепанном синем свитере стоял посреди проезжей части, прижимая к груди свой любимый мячик. Я видел приближающуюся машину, но не мог пошевелиться. Чувство страха заворожило меня, превращая мое тело в сладкую вату.

— *Привет, дружок,* — произнес молодой мужчина, подхватывая меня на руки и унося с дороги. — *Ты выбрал не совсем подходящее место для игр.*

— *Я знаю,* — промямлил я, вытирая выступившие слезы, рукавом свитера.

— *А раз знаешь, что здесь играть опасно, почему не пойдешь на задний двор?*

Мужчина поставил меня на ноги, и я наконец-то увидел его лицо.

Тогда Кайл показался мне большим, сильным и невероятно добрым. А потом, спустя всего несколько недель я понял, что именно таким он и был.

Он был тем, кем всю жизнь хотел быть я.

— *Со мной не хотят играть,* — мне было стыдно говорить это, так как я не привык жаловаться или ябедничать. Но отец смотрел на меня такими заинтересованными и сочувственными глазами, так что слова сами по себе выскользнули из моего рта.

— *Даже так?* — Задумчиво ответил Кайл, присаживаясь на корточки, чтобы его лицо находилось на одном уровне со мной. Я замотал головой, подтверждая каждое свое слово.

— *А что если я с тобой поиграю?*

— *Вы?* — Удивился я.

— *Да,* — Твердо ответил мужчина, протягивая руки к мячу. — *Или ты не хочешь со мной играть? Если это так, то я очень расстроюсь, ведь со мной тоже никто не играет.*

— *Нет,* — воодушевился я, чуть ли не подпрыгивая на месте. — *Я хочу играть с вами.*

— *Вот и славно,* — Кайл выпрямился, принимая из моих рук мячик. — *Меня зовут*

Кайл, а как зовут тебя?

— *Марик.*

— *Мне кажется, ты давно уже вырос из этого имени, —* шутливо проговорил Кайл, пробежав пальцами по моей макушке. — *Что если я буду звать тебя Марк? Тебе нравится?*

— *Угу.*

— *Ну, тогда мне очень приятно с тобой познакомится, Марк.*

Мисс Эвертс разрешила Кайлу поиграть со мной. Он был со мной до тех пор, пока не настало время ужина. А уходя, пообещал, что это не последняя наша встреча. И он сдержал свое обещание.

Он приходил ко мне трижды в неделю, а через пару месяцев и вовсе забрал меня к себе. Он не настаивал, чтобы я называл его своим отцом, но для меня была честь называть его «папа», потому что настоящего папы у меня никогда не было. Точнее не было до тех пор, пока я не встретил его.

Так, что находясь в «*стране сна*» я не думаю о том, что убил своего папу. Я убил своего защитника, своего героя. Я убил человека, которого боготворил на протяжении восемнадцати лет.

Глава 3

МАРК

В детстве отец всегда читал мне стихи перед сном. Говорил, что они раздвигают рамки моего сознания и прогоняют ночные кошмары. И я верил ему, потому что кошмары мне практически не снились. В последнее время, закрывая глаза, я только их и вижу.

Вижу, как мой отец погибает всеми возможными способами, а я ничего не могу сделать, чтобы его спасти. Из-за плохого сна (а порой и во все его отсутствия) я постарел и осунулся, под потухшими глазами образовались темные круги. И я уже забыл, когда нормально ел или брился в последний раз.

— Ну, как ты тут без меня? — Мне пришлось съездить домой, чтобы принять душ, разобрать почту и постирать вещи. Это моя единственная жизнь за пределами этой больницы. Единственное отвлечение от разрушающих мыслей.

Я поправил одеяло, разумеется, оно никудауда не сползло, и уселся в свое до жути не удобное кресло, которое в последние месяцы служит мне домом.

— Смотри, что я тебе принес, — я наклонился к сумке, лежащей на полу, и достал из нее небольшой томик стихотворений *Сергея Острового*. — Его мы с тобой еще не читали. Правда?

Не знаю, зачем я с ним разговариваю. Наверно отчасти потому, что надеюсь, что он мне ответит. Ну, или по тому, что я жутко боюсь тишины. Тогда я слышу, как пищат аппараты, и бьётся его сердце, перегоняя кровь по уснувшему телу.

Я знал, какое стихотворение прочту ему. Я уловил первые строчки, когда листал эту книгу. Оно разрывает мое сердце только лишь по тому, что существует. Не знаю, что почувствую, когда прочту его.

А внизу умирала женщина.

Третий день умирала женщина.

Безнадёжно больная женщина

Умирала в пустой квартире.

К горлу подступил ком. Я пытался его сглотнуть, но он застрял где-то посередине, мешая дышать, чувствовать, смотреть. Ведь бывает же так в жизни, совершенно чужие люди, становятся жизнью друг друга: отцом, сыном, мужем. Говорят, что семью не выбирают, но Кайл выбрал меня много лет назад. И с того момента я — его сын, его продолжение.

*Муж стоял у её постели.
Он бы отдал сейчас ей сердце,
Твёрдо веруя в совместимость
Постоянно родных сердец.*

*Он готов был отдать ей волю,
Всю до капли отдать ей силу,
Каждый атом долготерпенья,
Чтобы только осилить боль.*

*Вот он вспомнил, как вместе жили.
Все подробности. До единой.
Будто память рисунок чёткий
Положила на белый холст.*

Мой голос дрожал и сбивался. Папа бы отругал меня сейчас за такое ужасное чтение, если бы мог. Но он не может. Не смотря на то, что в стихотворении говорится о муже и жене, я представляю себе нас с папой.

*Всё бывало в их жизни долгой.
Спутник шёл со своей планетой,
То сближаясь, то отдаваясь,
То любя её больше всех.*

*Ах как поздно он это понял.
Сколько мог бы он дать ей счастья.
Сколько мог бы ей дать покоя.
Сколько мог принести добра.*

*А теперь вот она уходит.
Это он в ней сейчас уходит.
Это всё, что с ним было в жизни,
Вместе с нею сейчас уйдёт.⁶*

Я бы отдал все, лишь бы вернуть его, или хотя бы облегчить его страдания. Перевернул бы мир с ног на голову. Но это не поможет. Ничто не может.

Хуже чем умирать, только наблюдать за тем, как кто-то умирает.

— Красивое стихотворение, — в наступившей тишине раздался мягкий женский голос. Я узнал его моментально, и он этого покрылся коркой льда.

— Никогда не слышала его прежде, — она медленно прошла в палату, захлопывая за

собой дверь. — Кто автор? — Девушка мимолетно скользнула глазами по книге в моих руках, улыбка озарила ее милое личико: — Сергей Островой, дедушка читал одно из его стихотворений на похоронах бабули. Я запомнила это, потому что он и Кайл очень сильно плакали, когда его слышали.

Вот она. Мия. Пришла сюда, спустя столько времени и ведет себя, как ни в чем не бывало. Делится воспоминаниями, словно ничего особенного не произошло.

— Хороший поэт, — сухо подметил я.

— Прости, что не пришла раньше, — она наконец-то осмелилась поднять на меня свой виноватый взгляд. — Не думала, что ты захочешь меня видеть.

— И ты была права, — от моих слов плечи Мии поникли.

Не понимаю, чего она ожидала? Мы встречались с ней семь лет. Семь чертовых лет. И когда в апреле я сделал ей предложение, то рассчитывал на «да» или хотя бы «я подумаю». А получил твердое «нет» и побег из ресторана.

Вот о чем я думал, когда вез папу домой. Вот почему не удержал руль. Мия не виновата в аварии, но именно она была причиной, по которой машина разбилась.

— Как поживает Тайлер? — Рядом с ней я всегда начинаю заводиться.

— На прошлой неделе он сделал мне предложение, — стыдливо пряча глаза, пробормотала девушка, суетясь вокруг моего отца. — Я согласилась. Но не думаю, что тебе это интересно.

— Нет, почему же? — Внутри меня закипала обида, подкрашенная злостью. Все мои внутренности завязались в тугий морской узел. Находишь Тайлер здесь — я бы убил его. Не моргнув глазом, убил бы. — Это же замечательно, узнать, что твоя бывшая девушка выходит за парня, которого едва знает. Я же недостоин, быть твоим мужем, ведь так? А он — другое дело?

— Марк, когда-нибудь ты мне скажешь спасибо, — с сочувствием проговорила она. — За то, что уберегла нас от ошибки. Наши отношения уже изжили себя.

— Я любил тебя! — Выкрикнул я, заставляя ее замолчать. — Я люблю тебя, Мия. Так что не смей мне навязывать то, чего нет.

— Марк, зачем ты так со мной?

— Зачем я так с тобой? — Она свихнулась, что ли? — Это не я тебя бросил, Мия. Это ты от меня ушла.

Она молчит. Ей нечего сказать. Моя правда убила все доводы в ее голове либо она решила, что спорить со мной бесполезно.

Слегка улыбнувшись, девушка наклонилась и поцеловала моего отца в щеку. На полпути к двери Мия остановилась и посмотрела на меня:

— Надеюсь, что однажды ты поймешь, что я правильно поступила. Может, когда-нибудь, мы снова станем друзьями.

— Спасибо что пришла, — холодно проговорил я.

Она кротко кивнула и покинула палату, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Глава 4

Кажется, я уже насквозь пропитан запахом хлорки и антисептика. И если раньше я недолюбливал запах больницы, то теперь я его ненавижу.

Уже полгода эта палата, эти бледно-серые стены и холодный, кафельный пол являются моим домом.

Домом, который я покидаю максимум на два часа, этого времени хватает, чтобы съездить в дом отца, принять душ и взять чистые вещи.

Крёстная уговаривала меня жить своей жизнью и положиться на Бога, но я не могу.

Чувство вины просто не дает мне покоя. Я виноват в аварии, и я готов на все лишь бы искупить свою вину. Но я бессилен.

Вот он: вечно бодрый, уверенный, красивый, молодой мужчина. Его волосы едва тронуты сединой, а на лице почти нет морщин. От его уверенности и жизнерадостности не осталось и следа.

Голова отца перебинтована, из приоткрытого рта торчит прозрачная трубка, через которую в его легкие поступает кислород. Губы полопались и теперь шелушатся. На мониторе, справа от койки, подрагивает размеренное сердцебиение.

Вот уже полгода я жду, что он очнется — но этого не происходит.

Входная дверь тихонько скрипнула и приоткрылась. В палату вошла светловолосая женщина в темно-синем платье. Ее бледные руки сжимали дюжину кремово-розовых калл. Она всегда их приносит, говорит, что папа их очень любил. Я даже этого не знал. Какой же дерьмовый сын из меня был...

— Эдисон, — я оставил легкий поцелуй на ее напудренной щеке. — Я думал ты приедешь завтра...

Забирая из ее рук букет, и я принялся искать вазу. Медсестра каждый раз ставит ее в разные места, словно прячет от нас. До чего же вредная женщина.

— А где Мия?

— Я приехала одна, — кратко ответила Эдисон. Ее голос был тих и мягок, впрочем, как и всегда. Она поманила меня к койке, которая служила мне кроватью, и пригласила присесть.

У меня засосало под ложечкой.

— На самом деле Доктор Де Фин пригласила меня.

— Эдисон, я прошу тебя, — резко ответил я, вскакивая на ноги. Этот разговор всегда выводил меня из себя. — Я даже слышать об этом не хочу.

— Марк! — Эдисон повысила голос. Под ее большими голубыми глазами образовались темные круги. За то время, что папа находится в коме, женщина постарела лет на десять. Как же я раньше этого не заметил? — Я просто прошу тебя выслушать меня. Просто послушай, о большем я и просить не смею.

— Эдисон...

— Марк! — Закричала женщина, тем самым удивив меня. Никогда прежде я не видел ее такой. — Кайл мертв. Его мозг мертв. Он не вернется. Я понимаю, что ты не хочешь это принимать. И мне тоже хочется верить в другой конец, но его нет.

Я взрываюсь.

— Эдисон, не будь глупа! — Женщина вздрагивает, ее глаза наполнились слезами. — Посмотри на него, — я указал на отца, лежащего на койке в ворохе проводов. — Он здесь, его сердце бьется, а легкие дышат.

— Марк, мозг твоего отца мертв. Жизнь в его теле поддерживают аппараты.

— Я не верю в это, — я тряс головой, словно отгоняя наваждение. — Это не может быть правдой.

— Мы должны отпустить его, — после недолгого молчания, произнесла Эдисон. — Ангелам место на небе.

Я не могу произнести ни слова. Словно у меня пропал дар речи. Все, что я мог делать — это стоять столбом и смотреть в пустоту, сжимая до боли кулаками.

— Он бы хотел этого, — Снова начала Эдисон.

— Ты не можешь знать этого. — Резко ответил я.

— Но я знаю, — Эдисон вставала с кушетки и подошла ко мне. — По ту сторону смерти кое-кто уже слишком долго его ждет.

Женщина расстегнула свою маленькую, черную сумочку и достала из нее старую, потрёпанную временем фотографию и протянула ее мне.

Отец (таким я впервые его увидел: молодым и переполненным светом) обнимает милую блондинку, которая очень похожа на Эдисон в молодости. Отец улыбается, но глаза переполнены грустью. На обратной стороне фотографии, его почерком написано:

«За день до того, как моя жизнь разлетелась вдребезги».

Я непонимающе уставился на фотографию:

— Кто это девушка? — Тихо спросил я. — Это на ее могиле мы были в тот день?

— Да, Марк, — вытирая слезы, подтвердила крёстная. — В тот день, Кайл навещал именно ее могилу.

У меня не нашлось слов. Еще несколько минут я устало всматривался в фотографию, мечтая еще хотя бы раз увидеть улыбку отца, услышать его голос, смех.

— Отпусти его домой, Марк, — нежно проговорила Эдисон.

— Но его дом здесь, — озадачено пробормотал я, сомневаясь в своей правоте.

Эдисон отрицательно покачала головой:

— Его дом рядом с ней.

— Я не знаю, хватит ли у меня сил отпустить его.

— Отец воспитал тебя сильным и храбрым. Это твой шанс доказать ему это.

Я сам не верил в то, что собирался сделать.

— Хорошо.

— Хорошо? — Удивленно переспросила Эдисон. — Я нерешительно кивнул в ответ.

От ее лица отхлынули все краски. Пройдя вглубь комнаты, Эдисон нажала на кнопку вызова и через минуту, тяжелым шагом, в комнату вошла Доктор Де Фин.

— Вы готовы? — Мягким голосом спросила она, переводя свой взгляд с меня на крёстную. Мы лишь кивнули в ответ. — Хорошо. Сейчас я отключу систему жизнеобеспечения, и Ваш отец будет дышать самостоятельно.

— И что будет потом? — Полным ужаса голосом спросил я.

— Либо Мистер Купер будет справляться самостоятельно, либо... — Она замолчала, и я продолжил вместо нее:

— Умрет.

— Марк, мне жаль, — и ее голос, в самом деле, был пропитан сожалением. — Но вероятнее всего, сердце Вашего отца вскоре перестанет биться. Будьте к этому готовы.

Эдисон сжала мою руку, под звук затихающей аппаратуры.

Воздух перестал поддаваться в его организм. Оглушающую тишину разбавлял стук сердца. Я стоял и мысленно считал удары: *Один, два, три, четыре...*

Он дышит, его сердце бьется. Он сможет, он выкарабкается.

— Его давление падает, — я услышал голос доктора и перевел на нее взгляд.

— Что это значит? — Опустив глаза, она молчала. Да и вряд ли тут нужны слова.

Из моих глаз брызнули слезы, упав на грудь отца, я вцепился в его больничный халат.

— Нет. Отец, нет! Ты не можешь оставить меня, — рыдания сотрясали мое тело. Дыхание перехватило. — Папа, пожалуйста...

Один удар.

Второй.

Третий.

А затем меня ранил оглушающий, ровный писк.

Ударов больше не было.

— Время смерти: 11–42.

Глава 5

ЭДИСОН

— Ну, здравствуй мама, — зябко укутавшись в теплое пальто, под которое все равно пробирается холодный октябрьский воздух, я нагнулась и смахнула со старой могилки пригоршню сухих листьев. — Даже не знаю, плохо или хорошо, что тебя сегодня нет с нами.

Сегодня похороны Кайла, я взяла их подготовку на себя, Марк бы этого не вынес. Он бы не справился. Мне больно смотреть на то, как он убивает себя день за днем. Вина сидит глубоко внутри него и словно тысячи червей — поедает заживо.

За эти полгода Марк сильно исхудал и изменился, повзрослел, словно встретился со смертью лицом к лицу. Хотя, по сути, так оно и было.

Я корю себя за то, что не настояла на отключении аппаратов гораздо раньше. Расставаться с Кайлом больно, но еще больнее наблюдать, как близкий тебе человек разрушает себя собственными руками. Все знали, что Кайл не очнется, но не переставали надеяться до его последнего вздоха.

И вот сейчас я здесь. Стою около могилы матери, по одну сторону которой похоронен мой отец, по другую будет похоронен Кайл. Многие бы осудили меня за такой поступок, похоронить возлюбленного матери рядом с ее мужем. Но, а как иначе? Мы одна семья.

Бог дал мне двух отцов. Один был мне родным по крови. Он растил меня, мазал зеленкой мои сбитые колени, вытирал слезы, когда меня бросил первый парень, вел к алтарю, когда я в первый раз выходила замуж.

Другой, стал мне родным. И если бы не он, я даже не знаю, чтобы со мной стало.

Я чувствую на себе глаза собравшихся людей.

Люди.

Их слишком много. Друзья, знакомые, коллеги, студенты. Все любили Кайла и тянулись к нему словно к солнышку. Мне нравилось это качество в нем. Оно заставляло меня верить в лучшее, в то, что в мире еще существуют люди подобные Кайлу. Такие же добрые, открытые и искренние. У него было огромное, безграничное сердце, и для меня было честью занимать небольшой уголок в нем.

— Кайл был моей семьей, — надломившимся голосом произнесла я, стоя около деревянного, закрытого гроба. — словно по волшебству он появился в моей жизни и останется в ней навсегда. Не придумали еще такие слова, чтобы выразить всю силу моей любви к нему.

Марк опустил голову, его плечи дрожат. Скорее всего, он плачет. Так же как плачу я. Так же как плачет сейчас Мия.

— Я надеюсь, что ему удалось сделать каждого из вас чуточку лучше, — я уже не

сдерживала слезы. Мне было все равно, как выглядели мои рыдания. Я выпустила всю свою боль наружу. Моля Бога о том, что бы там, на небе моя мама и Кайл наконец-то оказались вместе. — Мне сложно сказать ему «прощай», но я должна.

— Можно, — тихо произнес Марк. — Можно, мне кое-что сказать?

Он по-прежнему стоял у изножья гроба. Не смотря ни на меня, ни на Мию, ни на собравшихся людей. В воздухе повисла тишина, которая помогала ему собраться с силами. Я не знаю, что произошло между ним и Мией, но сейчас она позабыла все обиды и стоит бок о бок с Марком, сжимая его руку.

— Я не умею говорить красивые слова, как это делает моя крестная, — он тяжело сглотнул. — Я сделаю это по-своему.

Он достал небольшой сверток из нагрудного кармана и развернул его.

Впервые за все это время он поднял глаза и взглянул на меня. Эти глаза не принадлежат мужчине, которого я сейчас перед собой вижу. Это глаза мальчишки — сироты, которого когда-то Кайл забрал из приюта. В мое сердце вкололась здоровенная иголка, и я едва не задохнулась от боли. Марк снова посмотрел на листок и принялся читать:

*Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но как враги избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.*

*Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали⁷*

— Покойся с миром, отец, — вытирая слезы рукавом пиджака, проговорил Марк. — Надеюсь, ты обрел то, что так давно искал. Я не буду говорить тебе «прощай», ведь мы не прощаемся. Я скажу «до свидания», потому что рано или поздно мы все равно встретимся.

— Ты навсегда останешься в моем сердце, — прошептала я, опуская на крышку деревянного гроба, идеальную, красивую красную розу. Такую же прекрасную, какой была душа Кайла.

ЭПИЛОГ

Я нахожусь в темноте.

Вокруг ничего нет, только пустота.

Понятия не имею, что происходит и должно ли так быть. Я первый раз прохожу через портал. Когда я был ангелом, в этом не было необходимости.

Я нервничаю от того, что совершенно ничего не вижу. Все вокруг какое-то осязаемое, вязкое, густое. Словно меня окружает не воздух, а вода.

Пытаюсь двигаться вперед, с трудом, но у меня все же получается это сделать. Я стараюсь сконцентрироваться на задаче, но мои мысли все время возвращаются к Эмили.

Не могу снова потерять ее. Мне не следовало ввязываться во все это, но теперь поздно кусать себя за задницу. Что сделано, то сделано. Сейчас моя задача состоит в том, чтобы исправить все как можно быстрее.

Я верну Эмс на землю, даже если придется убить каждого, кто станет у меня на пути.

Я верну тебя Эмили.

Клянусь.

Меня ослепила яркая вспышка света. Мои глаза словно наполнились кислотой, которая безжалостно их разъедает. Мне требуется несколько минут, чтобы привыкнуть к неопишуемой боли, прежде чем открыть глаза и посмотреть что происходит.

Вязкая темнота исчезла. Теперь я нахожусь в длинном коридоре. Все вокруг: стены, потолок и пол, выкрашены с бледно-серый цвет. Каждая стена украшена черно-белыми фотографиями.

Это не просто фотографии.

Это отрывки моих воспоминаний. Воспоминаний из прошлого, где у нас с Эмили не было счастливого конца.

День, когда я впервые к ней прикоснулся. Ее бледное, испуганное, перепачканное кровью лицо кажется пластмассовым. А глаза переполненные ужасом смотрят куда-то вдаль. Это день, когда погибли ее родители. Тогда я чуть было не потерял ее в первый раз.

Следом за этой картинкой идет другая, на которой изображена *наша первая встреча*, а если быть точным, то *день когда Эмили увидела меня в первый раз.*

Сердце сжалось от боли, а в глазах начало темнеть. Это слишком жестоко, даже для меня.

У меня сил нет смотреть на эти воспоминания (какие бы они ни были: хорошими или плохими), они приносят слишком много боли. Все зажившие и кое-как затянувшиеся раны, закровоточили вновь. Если это проверка, то я определенно ее не прошел.

Словно из ниоткуда, как по волшебству в конце коридора появилась дверь. Не веря в свою удачу, надеясь на то, что эта экскурсия по прошлому вот-вот закончится, я сломя голову побежал в ее направлении. Я как мог старался смотреть прямо перед собой, а не по сторонам. Но глаза все равно улавливали отрывки изображений: *ее ладонь, сжимающая мое перо; лицо полное слез освященное светом от горящего клуба; прощание у озера; наш танец, на вечеринке Алекса; встреча на крыше; наша ночь; Эмили отпускает меня в Эдем; пожилая Эмс, сжимает в руках сверток с блокнотом; могила заваленная цветами; испуганное лицо Марка, за мгновение до аварии.*

Вся моя жизнь уместилась в одну маленькую комнату. Все самые важные воспоминания смотрят на меня с этих стен, не давая дышать. Они давят на меня, подобно каменному грузу, упавшему с высоты многоэтажки. И вместо того, чтобы умереть под их тяжестью, я переживаю каждое из этих воспоминаний снова и снова.

Не в силах находится здесь дольше полминуты, я хватаюсь за ручку и тяну на себя дверь. Она распаивается настежь.

Свежий, чистый воздух пропитан ароматами цветов, травы и дождя. Так пахнет в Эдеме. Я узнаю этот запах среди тысячи других.

Я вижу свой бывший мир так ясно, что на мгновение перехватывает дух. Я дома.

Никогда бы, ни подумал, что оказавшись здесь, я испытаю (хоть и маленький, но все же) прилив счастья.

— Ты заставил меня поволноваться, — произнес радостный, женский голос.

Ее голос.

— Я уже начала думать, что ты не придешь.

Я обернулся назад и увидел, как из-за невысокого дерева вышла она. Легкая, парящая, невесомая, но по-прежнему моя.

— Эмили... — На выдохе произнес я, испытывая облегчение. Боль отступила. — Я

сразу же примчался сюда.

Эмили остановилась в двух шагах от меня и робко посмотрела мне в глаза. Между нами всего два шага, а кажется будто бы вечность.

— Эмили, — я попытался приблизиться к ней, но она отступила. Ее прекрасное лицо было полно сочувствия.

— Кайл, — немного помедлив, произнесла она, тщательно подбирая слова. — Что ты помнишь?

— Катарина подсыпала тебе что-то в чай, — я совершенно сбит с толку ее поведением. — Твое сердце перестало биться...

Ладонь Эмили метнулась вверх и легонько накрыла то место, где раньше билось ее сердце. Ее глаза, лицо, тело было огромным комком боли и сочувствия. Ее страшила сама мысль о том, что она знает то, чего еще не знаю я. И это знание убивает ее.

— Кайл, — тихо произнесла она, сделав глубокий вдох. — Я думала, что ты все помнишь. Точнее я надеялась на это. Но, похоже, ты еще не осознал, что произошло.

— Что произошло, Эмили? — Я не на шутку встревожился. Мне не нравится, как она себя ведет. Все это похоже на какой-то розыгрыш. Чертовски не смешной розыгрыш.

Я ищу в ее глазах, хоть какой-нибудь намек на веселье. Жду, что она улыбнется и скажет: *«Ага. Испугался? Видишь, как я тебя разыграла...»*. Но она молчит. Лишь к голубым глазам подступили прозрачные слезы. И только тут я заметил, как она изменилась.

На тонком запястье нет браслета, как и тонкой белой полоски (следа от него) на фоне загара. На шее больше нет медальона, который я ей подарил на прошлый Новый год.

Взглянув на ее безымянный палец, я почувствовал укол в сердце. С безымянного пальца пропало кольцо. Да черт с ним, с этим кольцом. По сути, пропало не оно, а ее обещание стать моей женой.

— Эмили, я не понимаю, — в моих глазах, скорее всего сейчас отражались миллиарды вопросов, на которые она боится дать мне ответ. — Объясни мне, что происходит.

Эмс осторожно, медленно ступая босыми ногами по зеленой траве, подошла ко мне. Запрокинув голову назад, она посмотрела мне в глаза.

Ее глаза изменились.

Их цвет остался прежним, да только вот смотрели они как-то по-другому. Глаза старика на молодом, лице прекрасной девушки. Такие глаза я видел каждый раз, подходя к зеркалу.

— Ты помнишь аварию, Кайл? — Почти шепотом спросила она, беря мои ладони в свои. Я кивнул. — Что именно ты помнишь?

— Машину занесло, мы врубались в дерево, — на автомате ответил я. — А потом я потерял сознание. Когда очнулся — ты была рядом, сказала что сегодня двадцатое августа 2014 года.

— Ты погиб в той аварии, Кайл, — мое тело онемело. Я ожидал услышать что угодно, но только не это. Я бы поверил во что угодно, но только не в то, что произнесли ее губы.

— Я не мог умереть. — Я отшатнулся от нее, и мои ладони выскользнули из ее рук. — Ты была рядом все эти семь месяцев. Я был с тобой. Я чувствовал тебя. Я говорил с тобой.

Эмили отрицательно покачала головой. Только сейчас я обратил внимание, что ее светлые волосы намного короче, чем были прежде. Сейчас они чуть-чуть ниже плеч, хотя совсем недавно, в моей памяти, они доставали до талии. Как я сразу этого не заметил?

— Меня не было рядом, милый. — Ласкова произнесла она, пытаясь меня ободрить. Но это не помогает мне поверить ее словам. — Я умерла. Ты ведь был на моих похоронах...

— Тогда что это было? Ты, я, мы?

— Что-то держало тебя на земле. — Она встала на носочки и обвила свои руки вокруг моей шеи. Я боялся, что не почувствую ее тепло, но я ее чувствую. Мое сердце ее чувствует. — И это что-то наконец-то отпустило тебя ко мне.

Она отстранилась от меня и я увидел слезы в ее глазах. Сейчас, здесь в моем мире Эмили стала еще прекраснее. Мои ладони сжали ее талию и больше не желали ее отпускать.

Я мечтал иметь с Эмили что-то гораздо большее, чем просто «бумажное счастье». И я наконец-то обрел это. Больше нет причин для разлуки. И некому ставить нам условия.

Нашу любовь стирали, ломали, запугивали, разрушали, убивали. «Бумажное счастье» сгорело, все, что от него осталось — пепел. Эдемский ветер подхватил его крупицы и развеял их по всем уголкам мира и теперь ничто не сможет нам навредить.

Наша любовь повсюду.

Она в каждом из вас.

В воздухе, которым вы дышите.

В земле, по которой вы ходите.

В растениях, которые вас окружают.

И пусть мое «бумажное счастье» сгорело. Мое «пепельное счастье» будет жить вечно.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Плейлист:

Of Verona — Dark In My Imagination

Alex Band — Forever Yours

Ron Pope — You're The Reason I Come Home

Adele — Rolling in the deep

Iko — Heart of Stone

Lykke Li — Love Out Of Lust

Skylar Grey — Dance Without You

Ron Pope — Perfect For Me

Tinashe feat Devonté Hynes — Bet

Ellie Goulding — My Blood

ИКО — Find A Place

Bring Me The Horizon — Deathbeds

Заметки

[

←1

]

1. **Островой Сергей** «Оттого, что я жить без тебя не могу...»

[

←2

]

2. **Adele** — *Rollingin the Deep*

[

←3

]

3. **Мирко** (древне-славянское имя, означающее «мирный»).

[

←4

]

4. **Диссоциативная амнезия** — один из видов диссоциативных расстройств, при котором пациентом утрачивается память на события в основном личного характера, что является последствием стресса или травмирующего события, при этом способность восприятия новой информации сохраняется.

[

←5

]

. **Дежавю** (фр. *dejà vu* — «уже виденное») — психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации.

[

←6

]

Выдержки из стихотворения **Сергея Острового**

[

←7

]

7. **Михаил Лермонтов.**